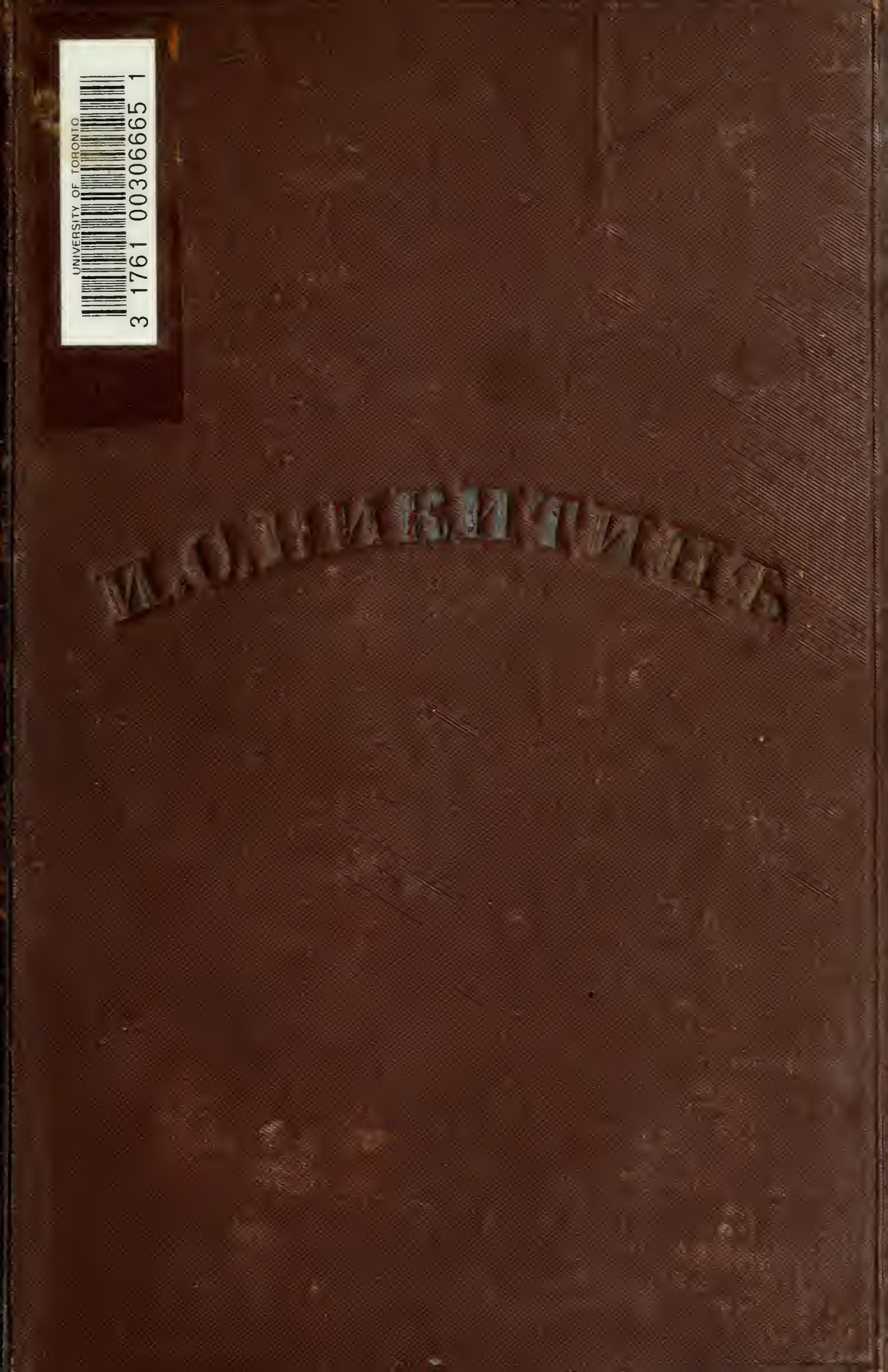

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306665 1

СОЧИНЕНІЯ

И. С. НИКИТИНА

съ

ЕГО ПОРТРЕТОМЪ, FAC-SIMILE

и

БІОГРАФІЕЙ,

составленной и вновь исправленной

М. Ѳ. Де-Пуле.

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Э. ЛИССНЕРЪ И Ю. РОМАНЪ, НА АРБАТѢ, ДОМЪ КАРИНСКОЙ.
1878.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ II.

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.

Что же? усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придвинется,
Только однимъ человѣкомъ убавится.
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!..

Вотъ она — слышится пѣснь беззаботная!
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается,
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише! О жизни поконченъ вопросъ.
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

I.

ЛАМПАДКА.

Предъ образомъ лампадка догораетъ,
Кидая тѣнь на потолокъ;
Какъ много думъ, думъ горькихъ вызываетъ
Глазамъ знакомый огонекъ!

Я помню ночь: передъ моей кроваткой,
Сжавъ руки, съ мукою въ чертахъ,
Вся блѣдная, освѣщена лампадкой,
Молилась мать моя въ слезахъ.

Я былъ въ жару. А за стѣною пѣли, —
Шелъ пиръ семейный, какъ всегда!...
Испуганный, я вздрагивалъ въ постели...
Зачѣмъ не умеръ я тогда?

Я помню день: лампадка трепетала;
Шелъ дождикъ, по стеклу звеня.
Отецъ мой плакалъ... мать въ гробу лежала...
Въ глазахъ мутилось у меня.

Но молодость сильна. Вдали блестѣло;
Полна надежды, — жить спѣша,
Изъ омута, гдѣ сердце холодѣло, —
Рвалась впередъ моя душа.

Вотъ эта даль, страна моей святыни,
Гдѣ, мнѣ казалось, свѣтъ горитъ....
Иду по ней — и холодомъ пустыни
Со всѣхъ сторонъ меня язвитъ.

Увы! лампадки яркое сіянье,
Что было, пробуждая вновь,
Бросаетъ лучь на новое страданье
Недавнихъ ранъ живую кровь!

Я не нашелъ съ годами лучшей доли,
Не спасъ меня завѣтный путь
Отъ тонкихъ иглъ, что входятъ противъ воли
Въ горячій мозгъ, въ больную грудь.

Все мракъ и плачъ... рубцы отъ бичеванья...
Разсвѣтъ спасительный далекъ...
И гаснуть дни средь мрака и молчанья,
Какъ этотъ блѣдный огонекъ.

II.

* * *

(Отрывокъ).

Смеркаетъ день. Въ бору темнѣетъ...
Пожаръ зари надъ нимъ краснѣетъ;
Во влажной почвѣ листъ сухой
Безъ звука тонетъ подъ ногой.
Недвижны сосны.. Сонъ ихъ чудный
Такъ полонъ грезъ. Едва-едва
Примѣтна неба синева
Сквозь вѣтви. Сѣтью изумрудной
Покрыла цѣпкая трава
Сухое дерево. Грозою

Оно на землю свалено
И до корней обожжено.
Тропинка черной полосою
Лежитъ въ травѣ. По сторонамъ
Грибы бѣлѣютъ тутъ и тамъ.
Порою вѣтеръ шаловливый
Разбудитъ листья, слышенъ шумъ,
И вдругъ все стихнетъ — и на умъ
Приходятъ сказочныя дивы.
Слухъ раздраженъ. Вотъ въ чащѣ трескъ —
И мнится, видишь яркій блескъ
Двухъ яркихъ глазъ... Одно мгновенье —
И все пропало. Вотъ рѣка;
Въ зеленой рамѣ лозняка
Ея спокойное теченье
Такъ полно силы! Челноки,
Собрали сѣти рыбаки,
Плывутъ, струи бѣгутъ отъ веселъ,
Угрюмый берегъ тѣнь отбросилъ,
Мостъ подъ телѣгами дрожитъ,
И скрипъ колесъ, и стукъ копытъ
Тревожатъ цаплю, и пугливо
Она летитъ изъ-подъ куста.
Веселый шумъ и суета
На мельницѣ. Нетерпѣливо
Волна сердитая реветъ,
Мелькаетъ жерновъ торопливо...

Пора домой: ужъ ночь идетъ,
Огни по небу разсыпаетъ.
Пора домой: семья заботъ
Меня давно тамъ поджидаетъ;
Приду, — и встрѣтитъ у воротъ,
И крѣпко, крѣпко обойметъ.

III.

* * *

Свѣтитъ мѣсяцъ въ окна....
Пѣтухи пропѣли;
Погасилъ я свѣчку
И лежу въ постели.

Спать бы — да не спится,
Весь я, какъ разбитый;
Голову и сердце
Мучитъ день прожитый.

Пусть бы мнѣ на долю
Выпалъ трудъ тяжелый, —
Да хоть сонъ покойный,
Да хоть часъ веселый!

Что жь ты, жизнь-веселье,
Пропадаешь даромъ,
Улетаешь прахомъ,
Исчезаешь паромъ?

Есть же вѣдь у птички,
Что поетъ въ лазури,
Воля да раздолье
И прiютъ отъ бури.

Запоетъ зарею —
Кто-нибудь услышитъ,
Веселѣе смотритъ,
Легче грудью дышитъ.

Ты же, какъ ни бейся,
Все не въ честь, не въ радость:
И другимъ не нуженъ,
И себѣ-то въ тягость.

IV.

Первый громъ прогремѣлъ. Яркій блескъ въ синевѣ,
Въ тепломъ воздухѣ пѣсни и нѣга;
Голубые цвѣтки въ прошлогодней травѣ
Показались на свѣтъ изъ-подъ снѣга.

Пригрѣваются стекла лучемъ золотымъ:
Вербы почки свои распустили;
И съ надворья гнѣздо, надъ окошкомъ моимъ,
Сизокрылые голуби свили!

Что за робкіе гости! чуть мимо идешь, —
Торопливо головки поднимутъ,
Смотрятъ долго и зорко... Того только ждешь,
Что бѣдняжки пріютъ свой покинутъ.

Какъ я радъ имъ! Боюсь и окно отворять:
Все мнѣ кажется ихъ испугаю;
Беззащитнымъ созданьямъ легко помѣшать,
А легко-ль имъ живется — я знаю.

Чуть окрасится небо полоской огня
И сквозь стекла разсвѣтъ забѣлѣетъ, —
Воркотнею своей они будятъ меня:
Посмотри, молъ, какъ зорька алѣетъ.

Сталъ уютнѣй, свѣтлѣй уголокъ мой теперь....
Этой кроткой семьи новоселье, —
Можетъ быть, послѣ смутъ, и борьбы и потерь,
Предвѣщаетъ мнѣ миръ и веселье!

V.

Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями
Облака съ золотыми краями;
Чуть замѣтенъ надъ лѣсомъ туманъ,
Теплый вечеръ прозрачно-румянъ.

Вотъ ужь вѣетъ прохладой ночною;
Грезитъ колосъ надъ узкой межою;
Мѣсяцъ огненнымъ шаромъ встаетъ,
Краснымъ заревомъ лѣсъ обдаетъ.

Кротко звѣздъ золотое сіянье,
Въ чистомъ полѣ покой и молчанье;
Точно въ храмѣ стою я въ тиши
И въ восторгѣ молюсь отъ души.

VI.

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ;
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.

Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чащѣ молчаливой
Темнота лежитъ.

Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и-разговоръ;
Жарко косарями
Разведенъ костеръ.

По травѣ высокой,
Съ цѣпью на ногахъ,
Бродитъ одиноко
Бѣлый конь въ потьмахъ.

Вотъ ужь пѣснь заводитъ
Пѣсенникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой.

Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловитъ — не глядитъ,
Пляшетъ — присѣдаетъ,
Соловьемъ свиститъ.

Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ...

Золотыя нивы,
Гладь и блескъ озеръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ,

Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши...
Такъ и льются сами
Звуки изъ души.

VII.

* * *

Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ....
Пѣсня изъ лѣсу несется,
Листъ зеленый задѣваетъ,
Желтый колосъ окликаетъ,
За курганомъ отдается.

За курганомъ, за холмами,
Дымъ — туманъ стоитъ надъ нивой,
Свѣтъ мигаетъ полосами,
Зорька, тучекъ рукавами,
Закрывается стыдливо.

Рожь да лѣсъ, зари сіянье, —
Дума, Богъ вѣсть, гдѣ летаетъ...
Смутно листьевъ очертанье,
Вѣтерокъ сдержалъ дыханье,
Только молнія сверкаетъ.

VIII.

* * *

Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ,
Озлобленъ умъ и ноетъ тѣло.
Все, отъ чего душа скорбитъ,
Вокругъ меня весь день кипѣло.

Куда бѣжать отъ громкихъ словъ?
Мы всѣ добры и непорочны!
Боготворить себя готовъ
Иной другъ правды безупречный!

Убита совѣсть, умеръ стыдъ,
И ложь во тьмѣ царитъ свободно;
Никто позора не казнитъ,
Никто не плачетъ всенародно!

Межъ нами мучениковъ нѣтъ...
На крикъ: «спасите!» нѣтъ отвѣта!
Не выйдемъ мы на Божій свѣтъ:
Нашъ рабскій духъ боится свѣта!

Быть можетъ, въ воздухѣ весь вредъ, —
Чему бы гибнуть, — процвѣтаетъ,
Чему-бъ цвѣсти, — роняетъ цвѣтъ
И жалкой смертью умираетъ.

IX.

СОХА.

Ты соха-ли, наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!

По твоей-ли, соха, милости,
Съ хлѣбомъ гумны пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты!

Про тебя и вспомнить некому...
Что жь молчишь ты, безпривѣтная,
Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ,
Не въ честь служба безотвѣтная?...

Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная,
И покоитъ соху-матушку
Одна ноченька беззвѣздная!

На межѣ трава зеленая,
Полынь дикая качается;
Не твоя-ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?

Ужь и кѣмъ же ты придумана,
Къ дѣлу на вѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена...

X.

* * *

Ахъ, ты бѣдность горемычная,
Дома въ горѣ терпѣливая,
Къ куску черному привычная,
Въ чужихъ людяхъ боязливая!

Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь,
Сирота, стыдомъ убитая,
Къ богачу придешь — въ углу стоишь,
Безпривѣтная, забытая.

Ты плывешь — куда водой несетъ,
Стороной бредешь — гдѣ путь дадутъ,
Просишь солнышка — гроза идетъ,
Скажешь правду — силой ротъ зажмутъ.

У тебя весна безъ зелени,
А любовь твоя безъ радости,
Твоя радость безо времени,
Немочь съ голодомъ при старости,

Вѣкъ ты мучишься, да маешься,
Все на сердцѣ грусть великая,
Съ бѣлымъ свѣтомъ ты разстанешься, —
На могилѣ травка дикая.

XI.

УДАЛЬ И ЗАБОТА.

Таетъ забота, какъ свѣчка,
Вѣкъ отъ тоски пропадаетъ;
Удали горе не горе, —
Въ цѣпи закуй, — распѣваетъ.

Ляжетъ забота — не спится,
Спитъ-ли, пройди — встрепенется;
Спитъ молодецкая удаль,
Громомъ ударь — не проснется.

Клонится колосъ отъ вѣтра,
Вѣтеръ заботу наклонитъ;
Встрѣтится удаль съ грозою —
На ухо шапку заломитъ.

Всѣхъ то забота боится,
Топнутъ ногой — поблѣднѣетъ;
Топнутъ ногою на удаль —
Лѣзетъ на ножъ, не робѣетъ.

Пò-смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочетъ;
Удаль, не думавъ, добудетъ,
Кинетъ на вѣтеръ — хохочетъ.

Пѣсня заботы — не пѣсня:
Слушать — тоска одолѣетъ;
Удаль присвистетъ, притопнетъ —
Горе и думу развѣетъ.

Явится въ гости забота, —
Въ домѣ и скука и холодъ;
Удаль влетитъ да обниметъ. —
Станешь и веселъ и молодъ.

XII.

БЕЗТАЛАННАЯ ДОЛЯ.

Доля безталанная,
Что жена сварливая,
Не уморитъ съ голода,
Не накормитъ дòсыта.

Дома — гонитъ изъ дому,
Ведетъ въ гости на горе;
Ломитъ, что ни вздумаетъ,
Поперекъ да на двое.

Ахъ, жена сварливая
Пошумитъ — уходится,
Съ пѣтухами поздними
Заснетъ — успокоится.

Доля безталанная
Весь день потѣшается,
Растолкаетъ соннаго —
Всю ночь насмѣхается.

Грозитъ мукой, бѣдностью,
Сулитъ дни тяжелые,
Смотрѣть велитъ соколомъ,
Пѣсни пѣть веселыя.

Пѣсни тѣ веселыя
Свистомъ покрываются,
Послѣ пѣсенъ въ три ручья
Слезы проливаются.

XIII.

* * *

Медленно движется время, —
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй, наше юное племя!
Путь твой широкъ впереди.
Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ...
Мертвые въ мірѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Сѣялось сѣмя вѣками,—
Корни въ землѣ глубоко;
Срубишь лѣса топорами,—
Зло вырывать не легко:
Намъ его въ дѣтствѣ привили,
Дѣды сроднилися съ нимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Стыдъ, кто безсмысленно тужитъ.
Листья зашепчутъ: онъ нѣмъ!
Слава, кто истинѣ служитъ,
Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на трудъ поспѣшимъ....
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Рыхлая почва готова,
Сѣйте, покуда весна:
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена.
Гдѣ мы и какъ ихъ добыли —
Внукамъ отчетъ отдадимъ....
Мертвые въ мирѣ почили
Дѣло настало живымъ.

XIV.

* *
*

Незамѣнимая, безцѣнная утрата!
И вѣра въ будущность, и радости труда,
Чѣмъ жизнь была средь горести богата —
Все сгублено безъ цѣли и плода!
Какъ хрупкое стекло, все въ дребезги разбито
Желѣзнымъ молотомъ судьбы!...
Такъ вотъ зачѣмъ такъ много лѣтъ прожито
Въ тяжеломъ воздухѣ, средь горя и борьбы!
Осталась боль... Незримо и несмѣло,
Но врагъ подходитъ въ тишинѣ.
До времени изношенное тѣло
Горитъ на медленномъ огнѣ...
Жизнь обманула горько и обидно!
А все не вѣрится... все хочешь на пути,
Въ глухой стѣни, гдѣ зги не видно,
Хоть точку свѣтлую найти.
Но гдѣ-жь она? Гдѣ отдохнуть возможно?
Гдѣ путеводные, небесные огни?
Неужто кончатся такъ пошло и ничтожно
Слезами памятные дни?...

Такъ, полная тревожнаго волненья,
Не смѣя тишины дыханьемъ нарушать,
Младенца милаго послѣднія мгновенья
Тоскливо сторожитъ трепещущая мать,
Неужто онъ умретъ? и, чуду вѣрить рада,
Въ слезахъ предъ образомъ ницъ падаетъ она;
Но часъ пробилъ. Едва зажженная лампада —
Таинственной рукой погашена....

XV.

РАЗГОВОРЫ.

Новой жизни заря —
И тепло и свѣтло:
О добрѣ говоримъ,
Негодуемъ на зло.

За родимый нашъ край
Наше сердце болитъ;
За прожитые дни
Мучитъ совѣсть и стыдъ.

Что намъ цвѣсть не даетъ,
Держитъ ростъ молодой, —
Такъ и сбросилъ бы съ плечъ
Этотъ хламъ вѣковой!

Гдѣ жъ вы, слуги добра?
Выходите впередъ...
Подавайте примѣръ!
Поучайте народъ!

Нашъ разумный порывъ,
Нашу честную рѣчь
Надо въ кровь претворить,
Надо плотью облечь.

Какъ повѣрить словамъ —
По часамъ мы растемъ!
Закричатъ: «помоги!» —
Черезъ пропасть шагнемъ!

Въ насъ душа горяча,
Наша воля крѣпка,
И печаль за другихъ
Глубока, глубока!...

А приходитъ пора,
Добрый подвигъ начать, —
Такъ намъ жаль съ головы
Волосокъ потерять.

Тутъ раздумье и лѣнь,
Тутъ насъ робость возметъ;
А слова... на словахъ
Соколиный полетъ!...

XVI.

НИЩІЙ.

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа ради на помощь зоветъ.

Надѣваетъ-ли сумку неволя,
Не охота-ли взяться за трудъ, —
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой, —
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка, въ грязи и съ сумой!

XVII.

ПАХАРЬ.

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лѣсъ спускается;
Лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
Въ золотомъ огнѣ купается.

На бугрѣ трава зеленая
Спитъ, вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана,
Да каменьями унизана.

Не слыхать-то въ полѣ голоса.
Молча воронъ на межѣ сидитъ,
Только слышенъ голосъ пахаря,
За сохой онъ на коня кричитъ.

Съ ранней зорьки пашня черная,
Бороздами подымается,
Конь идетъ — понурилъ голову,
Мужичекъ идетъ — шатается...

Зрѣетъ рожь — тебѣ заботушка:
Какъ-бы градомъ не побилася,
Безъ дождей въ жары не высохла,
Отъ дождей не положилася.

Хлѣбъ поспѣлъ — тебѣ кручинушка:
Убирать ты не управишься,
На корню-то онъ осыплется,
Безъ куска-то ты останешься.

Урожай — купцы спѣсивятся;
Годъ плохой — въ семьѣ всѣ мучатся —
Все твой дворъ не поправляется,
Дѣтки грамотѣ не учатся.

Гдѣ же кладъ твой заколдованный,
Гдѣ таланъ твой, пахарь, спрятался?
На труды твои, да на горе
Вдоволь вчужѣ я наплакался!

XVIII.

ДЕРЕВЕНСКІЙ БѢДНЯКЪ.

Мужичка-бѣдняка
Господь-Богъ наградилъ:
Душу теплую далъ
И умомъ надѣлилъ.

Да злодѣйка-нужда,
И глупа и сильна,
Закидала его
Соромъ, грязью она.

Ѣдкимъ дымомъ въ избѣ,
И курной и сырой,
Выѣдаетъ глаза,
Душитъ зимней порой.

То работа не въ мочь,
То расправа и судъ
Молодца-силача
Въ три-погибели гнутъ.

Присмирѣлъ онъ, притихъ,
Рѣчи скупо ведетъ,
Изъ подлобья глядитъ,
Силу въ землю кладетъ.

Захирѣй его конь —
Бѣдный чортъ виноватъ,
Плаксу-бабу бранитъ
И голодныхъ ребятъ.

Пропадай, дескать, всѣ!...
На печь ляжетъ ничкомъ,
Вихорь крышу развѣй,
Съ горя все ни по чемъ!

А какъ крикнутъ: «пожаръ!»
Не зови и не тронь, —
За чужое добро
Радъ и въ дымъ, и въ огонь.

Коли хмѣль въ головѣ —
Загуляетъ душа:
Тутъ и горе прошло,
Тутъ и жизнь хороша.

На дворѣ подъ дождемъ
Онъ зипунъ распахнетъ,
Про лѣса, и про степь,
Да про Волгу поетъ.

Проспался, гдѣ упалъ —
И притихъ онъ опятъ:
Передъ всѣми готовъ
Шапку рваную снять.

Схватитъ немочь — молчитъ,
Только зубы сожметъ;
Скажутъ: смерть подошла, —
Онъ рукою махнетъ.

XIX.

Ночлегъ въ деревнѣ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ;

Закоптѣлыя палати,
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряхи, плачъ дитяти...
О, нужда, нужда!

Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть...
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть!

XX.

Дѣдушка.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ.
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ, какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испитымъ лицемъ,
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.

Все прошло; пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смертъ въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ,

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ.
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печки не спрыгнетъ.

Старику не много надо:
Лапти сплесть, да сбыть—
Вотъ и сытъ. Его отрада —
Въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя.

Радъ онъ жить, не прочь въ могилу, —
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичокъ?

XXI.

ПРЯХА.

Ночь и непогодь. Избушка
Плохо топлена.
Нитки бѣдная старушка
Сучитъ у окна.

Ужь грозы-ль она боится,
Скучно-ли, — сидитъ,
Спать ложилась, да не спится,
Сердце все щемитъ.

И трещитъ-трещитъ лучина
Свѣтъ на пряху льетъ.
Прожитая грусть-кручина
За сердце беретъ.

Бѣдность, бѣдность! Мужъ, бывало,
Хоть подъ часъ и пилъ, —
Все жилось съ нимъ, горя мало,
Все жену кормилъ.

Вотъ подъ старость, какъ ужь зрѣнье
Потерялъ на вѣкъ,
Потерялъ онъ и терпѣнье —
Грѣшный человѣкъ!

За сохой ходить — не видитъ,
Побираться — стыдъ,
Тутъ безвинно кто обидитъ, —
Онъ молчитъ, молчитъ....

Плюнетъ, срамными словами
Долю проклянетъ,
И зальется вдругъ слезами,
Какъ дитя реветъ...

Такъ и умеръ. Богъ помилуй —
Вотъ морозъ-то былъ!
Бились — бились! Сынъ могилу
Топоромъ рубилъ!...

Паренёкъ тогда былъ молодъ, —
Выросъ, возмужалъ....
Что за сила! Въ зной и холодъ
Устали не зналъ!

Поведетъ-ли рѣчь, бывало, —
Что старикъ ведетъ;
Запоетъ при зорькѣ алой, —
Слушать, — духъ замретъ...

Человѣкъ-ли утопаетъ,
Иль изба горитъ,
Чтобъ ни дѣлалъ — все бросаетъ —
Помогать бѣжитъ.

И веселье, и здоровье
Далъ ему Господь;
Будь хоть камень изголовье,
Легъ онъ — и заснетъ...

Справить думалъ онъ избушку,
Въ бурлаки пошелъ;
Нѣтъ! Беречь ему старушку
Богъ ужь не привелъ.

Приусталъ подъ лямкой, въ стужу
До костей промокъ,
Платье — ветошь, грудь — наружу,
Заболѣлъ и слегъ.

Умеръ, бѣдный! Мать узнала, —
Слезъ что пролила!
Умъ и память потеряла,
Грудь надорвала!

И трещитъ-трещитъ лучина,
Ниткѣ нѣтъ конца.
Мучитъ пряху грусть-кручина
Нѣтъ на ней лица.

Плачъ да стонъ она все слышитъ
И, припавъ къ стеклу,
На морозный иней дышитъ,
Смотритъ: по селу

Кто-то въ бѣломъ пробѣгаетъ,
Съ бѣлой головой,
Горстью звѣзды разсыпаетъ,
Въ улицѣ пустой;

Звѣзды искрятся... А вьюга
Въ ворота стучитъ...
И старушка отъ испуга
Чуть жива сидитъ.

XXII.

БЪ АЛЬБОМЪ Е. А. П-ВОЙ.

Съ младенчества дикарь печальный,
Больной, съ изношеннымъ лицомъ,
Съ какой-то робостію тайной
Вхожу я въ незнакомый домъ.

Но гдѣ привыкъ, гдѣ я встрѣчаю
Хозяйки милое лицо, —
Тутъ все забыто: я вбѣгаю
Здоровъ и веселъ на крыльцо.

Вотъ такъ и здѣсь: я точно дома;
Мнѣ такъ отрадно и тепло;
И радъ я на листкѣ альбома
Писать, что въ голову пришло.

Хозяйка милая, я знаю,
Мнѣ все проститъ, она добра;
И сталь неловкаго пера,
Я неохотно покидаю.
Хотѣлъ бы вновь писать, писать —
До безконечности болтать.

XXIII.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. О-ВОЙ.

Послушный вашему желанью,
Беру перо, сажусь писать:

Грѣшно прекрасному созданью
Въ невинной просьбѣ отказать.

Конечно, жаль! я васъ не знаю;
Увы! скорбитъ моя душа!
Молвѣ я съ жадностью внимаю,
Что вы, какъ ангелъ, хороша.

Но все равно. Идите съ Богомъ,
Мои стихи! Счастливый путь!
Отрадной встрѣчи мнѣ залогомъ
Послужите когда-нибудь.

Какъ угадать! Сѣдой и хилый,
Когда весь сморщусь и согнусь,
Авось съ красавицею милой
Лѣтъ черезъ десять я сойдусь.

Въ тотъ мигъ — его воображаю —
Добра, прекрасна, молода,
Она мнѣ скажетъ: «я васъ знаю!»
И буду счастливъ я тогда.

«Я съ вами ужъ давно знакома...»
И этихъ строкъ напомнитъ рядъ,
Покажетъ мнѣ листокъ альбома,
И я отвѣчу: виноватъ!

Позвольте... эта встрѣча съ вами...
И волю дамъ карандашу,
И вдохновенными стихами
Ея портретъ я напишу.

XXIV.

* * *

Въ небѣ радуга сіяетъ,
Розы дождикомъ омыты,
Солнце въ зелени играетъ,
Темный садъ благоухаетъ,
Кудри золотомъ покрыты.

Свѣтъ и тѣнь подъ деревами
Переходятъ, какъ живые;
Мохъ унизанъ огоньками,
Надъ душистыми цвѣтами
Вьются пчелы золотыя.

Въ чащѣ, — свиста переливы,
Стрекотня и пѣсенъ звуки.
Подлѣ ты, мой другъ стыдливый...
Слава Богу! мигъ счастливый
Уловилъ я въ часъ разлуки.

XXV.

* * *

Въ темной чащѣ замолкъ соловей,
Прокатилась звѣзда въ синевѣ;
Мѣсяцъ смотритъ сквозь сѣтку вѣтвей,
Зажигаетъ росу на травѣ.

Дремлютъ розы. Прохлада плыветъ.
Кто-то свистнулъ... вотъ замеръ и свистъ.
Ухо слышитъ, — едва упадетъ
Насѣкомымъ подточенный листъ.

Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ,
У тебя, милый очеркъ лица!
Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я-бъ продлилъ безъ конца, безъ конца!

XXVI.

* * *

Помнишь? — съ алыми краями
Тучки въ озерѣ играли;
Шапки на ухо, верхами
Ребятишки въ лѣсъ скакали.

Табуномъ своимъ покинутъ
Конь въ водѣ остановился,
И, какъ будто опрокинутъ,
Недвижимъ въ немъ отразился.

При зарѣ румяный колосъ
Сквозь дремоту улыбался;
Лѣсъ синѣлъ. Кукушки голосъ
Въ сонной чащѣ раздавался.

По полянѣ передъ нами —
Что ни шагъ — цвѣты пестрѣли,
Тѣнь бродила за кустами,
Краски вечера блѣднѣли...

Трепетъ сердца, упоенье —
Вамъ въ слова не воплотиться!
Помнишь?... Чудныя мгновенья!
Суждено-ль имъ воротиться?

XXVII.

ГОРЬКІЯ СЛЕЗЫ.

In meiner Brust, da sitzt ein Weh,
Das will die Brust zersprengen. —
Heine.

Чужихъ страданій жалкій зритель,
Я жизнь растратилъ безъ плода,
И вотъ проснулась совѣсть-мститель,
И жжетъ лицо огнемъ стыда.

Чужой бѣдой я волновался,
Отъ слезъ чужихъ я не спалъ ночь —
И все молчалъ, и все боялся,
И ни кому не могъ помочь.

Убитъ нуждой, убитъ трудами,
Мой братъ и чахъ, и погибалъ,
Я закрывалъ лицо руками —
И плакалъ, плакалъ — и молчалъ.

Я слышалъ злу рукоплесканья
И все терпѣлъ, едва дыша;
Подъ пыткою негодованья
Молчала рабская душа!

Мой духъ сроднился съ духомъ вѣка,
Тропой пробитою я шелъ:
Святую личность человѣка
До пошлой мелочи низвелъ.

Ты-ль это жизнь, къ добру съ любовью,
Плодъ мысли, горя и борьбы?
Увы! отмѣчена ты кровью,
Насмѣшка страшная судьбы!

XXVIII.

* * *

Мнѣ, видно, нѣтъ иной дороги —
Она лежитъ... иди впередъ,
Тащись, покуда служатъ ноги,
А впереди — что Богъ пошлетъ.

Все грязь, да грязь... Господь помилуй!
Устанешь — духъ переведешь,
Опять впередъ! хоть не подъ силу,
Хоть плакать въ пору, — все идешь!

Нужда, печаль, тоска и скука,
Нѣтъ воли сердцу и уму....
Изъ-за чего вся эта мука —
Извѣстно Богу одному!

Ужь пусть бы радость пропадала
Для блага хоть чьего-нибудь,
Была бы цѣль — душа бъ молчала,
Имѣлъ бы смыслъ тяжелый путь;

Такъ нѣтъ! какой-то врагъ незримый
Изъ жизни пытку создаетъ
И, какъ палачъ неумолимый,
Надъ жертвой хохотъ издаетъ.

XXIX.

* * *

Дѣтство веселое, дѣтскія грезы —
Только васъ вспомнишь, — улыбка и слезы...
Голову няня въ дремотѣ склонила,
На полъ съ лежанки чулокъ уронила;
Прыгаетъ котъ, шевелитъ его лапкой,
Свѣчка ужь меркнетъ подъ огненной шапкой,
Движется сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ....
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Прогнали сонъ мой разсказы старушки.
Вотъ я въ лѣсу у порога избушки;
Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая —
Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный, ни свиста, ни шума,
Смотрятъ деревья угрюмо, угрюмо!
Сердце мое замираетъ — дрожитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
На ночь постелю мою оправляетъ.
«Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,
Божія сила да будетъ съ тобою....»

Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла,
Вотъ ужъ въ глазахъ у меня запестрѣло,
Сплю и не сплю я... лампада горитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Вѣчная память, веселое время!
Грудь мою давитъ тяжелое бремя,
Жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ,
Дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ....
Гдѣ вы, веселье, и сонъ, и здоровье?
Взмокло отъ слезъ у меня изголовье,
Темная даль мнѣ бѣдою грозитъ....
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

XXX.

* * *

Ахъ, у радости быстрыя крылья,
Золотыя да яркія перья!
Прилетитъ, — вся душа встрепенется,
Передъ смертью больной улыбнется!

Ужъ зазвать бы мнѣ радость обманомъ,
Задержать и мольбою и лаской:
Отъ тумана глаза-бъ прояснились,
На веселый ладъ пѣсни-бъ сложились.

Ты, кручинушка, ночь безъ разсвѣта,
Безъ разсвѣта, да съ холодомъ, съ вѣтромъ....
При тебѣ—вся краса изсушится,
При тебѣ въ головѣ помутится.

Ужъ и будь ты, кручинушка, пепломъ —
Весь бы по полю въ бурю развѣялъ,
Пусть бы травушка въ полѣ горѣла,
Да на сердцѣ смола не кипѣла.

XXXI.

ПѢСНЯ БОБЫЛЯ.

Ни кола, ни двора,
Зипунъ — весь пожитокъ...
Эхъ живи — не тужи;
Умрешь — не убытокъ!

Богачу-дураку
И съ казной не спится:
Бобыль голъ, какъ соколъ,
Поетъ — веселится.

Онъ идетъ, да поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ;
Сторонись, богачи!
Бѣднота гуляетъ!

Рожь стоитъ по бокамъ,
Отдаетъ поклоны...
Эхъ, присвистни, бобыль!
Слушай, лѣсъ зеленый!

Ужъ ты плачь ли, не плачь, —
Слезъ никто не видитъ;
Оробѣй, загорюй, —
Курица обидитъ.

Ужъ ты сытъ ли, не сытъ, —
Въ печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути, улыбайся!

Поживемъ, да умремъ —
Будетъ голь пригрѣта...
Разумѣй, кто уменъ —
Пѣсенка допѣта!

XXXII.

*
* *

Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ,
Ухарь-купецъ, удалой молодецъ.
Сталъ онъ на дворъ лошадей покормить,
Вздумалъ деревню гульбой удивить.
Въ красной рубашкѣ, кудрявъ и румянъ,
Вышелъ на улицу веселъ и пьянъ.
Собралъ онъ дѣвокъ-красавицъ въ кружокъ,
Выхватилъ съ звонкой казной кошелекъ.
Потчуетъ старыхъ и малыхъ виномъ:
«Пей — пропивай! Поживемъ — наживемъ»!..
Морщатся дѣвки, до донышка пьютъ,
Шутятъ и пляшутъ, и пѣсни поютъ.
Ухарь-купецъ подпѣваетъ — свиститъ,
Оземь ногой молодецки стучитъ.

Синее небо, и сумракъ, и тишь.
Смотрится въ воду зеленый камышъ,
Полосы свѣта по рѣчкѣ лежатъ;
Въ золотѣ тучки надъ лѣсомъ горятъ.

Дѣвичья пляска при зорькѣ видна,
Дѣвичья пѣсня за рѣчкой слышна,
По лугу льется, по чащѣ лѣсной...
Тамъ услыхалъ ее сторожъ сѣдой;
Бѣлый, какъ лунь, онъ подъ дубомъ стоитъ,
Дубъ не шелохнется, сторожъ молчитъ.
Къ дѣвкѣ стыдливой купецъ пристаетъ,
Обнялъ, цѣлуетъ и руки ей жметъ.
Рвется красотка за дѣвичій кругъ:
Совѣстно ей отъ родныхъ и подругъ.
Смотрятъ подруги — ихъ зависть беретъ,
Вотъ, молъ, упрямицѣ счастье идетъ.
Дѣвкинъ отецъ свое дѣло смѣкнулъ,
Локтемъ жену торопливо толкнулъ.
Сѣдъ онъ и рваная шапка на немъ,
Глазомъ мигнулъ — и пропалъ за угломъ.
Дѣвкина мать расторопна, смѣла,
Съ вкрадчивой рѣчью къ купцу подошла.
«Полно, косатикъ, отстань — не балуй!
Дѣвки моей не позорь, — не цѣлуй»!
Ухарь-купецъ позвенѣлъ серебромъ:
— Нѣтъ, такъ не надо... другую найдемъ... —
Вырвалась дѣвка, хотѣла бѣжать,
Мать ей велѣла на мѣстѣ стоять.

Звѣздная ночь и ясна, и тепла.
Дѣвичья пѣсня давно замерла.
Шепчетъ нахмуренный лѣсъ надъ водой,
Вѣтромъ шатаетъ камышъ молодой.
Синяя туча надъ лѣсомъ плыветъ,
Темную зелень огнемъ обдаетъ.
Въ крайней избушкѣ не гаснетъ ночникъ,
Спитъ на печи подгулявшій старикъ,

Спитъ въ зипунишкѣ и старыхъ лаптяхъ,
Рваная шапка комкомъ въ головахъ.
Молится Богу старуха жена,
Плакать бы надо, — не плачетъ она.
Дочь ихъ — красавица поздно пришла,
Дѣвичью совѣсть виномъ залила.
Что тутъ за диво! и замужъ пойдетъ.....
То-то чай дѣтокъ на путь наведетъ!...

XXXIII.

МЕРТВОЕ ТѢЛО.

Парень-извощикъ въ дорогѣ продрогъ,
Крѣпко продрогъ, тяжело занемогъ.

Въ грязной избѣ онъ на печкѣ лежитъ,
Горло распухло, чуть-чуть говоритъ.

Ноетъ душа отъ тяжелой тоски:
Пашни родныя куда далеки!

Какъ на чужой сторонѣ умереть!
Хоть бы на мать, на отца поглядѣть!...

Въ горѣ товарищи держатъ совѣтъ:
«Ну-ка умретъ, — попадемъ мы въ отвѣтъ!

Изъ дому паспортовъ не взяли мы —
«Ну-ка умретъ, — не уйдемъ отъ тюрьмы!»

Дворникъ встревоженъ, священника ждетъ;
Медленнымъ шагомъ священникъ идетъ.

Встали извощики, всталъ и больной!
Свѣчка горитъ предъ иконой святой,

Бѣлая скатерть на столъ постлана,
Въ душной избѣ тишина, тишина....

Кончилъ молитву священникъ сѣдой,
Вышли извощики за дверь толпой.

Парень шатается, дышитъ съ трудомъ,
Старецъ стоитъ недвижимъ со крестомъ.

«Страшенъ судъ Божій, покайся мой сынъ!
Богъ тебя слышитъ, да я лишь одинъ....

«Батюшка!.... грѣшенъ!...—больной простоналъ;
Палъ на колѣни и громко рыдалъ...

Грѣшника старецъ во всемъ разрѣшилъ,
Крови и плоти святой пріобщилъ....

Сѣлъ — написалъ: вотъ такой пріобщенъ.
Дворнику легче: исполненъ законъ.

Полночь. Всѣ въ домѣ уснули давно.
Въ душной избѣ, какъ въ могилѣ, темно.

Скупо въ углу рукомойникъ течетъ,
Капля за каплею звукъ издаетъ.

Мѣрно кузнечикъ куетъ въ тишинѣ,
Кто-то невнятно бормочетъ во снѣ.

Вѣтеръ печально поетъ подъ окномъ,
Воетъ-голоситъ, Господь вѣсть по комъ.

Тошно въ потьмахъ одному мужику:
Сны-вѣщуны навѣваютъ тоску.

Съ жесткой постели, въ раздумьи, онъ всталъ,
Ощупью печь и лучину сыскалъ,

Красное пламя изъ угля добылъ,
Ярко больному лицо освѣтилъ.

Тихъ онъ лежитъ, на лицѣ доброта,
Впалыя щеки бѣлѣе холста.

Свѣсились кудри, открыты глаза,
Въ мертвыхъ глазахъ не обсохла слеза.

Вздрогнулъ извощикъ. «Ну вотъ, дождались!»
Дворника будитъ: проснись, подымись!

— Что тамъ?— «Товарищъ нашъ мертвый лежитъ»...
Дворникъ вскочилъ, какъ безумный глядитъ.

— «Охъ, попадете, ребята, въ бѣду!
Вы попадете и я попаду!

«Какъ-это паспортовъ, какъ не имѣть?
Знаешь — начальство.... не станетъ жалѣть!» —

Вдругъ у него на душѣ отлегло.
Тс!... далеко ли, братъ, ваше село?

«Верстъ этакъ двѣсти... не близко, родной!»
— Нечего мѣшкать! ступайте домой!

«Мертваго можно одѣть — снарядить,
Въ сани ввалить, да веретьемъ покрыть;

Подлѣ села его выньте на свѣтъ:
Умеръ дорогою — вотъ и отвѣтъ!»

Думаетъ — шепчетъ проснувшійся людъ,
Ѣхать не радость, не радость и судъ.

Помочи, видно, тутъ нечего ждать...
Быть тому такъ, что покойника взять!

Бѣлѣетъ снѣгъ въ степи глухой,
Стоитъ на ней ковыль сухой;
Ковыль сухой и старъ и сѣдъ,
Блеститъ на немъ мороза слѣдъ.
Просторъ и сонъ, могильный сонъ,
Туманъ, что дымъ, со всѣхъ сторонъ;
А глубь небесъ въ огняхъ горитъ,
Вкругъ мѣсяца кольцо лежитъ;
Звѣзда звѣздѣ привѣты шлетъ,
Холодный свѣтъ на землю льетъ;
Въ степи глухой обозъ скрыпитъ,
Передній конь идетъ — храпитъ;
Продрогъ мужикъ, глядитъ на снѣгъ,
Съ ума нейдетъ въ селѣ ночлегъ;
Въ своемъ селѣ онъ сонъ найдетъ,
Теперь его все страхъ беретъ:
Мертвецъ за нимъ въ саняхъ лежитъ,
Живому степь бѣдой грозитъ.
Мелькнула тѣнь, зашла впередъ,
Растетъ сѣдой и рѣчь ведетъ:
«Мертвецъ въ саняхъ! мертвецъ въ саняхъ!....»
Вскочилъ мужикъ, на сердцѣ страхъ,
По тѣлу дрожь, тоска въ груди...
«Товарищи! сюда иди!
Эй, дядя Петръ! Мертвецъ встаетъ!

Мертвецъ встаетъ, ко мнѣ идетъ!›
Извощики на кличъ бѣгутъ,
О чудѣ рѣчь въ степи ведутъ.
Блеститъ ковыль, сквозь чуткій сонъ
Людскую рѣчь подслушалъ онъ...

Вотъ ужь покойникъ въ родимомъ селѣ.
Убранъ, лежитъ на дубовомъ столѣ.
Мать къ мертвецу припадаетъ на грудь:
‹Соколъ мой ясный, скажи что-нибудь!
Какъ безъ тебя мнѣ свой вѣкъ коротать,
Горькое горе встрѣчать, провожать!...›
— ‹Полно, старуха! ей мужъ говоритъ,
Полно косатка!› — и плачетъ на взрыдъ.
Чу! колокольчикъ звенитъ и поетъ...
Ближе и ближе—и смолкъ у воротъ.
Грозный чиновникъ въ избушку спѣшитъ,
Дверь отворилъ, на порогѣ кричитъ:
Эй, старшина! понятыхъ собери!
Слышишь, каналья? да живо смотри!
Все онъ провѣдалъ, про все разузналъ,
Доктора взялъ и на судъ прискакалъ.
Трупъ обнажили. И вотъ, въ торопяхъ,
Въ фартукѣ бѣломъ, въ зеленыхъ очкахъ,
По локоть докторъ рукавъ завернулъ,
Острою сталью надъ трупомъ сверкнулъ.
Вскрикнула мать: ‹не дадимъ, не дадимъ!
Сынъ это мой! не ругайся надъ нимъ!
Сжалься родной! отступись-отойди!
Мать свою вспомни... во грѣхъ не вводи!...›
—‹Вывести бабу!› — чиновникъ сказалъ.
Докторъ на трупѣ пятно отъискалъ.
Бѣднымъ извощикамъ сдѣланъ допросъ,
Обнялъ ихъ ужасъ — и кто что понесъ....

Жаль васъ, родимые! жаль соколы!
«Эй, старшина! подавай кандалы!»

XXXIV.

СТАРЫЙ СЛУГА.

Сохнетъ старикъ отъ печали,
Ночи не спитъ на-пролетъ:
Барскимъ добромъ поклепали,
Воромъ вся дворня зоветъ.

Не ждалъ онъ горькой невзгоды,
Барину вѣрно служилъ....
Какъ его въ прежніе годы
Старый слуга мой любилъ!

Въ курточкѣ красной, бывало,
Веселъ, завитъ и румянъ,
Прыгаетъ, бьетъ какъ попало
Рѣзвый барчукъ въ барабанъ;

Бьетъ, и кричитъ, и смѣется,
Дѣтскою саблей звенитъ;
Вдругъ къ старику повернется —
«Смирно!» и ножкой стучитъ.

Ниткой его зануздаетъ,
На спину сядетъ верхомъ,
Въ шутку кнутомъ погоняетъ,
Ѣдетъ по залѣ кругомъ.

Радъ мой старикъ — и проворно
На четвереньках ползетъ.
«Стой!» — и онъ станетъ покорно,
Бровью сѣдой не моргнетъ.

Ручку-ль барчукъ шаловливый,
Ножку-ль убьетъ за игрой, —
Вздрогнетъ слуга боязливый:
«Баринъ ты мой золотой!

Шопотомъ тужитъ, горюетъ:
Не досмотрѣлъ я, злодѣй!»
Барскую ножку цѣлуетъ....
«Бей меня, батюшка, бей!»

Тошно подъ барской опалой!
Недруговъ страшенъ навѣтъ!
Пусть бы ужъ много пропало —
Ложки серебрянной нѣтъ!

Смотритъ старикъ за овцами,
На ноги лапти надѣлъ,
Плечи покрылъ лоскутами —
Такъ ему баринъ велѣлъ.

Плакалъ бѣднякъ, убивался,
Вслухъ не винилъ никого:
Рабъ своей тѣни боялся, —
Такъ напугали его.

Господи! горе и голодъ!...
Долго ли чахнуть въ тоскѣ?...
Вырвался какъ-то онъ въ городъ
И — загулялъ въ кабакѣ.

Пей, безталанная доля!
Пилъ онъ, и пѣлъ и плясалъ....
Волюшка, милая воля,
Гдѣ же твой свѣтъ запропалъ?

И потащился полями
Пьяный въ родное село.
Вьюга неслась облаками,
Вѣтромъ лицо его жгло.

Снѣгъ замѣталъ одежонку,
Сонъ горемыку клонилъ....
Легъ онъ, надвинилъ шапченку,
И середь поля застылъ.

XXXV.

* * *

Живая рѣчь, живые звуки —
Зачѣмъ вамъ чужды плоть и кровь?
Я въ васъ облекъ бы сердца муки —
Мою печаль, мою любовь.

Въ груди огонь, въ душѣ смятенье
И подавленной страсти стонъ,
А ваше мѣрное теченье
Наводитъ скуку или сонъ....

Такъ, недоступно и незримо,
Въ насъ зрѣетъ чувство иногда,
И остается навсегда

Загадкою неразрѣшимой,
Какъ мученикъ прожившій вѣкъ,
Намъ съ дѣтства близкій человѣкъ....

XXXVI.

* * *

Перестань, милый другъ, свое сердце пугать:
Что намъ завтра сулитъ — мудрено угадать.
Посмотри: изъ-за синяго полога тучъ
На зеленый курганъ брызнулъ золотомъ лучъ.
Колокольчикъ поникъ надъ росистой межой,
Алой краской покрытъ василекъ голубой,
Сироты павилики румяный цвѣтокъ
Приласкался къ нему и обвилъ стебелекъ.
Про таланъ золотой въ полѣ пахарь поетъ,
Въ потемнѣвшемъ лѣсу отголосокъ идетъ.
Въ каждой травкѣ — душа, каждый звукъ — говоритъ,
Въ синевѣ про любовь голосъ птички звенитъ...
Только ты все грустишь, словъ любви не найдешь,
Громовыхъ облаковъ въ день безоблачный ждешь.

XXXVII.

И дождь и вѣтеръ. Ночь темна.
Въ уснувшемъ домѣ тишина:
Никто мнѣ думать не мѣшаетъ.
Сижу одинъ въ своемъ углѣ.
При свѣчкѣ весело играетъ
Полоска свѣта на окнѣ.

Я радъ осенней непогодѣ:
Мнѣ шумъ толпы невыносимъ.
Я, какъ дикарь, привыкъ къ свободѣ,
Привыкъ къ стѣнамъ моимъ роднымъ...
Здѣсь все мнѣ дорого и мило,
Хоть радости здѣсь мало было....

Святая ночь! Теперь я чуждъ
Дневныхъ тревогъ, насущныхъ нуждъ.
Онѣ забыты. Жизни полны,
Видѣнья свѣтлыя встаютъ,
Изъ глубины души, какъ волны,
Слова послушныя текутъ.

И грустно мнѣ мой трудъ отрадный,
Когда въ окно разсвѣтъ блеснетъ,
Мѣнять на холодъ безпощадный,
На бремя мелочныхъ заботъ....
И снова жажду я досуга
И темной ночи жду, какъ друга.

XXXVIII.

МОГИЛА ДИТЯТИ.

(Посвящается Н. И. Второву.)

Надъ твоей могилкой
Солнышко сіяетъ;
Въ зелени сирени
Птичка распѣваетъ.
Вьются — распѣваютъ
Пчелы надъ цвѣтами,
Вѣтерокъ лепечетъ
Съ темными листами.

Спишь ли ты, малютка,
Или такъ лежится?...
Встань и полюбуйся,
Что кругомъ творится.

Всталъ бы ты, — нѣтъ воли:
Тѣсный домъ твой проченъ,
Выходъ на свѣтъ Божій
Крѣпко заколоченъ.

Спи, дитя! Едва ли
Стоитъ просыпаться,
На людское горе
Сердцемъ надрываться.

Наша жизнь земная,
Право, незавидна;
Спи, дитя родное,
Суждено такъ, видно.

Сонъ твой — сонъ отрадный.
Крестъ и камень бѣлый,
Надъ твоей могилкой,
Солнышко пригрѣло.

Перелетнымъ гостьямъ
Благодать святая;
Въ ямочкѣ на камнѣ
Влага дождевая.

Пьетъ шалунья-птичка,
Брызги разсыпаетъ,
Чуткій слухъ малютки
Пѣснями ласкаетъ.

XXXIX.

Бѣдная молодость, дни не веселые,
Дни не веселые, сердцу тяжелые!
Глянешь назадъ, — точно степь неоглядная,
Глушь безотвѣтная, даль безотрадная!

Нѣтъ въ этой дали ни кустика зелени,
Все-то зачахло, да сгибло безъ времени,
Спитъ точно мертвое, спитъ какъ убитое,
Солнышкомъ Божьимъ на вѣки забытое.

Солнышко Божье на свѣтъ поскупилося,
Счастье — веселье на зовъ не явилося;
Горькое горе безъ зову нагрянуло,
При горѣ радость свинцомъ въ воду канула.

Бѣдная молодость, дни не веселые,
Дни не веселые, сердцу тяжелые!
Радъ бы забыть васъ, да что-жь мнѣ останется,
Чѣмъ моя жизнь при бездольи помянется?

XL.

* * *

Я радъ молчать о горѣ старомъ,
Мнѣ къ чернымъ днямъ не прывыкать;
Но вотъ вопросъ: неужто даромъ
Мнѣ нужно слезы проливать?

Утраты, нужды и печали,
Къ чему меня вы привели?
Какой мнѣ путь вы указали,
Какое благо принесли?

Дождусь ли я успокоенья
Отъ мукъ разумнаго плода?
Рѣши ты, жизнь, мои сомнѣнья,
Когда ты смысла не чужда!

Но если ты полна позора
Обмана, мелочныхъ заботъ, —
Во что-же вѣрить? Гдѣ опора?
Изъ темной пропасти исходъ?

Исходъ!... едвали онъ возможенъ:
Душа на скорбь осуждена,
Уснуло сердце, умъ встревоженъ;
А даль темна, какъ ночь темна.

Ужь не пора ли лечь въ могилу:
Усопшихъ сонъ не возмутимъ...
О, Боже мой! пошли Ты силу
И миръ душевный всѣмъ живымъ!

XLI.

ПОЭТУ-ОБЛИЧИТЕЛЮ.

Обличитель чужаго разврата,
Проповѣдникъ святой чистоты,
Ты, — что камень на падшаго брата
Поднимаешь, — сойди съ высоты!

Ужъ не первый въ величьи суровомъ,
Врагъ неправды и лѣни тупой,
Какъ гроза, своимъ огненнымъ словомъ
Ты царишь надъ послушной толпой.

Дышетъ рѣчь твоя жаркой любовью,
Безъ конца ты готовъ говорить,
И, подумаешь, собственной кровью
Счастье ближнему радъ ты купить.

Что жь ты сдѣлалъ для края роднаго,
Безкорыстный мудрецъ — гражданинъ?
Укажи, гдѣ для дѣла благаго
Потерялъ ты хоть волосъ одинъ?

Твоя жизнь, какъ и наша, безплодна,
Лицемѣрна, пуста и пошла...
Ты не понялъ печали народной,
Не оплакалъ ты горькаго зла.

Нищій духомъ и словомъ богатый,
По-наслышкѣ о всемъ ты поешь,
И безстыдно похвалъ ждешь, какъ платы,
За свою всенародную ложь.

Будь ты проклято, праздное слово!
Будь ты проклята, мертвая лѣнь!
Покажись, съ своей жизнію новой
Темноту прогоняющій день!

. . . .
. . . .
На тебя, на твои только силы,
Молодежь, вся надежда теперь.

Не легка твоя будетъ дорога,
Но иди, — не погибнетъ твой трудъ!
Знамя чести и истины строгой
Только крѣпкія въ бурю несутъ.

Безконечное мысли движенье,
Царство разума, правды святой, —
Вотъ прямое твое назначенье,
Добрый подвигъ на почвѣ родной!

XLII.

ПОМИНКИ.

Ни тучки, ни вѣтра, и поле молчитъ:
Горячее солнце и жжетъ и палитъ.
И пылью покрытая, будто мертва,
Стоитъ неподвижно подъ зноемъ трава.
И слышится только въ молчаніи дня
Веселыхъ кузнечиковъ звонъ — трескотня.

Средь чистаго поля конь-пахарь лежитъ;
На трупѣ коня воронъ черный сидитъ,
Кровавый свой клювъ поднимаетъ порой
И каркаетъ, будто вѣщунъ роковой.
Эхъ, конь безотвѣтный, слуга мужика,
Была твоя служба вѣрна и крѣпка!
Побои и голодъ — ты все выносилъ
И духъ свой на пашнѣ, въ сохѣ испустилъ.

Мужикъ горемычный рукою махнулъ,
И снялъ съ него кожу и, молча, вздохнулъ,
Вздохнулъ и заплакалъ: «ничто, молъ, не въ прокъ!»

И кожу сырую въ кабакъ поволокъ.
И пѣлъ онъ тамъ пѣсни, свисталъ соловьемъ:
«Пускай пропадаетъ! гори все огнемъ!»
Со смѣха народъ головами качалъ:
Смотри, молъ, ребята! онъ умъ потерялъ,
Со зла свое сердце гульбой веселитъ,
По мертвой скотинѣ поминки творитъ!»

XLIII.

ПОРТНОЙ.

Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя,
Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается,
Слышу я, слышу, чей плачъ разливается:
Бѣдность голодная, грязью покрытая,
Бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая,
Днемъ она гибнетъ, и въ полночь, и за-полночь
Гибнетъ она — и никто нейдетъ ей нà-помочь;
Гибнетъ она — и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса....
Горькій полынь — эта пѣснь невеселая,
Пѣснь невеселая, правда тяжелая!
Кто здѣсь узнаетъ кручину свою?
Эту я пѣсню про бѣдность пою.

I.

Морозъ трещитъ и воетъ вьюга,
И хлопья снѣга другъ на друга
Ложатся и — ростетъ сугробъ.
Весь домъ промерзъ. Три дня забыта,

Ужъ печь не топится три дня,
И нечѣмъ развести огня,
И дверь рогожей не обита,
Она стара и вся въ щеляхъ;
Бѣлѣетъ иней на стѣнахъ,
Окошко инеемъ покрыто,
И отъ мороза на окнѣ
Вода застыла въ кувшинѣ.

Нѣтъ крошки хлѣба въ цѣломъ домѣ,
И на дворѣ нѣтъ плахи дровъ.
Портной озябъ. Онъ нездоровъ,
И головой поникъ въ истомѣ:
Печальна жизнь его была,
Печально молодость прошла,
Прошло и дѣтство безотрадно:
Съ крыльца ребенкомъ онъ упалъ,
На камняхъ ногу изломалъ,
Его посѣкли безпощадно....
Не умеръ онъ. Полубольнымъ
Все росъ, да росъ. Но чѣмъ кормиться?
Что въ руки взять? Чему учиться?
И самоучкой сталъ портнымъ.
Женился бѣдный, — все не радость:
Жена не долго пожила
И Богу душу отдала
Въ родахъ подъ пасху. Вотъ и старость
Теперь пришла. А дочь больна,
Ужъ кровью кашляетъ она, —
И все прядетъ, прядетъ все пряжу,
И, молча, спицами звенитъ,
Перчатки вяжетъ на продажу,
И все грустить, и все грустить.
Робка, какъ птичка полевая,

Живетъ одна, живетъ въ глуши,
Въ глухую полночь чуть живая,
Встаетъ и молится въ тиши.

II.

Морозъ и ночь. Въ своей постели
Не спитъ измученный старикъ.
Его глаза глядятъ безъ цѣли,
Безъ цѣли онъ зажегъ ночникъ.
Лежитъ и стонетъ. Дочь привстала
И посмотрѣла на отца:
Онъ блѣденъ, хуже мертвеца....
«Что ты не спишь?» она сказала.
— Такъ, скучно. Хоть бы развѣло....
Ты не озябла? — «Мнѣ тепло....»

И развѣло. Окрѣпъ и холодъ.
Но хлѣба, хлѣба гдѣ добыть?
Суму надѣть, иль воромъ быть?
О, будь ты проклятъ, страшный голодъ!
Куда итти? Кого просить?
Иль самаго себя убить?
Портной привсталъ. Нѣтъ, силы мало!
Всѣ кости ноютъ, все болитъ;
Дочь посинѣла и дрожитъ....
Хотѣлъ заплакать, — слезъ не стало....
И со двора, въ нѣмой тоскѣ,
Побрелъ онъ съ костылемъ въ рукѣ.
Куда? Онъ думалъ не о пищѣ,
Шелъ не за хлѣбомъ, — на кладбище
Шелъ бить могильщику челомъ;
Онъ былъ давно ему знакомъ.

Но какъ начать? Неловко было....
Портной съ нимъ долго толковалъ
О томъ, о семъ; а сердце ныло....
И наконецъ онъ шапку снялъ.
«Послушай, сжалься, ради Бога!
Мнѣ остается жить немного;
Нельзя ли тутъ, вотъ въ сторонѣ,
Могилку приготовить мнѣ?»
— Ого? — могильщикъ улыбнулся,
— Ты шутишь, иль въ умѣ рехнулся?
Умрешь, — зароютъ, не грусти....
Грѣшно болтать-то безъ пути...—
«Зароютъ другъ мой, я не спорю.
Вѣдь дочь-то, дочь моя больна!
Куда просить пойдетъ она!
Кого?... Ужь пособи ты горю!
Платить-то нечѣмъ.... я бы радъ,
Я заплатилъ бы.... вырой, братъ!...»
— Земля-то, видишь ты, застыла....
Рубить-то будетъ не легко.—
«Ты такъ.... не очень глубоко,
Не очень... все таки могила!
Просить и совѣстно, — нужда!»
— «Пожалуй, вырыть не бѣда!

III.

И слегъ портной. Лице пылаетъ,
Въ бреду онъ громко говоритъ,
Что Божій гнѣвъ ему грозитъ,
Что грѣшникомъ онъ умираетъ,
Что онъ повѣситься хотѣлъ,
И только Катю пожалѣлъ.
Дочь плачетъ: «полно ради Бога!

У насъ тепло, обита дверь,
И чай налитъ онъ естъ теперь,
И есть дрова, и хлѣба много, —
Все дали люди. Встань, родной!›
И вотъ встаетъ, встаетъ портной.
— ‹Ты понимаешь? Жизнь смѣется,
Смѣется.... Кто тутъ зарыдалъ?
Не кашляй! тише! кровь польется....
И навзничь мертвымъ онъ упалъ.

XLIV.

* * *

За прялкою баба въ понявѣ сидитъ:
Ребенокъ больной въ колыбели лежитъ,
Лежитъ онъ и въ ротъ не беретъ молока,
Кричитъ онъ безъ умолку — слушать тоска!

Торопится баба: рубашка нужна:
Совсѣмъ-то, совсѣмъ обносилась она:
Надѣть-то ей нечего, — просто напасть!
Прядетъ она ночью, днемъ некогда прясть.

И за-полночь ярко лучина горитъ,
И грудь отъ сидѣнья щемитъ и болитъ,
И взглядъ притупился, устала рука....
Дитя надрывается, — слушать тоска.

Пришлось по неволѣ работу бросать.
‹Ну, что мое дитятко? молвила мать:
‹Усни себѣ съ Богомъ, усни въ тишинѣ!
‹Вѣдь некогда, дитятко, некогда мнѣ!›

И баба садится, и снова прядетъ,
И снова покою ей крикъ не даетъ:
«Молчи, говорю! мнѣ самой до себя!
«Ну чѣмъ же теперь исцѣлю я тебя?»

Поютъ пѣтухи; видно, скоро разсвѣтъ:
Дымится лучина, и гаснетъ — и нѣтъ;
Притихъ онъ и глазки сомкнулъ.
Уснулъ онъ, — да только ужь на-вѣкъ уснулъ.

XLV.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Худа, ветха избушка
И, какъ тюрьма, тѣсна;
Слѣпая мать-старушка,
Какъ полотно, блѣдна.

Бѣдняжка потеряла
Свои глаза и умъ
И, какъ ребенокъ малый,
Чужда заботъ и думъ.

Все пѣсни распѣваетъ,
Забившись въ уголокъ,
И жизнь въ ней догораетъ,
Какъ въ лампѣ огонекъ.

А дочь, съ восходомъ солнца,
Иглу свою беретъ,
У свѣтлаго оконца
До темной ночи шьетъ.

Жара. Вокругъ молчанье,
Лѣниво день идетъ,
Докучныхъ мухъ жужжанье
Покоя не даетъ.

Старушки тихій голосъ
Безъ-умолку звучитъ....
И гнется дочь, какъ колосъ,
Тоска въ груди кипитъ.

Народъ неутомимо
По улицѣ снуетъ.
Идетъ все мимо, мимо —
Богъ-вѣсть куда, идетъ.

Ужъ ночь. Темно въ избушкѣ,
И некому мѣшать;
Осталося къ подушкѣ
Припасть — и зарыдать.

XLVI.

ПОГОСТЪ.

Глубина небесъ синѣетъ,
Свѣтитъ яркая луна,
Церковь въ сумракѣ бѣлѣетъ,
На погостѣ тишина.

Тишина — не слышно звука,
Не горитъ огня въ селѣ.
Безпробудно скорбь и мука
Спитъ въ кормилицѣ землѣ.

Миръ вамъ старыя невзгоды!
Память вѣчная слезамъ!
Вѣетъ воздухомъ свободы
По трущобамъ и лѣсамъ.

Золотыя искры свѣта
Проникаютъ въ глушь и дичь,
Слышенъ въ полѣ кличъ привѣта,
По степямъ веселый кличъ.

XLVII.

ХОЗЯИНЪ.

Впряженъ въ тѣлегу конь косматый,
Откормленъ на диво овсомъ,
И бляхи мѣдныя на немъ
Блестятъ при заревѣ заката.
Купцу дай-Господи пожить:
Широкоплечъ, какъ клюква красенъ,
Казной отъ бѣдъ обезопасенъ,
Здоровъ, — о чемъ ему тужить?
Да мой купецъ и не горюетъ.
Съ какой-то бабой за столомъ
Въ особой горенкѣ, вдвоемъ,
Сидитъ на мельницѣ, пируетъ.
Вода реветъ, вода шумитъ,
Отъ грома мельница дрожитъ,
Идетъ работа толкочами,
Идетъ работа рѣшетомъ,
Колесами и жерновами —
И стукотня, и пыль кругомъ....
Купецъ мой рюмку поднимаетъ

И кулакомъ объ столъ стучитъ.
«И выпью!... кто мнѣ помѣшаетъ?
«И пью.... самъ чортъ не запретитъ!
«Пей, Марья!...»

— То-то, ненаглядный
Ты мнѣ на платье обѣщалъ...—
«И кончено! Сказалъ — и ладно:
«Будетъ такъ, какъ я сказалъ.
«Мнѣ что жена? Сыта, одѣта —
«И все.... вотъ выпрягу коня
«И прогуляю до разсвѣта,
«И баста! Обними меня!...»

Вода шумитъ — не умолкаетъ,
При свѣтѣ мѣсяца кипитъ.
Алмазной радугой сверкаетъ,
Огнями синими горитъ.
Но даль темна и молчалива,
Огонь веселый рыбака
Краснѣетъ въ зеркалѣ залива.
Скользитъ по листьямъ лозняка.

Купецъ гуляетъ. Мы не станемъ
Ему мѣшать. Въ тиши ночной
Мы лучше въ домъ его заглянемъ.
Войдемъ неслышною тропой.

Ужъ поздно. Свѣчка нагорѣла.
Больной лежитъ и смерти ждетъ.
Его лицо, какъ мраморъ, бѣло,
И руки холодны, какъ ледъ;
На лобъ открытый кудри пали;
Остатокъ прежней красоты,

Печать раздумья и печали
Еще хранятъ его черты:
акъ освѣщенные зарею,
Въ замолкшемъ нà-долго лѣсу,
Листы осеннею порою
Еще хранятъ свою красу.
Пора на отдыхъ. Грудь разбита,
На сердцѣ запеклася кровь —
И радость нà-вѣкъ позабыта....
А ты, горячая любовь,
Явилась поздно. Доля! доля!
И если бъ раньше ты пришла, —
Какой бы здѣсь пріютъ нашла?
Здѣсь трудъ и бѣдность, здѣсь неволя,
Здѣсь горе гнѣзда вьетъ свои,
И вѣетъ холодъ отъ порога,
И стѣны дома смотрятъ строго...
Здѣсь нѣтъ пріюта для любви!
Лежитъ больной, лице печально
И будто тѣнью лобъ покрытъ:
Такъ лѣтомъ, только догоритъ
Румяной зорьки лучъ прощальный, —
Подъ сводомъ сумрачныхъ небесъ
Стоитъ угрюмъ и теменъ лѣсъ.
Родная мать роняетъ слезы,
Облокотясь на столъ рукой.
Надежды, молодости грезы,
Миръ сердца — этотъ рай земной —
Все унесло, умчало горе,
Какъ бурный вѣтръ уноситъ пыль,
Когда въ степи шумитъ ковыль,
Шумитъ взволнованный, какъ море,
И догораетъ вся до тла
Грозой зажженная ветла.

Плачь, бѣдное созданье!
И не слезами, — кровью плачь!
Безвыходно твое страданье
И безпощаденъ твой палачъ.
Не весела, невыносима,
Горька, какъ ядъ, твоя судьба:
Ты жизнь убила, какъ раба.
И не была никѣмъ любима....
Твой мужъ... но виноватъ ли онъ,
Что пьянъ и грубъ, и не уменъ?
Когда бъ онъ могъ подумать строго,
Какъ зла надѣлано имъ много,
Какъ много ранъ нанесено, —
Себя онъ проклялъ бы давно.
Въ борьбѣ тяжелой ты устала,
Изнемогла и въ грязь упала,
И въ грязь затоптана толпой.
Увы! сгубилъ тебя запой!...
Твоя слеза на кровь походитъ....
Плачь больше!... Въ воздухѣ чума!...
Любимый сынъ въ могилу сходитъ,
Другой давной сошелъ съ ума.

Вотъ онъ сидитъ на лежанкѣ просторной,
Голо остриженъ, и блѣденъ, и хилъ;
Палку, какъ скрипку, къ плечу прислонилъ,
Бровью и глазомъ моргаетъ проворно.
Правой рукою и взадъ и впередъ
Водитъ по палкѣ и пѣсню поетъ:
«На старомъ курганѣ, въ широкой степи,
Прикованный соколъ сидитъ на цѣпи,
Сидитъ онъ ужъ тысячу лѣтъ,
Все нѣтъ ему воли, все нѣтъ!
И грудь онъ съ досады когтями терзаетъ,

И каплями кровь изъ груди вытекаетъ.
Летятъ въ синевѣ облака,
А степь широка, широка!...»
Вдругъ палку кинулъ онъ, закрылъ лицо руками
И плачетъ горькими слезами:
«Больно мнѣ! больно мнѣ! Мозгъ мой горитъ.
Счастье тому, кто въ могилѣ лежитъ!
Мать моя, матушка! полно рыдать!
Долго ли намъ эту жизнь коротать?
Знаешь ли? Спальню запри изнутри,
Сторожемъ стану я подлѣ двери.
Прочь! закричу я: здѣсь мать моя спитъ!
Больно мнѣ, больно мнѣ! мозгъ мой горитъ!...»

Больной все слушалъ эти звуки,
Горѣлъ на медленномъ огнѣ;
Сказать хотѣлъ онъ: дайте мнѣ
Хоть умереть безъ слезъ и муки!
Ужель не могъ я отъ судьбы
Дождаться мира въ часъ кончины,
За годы думы и кручины,
За годы пытки и борьбы?
Иль эти пытки шуткой были?
Иль мало, среди стѣнъ родныхъ,
Отравой зла меня поили?
Иль, вмѣсто слезъ, изъ глазъ моихъ
Текла вода на изголовье,
Когда, губя свое здоровье,
Я думалъ ночи безо сна —
Зачѣмъ мнѣ эта жизнь дана?
И догорающій въ постели,
Всю жизнь припомнивъ съ колыбели,
Хотѣлъ онъ на своемъ пути

Хоть точку свѣтлую найти —
И не съискалъ.

Такъ въ полдень жгучій,
Спустившись съ каменистой кручи,
Томимый жаждой пѣшеходъ
Искать ключа въ оврагъ идетъ.
И долго тамъ, усталый бродитъ
И влаги капли не находитъ,
И падаетъ, едва живой,
На землю, съ болью головной....

«Ну, отпирай! заснули скоро!...»
Ударивъ въ ставень кулакомъ,
Хозяинъ крикнулъ подъ окномъ....
Печальный домъ, пріютъ раздора!
Нѣтъ, тяжело срывать покровъ
Съ твоихъ таинственныхъ угловъ,
Срывать покровъ, какъ уголь черный!
Угрюмъ твой видъ, какъ гроба видъ,
Какъ мѣсто казни, гдѣ стоитъ
Съ желѣзной цѣпью столбъ позорный
И плаха съ топоромъ лежитъ!...
За то, что здѣсь такъ мало свѣта,
Что воздухъ солнцемъ не согрѣтъ,
За то, что нѣтъ на мысль отвѣта,
За то, что радости здѣсь нѣтъ, —
Ни ласкъ, ни милаго объятья,
За то, что гибнетъ человѣкъ —
Я шлю тебѣ мои проклятья,
Чужой оплакивая вѣкъ!

КУЛАКЪ.

(ВТОРАЯ. ПЕЧАТНАЯ РЕДАКЦІЯ.)

КУЛАКЪ.

Все благо и прекрасно на землѣ,
Когда живетъ въ своемъ опредѣленьи;
Добро вездѣ, добро найдешь и въ злѣ.
Когда жь предметъ пойдетъ по направленью,
Противному его предназначенью,
По сущности добро, онъ станетъ — зломъ.
Такъ человѣкъ: что добродѣтель въ немъ,
То можетъ быть порокомъ.

Шекспиръ. (Ромео и Юлія.)

I.

День гаснетъ. Облаковъ громада [1 *)]
Покрыта краской золотой;
Отъ луга влажною струей
Плыветъ душистая прохлада;
Надъ самымъ озеромъ тростникъ
Сквозной оградою поникъ.
Порой куда-то пронесется
Со свистомъ стая куликовъ,
И снова тишь. Въ тѣни кустовъ

---

*) Цифры обозначаютъ варіанты къ «Кулаку». См. Примѣчанія.

Рыбачій челнъ не покачнется.
Вдоль гати тянется обозъ:
Скрыпятъ колеса. За волами
Шагаютъ чумаки съ кнутами;
Кипитъ народомъ перевозъ:
Паромъ отчалили лѣниво,
Ушами лошади пугливо
Прядутъ. Рабочіе кричатъ,
И плещетъ по водѣ канатъ.
Шлагбаумъ, съ образомъ часовня,
Избушки, бани, колокольня
Съ крестомъ и галкой на крестѣ.
И на прибрежной высотѣ
Плетни, поникнувшія ивы —
Все опрокинуто въ рѣкѣ.
Бѣлѣютъ мойки въ далекѣ,
Луками выгнулись заливы.
А тамъ кусты, деревня, нивы,
Да чуть примѣтный, сквозь туманъ,
Средь поля чистаго курганъ.

Тому давно, въ глуши суровой,
Шумѣлъ тутъ грозно лѣсъ дубовой,
Съ пустыннымъ вѣтромъ рѣчи велъ,
И плавалъ въ облакахъ орелъ;
Синѣла степь безгранной далью,
И притаясь за валъ съ пищалью,
Зажечь готовый свой маякъ,
Татаръ выглядывалъ казакъ.
Но вдругъ все жизнью закипѣло,
Въ лѣсу желѣзо зазвенѣло —
И падалъ дубъ; онъ отжилъ вѣкъ....
И, вмѣсто звѣря, человѣкъ
Въ пустынѣ воцарился смѣло.

Проснулись воды, и росли,
Гроза Азова, корабли.
Тѣ дни прошли. Уединенно
Теперь подъ кровлей обновленной,
Стоитъ на островѣ нагомъ
Безмолвный прадѣдовскій домъ,
Цейхгаузъ старый *). Тихи воды,
Гдѣ былъ Петра пріютъ простой.
Купецъ усердною рукой
Одинъ почтилъ былые годы —
Часовню выстроилъ, и въ ней
Затеплилъ набожно елей.
Но городъ выросъ. Въ изголовье,
Онъ положилъ степей приволье,
Плечами горы придавилъ,
Болота камнями покрылъ.
Одно пятно: въ семьѣ громадной
Высоко-поднятыхъ домовъ,
Какъ нищіе въ толпѣ нарядной,
Торчатъ избенки бѣдняковъ,
Въ дырявыхъ шапкахъ, съ костылями,
Онѣ ползутъ по крутизнамъ
И смотрятъ тусклыми очами
На богачей по сторонамъ;
Того и жди, — гроза подуетъ
И полетятъ онѣ въ оврагъ....
Таковъ домишко, гдѣ горюетъ
Съ женой и дочерью Кулакъ: [2])
На крышѣ старыя заплаты,
Пріютъ крикливыхъ воробьевъ,
Карнизъ обрушиться готовъ,

---

*) Вся первая глава поэмы представляетъ картину Воронежа со стороны рѣки, — съ Чернавскаго моста, гати и пригородней слободы Придачи. — Ред.

Стѣна крива; заборъ досчатый
Подпертъ осиновымъ коломъ;
Дворъ тѣсный смотритъ пустыремъ;
Ростетъ трава вокругъ крылечка
Но садъ.... въ садъ послѣ завернемъ;
Теперь мы въ горенку войдемъ.
Она свѣтла. Икона, печка,
Съ посудой шкафъ, сосновый столъ,
Скамейка, красный стулъ безъ спинки,
Комодъ пузатый подъ замкомъ —
Все старина, за то соринки
Тутъ не замѣтишь ни на чемъ.

II.

Хозяйка добрая, здорово!
Ты вѣчно съ варежкой въ рукѣ,
И въ этомъ бѣломъ колпакѣ,
И все молчишь! Порою слово
Промолвишь съ дочерью родной,
И вновь разбитый голосъ твой
Умолкнетъ. Бѣдная Арина!
Повысушили до поры
Нужда, да тяжкая кручина
Тебя, какъ травушку въ жары,
Поникла голова, что колосъ
И посѣдѣлъ твой русый волосъ;
Одна незлобная душа,
Осталась въ горѣ хороша.
И ты, красавица, съ работой
Сидишь въ раздумьи подъ окномъ;
Одной привычною заботой

Всю жизнь вы заняты въ двоемъ...
Глядишь на улицу тоскливо,
Румянецъ на лицѣ поблекъ,
И спицы движутся лѣниво,
Лѣниво вяжется чулокъ.
О чемъ тоска? откуда скука?
Коса, что черная смола,
Какъ бѣлый воскъ рука бѣла....
Душа болитъ? Неволя мука?...
Что дѣлать! подожди, пока
Прогонитъ вѣтеръ облака. 3)

«Охъ, Саша! полно сокрушаться!
Вотъ ты закашляешь опять....
Промолвила старушка мать:
Ну, въ садъ пошла бы прогуляться,
Вишь вечеръ чудо!»

— Все равно!
И тутъ не дурно: вотъ въ окно
Свѣтъ Божій видѣнъ — и довольно! —

«Глядѣть-то́ на тебя мнѣ больно!
Блѣдна, вотъ точно полотно...»
И мать качала головою
И съ Саши не сводила глазъ.
«Поди-ты! сокрушаетъ насъ
Старикъ! надъ дочерью родною
Смѣется.... Чѣмъ бы не женихъ
Столяръ-сосѣдъ? Уменъ и тихъ.
Три раза сваха приходила,
Ужъ какъ вѣдь старика просила!
Одинъ отвѣтъ: на дняхъ приди....
Подумать надо.... погоди....

Ты вотъ что, Саша, попытайся,
Съ отцомъ сама поговори,
Чуть будетъ веселъ.»

— Дожидайся!
Я думаю, въ ногахъ умри, —
Откажетъ... —

Мать не отвѣчала,
Поникнувъ грустно головой.
— Чуть будетъ веселъ.... Боже мой!
За что же я-то потеряла
Веселье? Вѣдь къ чужимъ прійдешь,
Тамъ свѣтъ иной, тамъ отдохнешь:
А при отцѣ языкъ и руки —
Все связано! когда со скуки
Въ окно глядишь, и тутъ запретъ!
Ужь и глазамъ-то воли нѣтъ!

«Все осуждать его не надо.
Извѣстно — старъ, кругомъ нужда,
На рынкѣ хлопоты всегда,
Вотъ и беретъ его досада.
Онъ ничего.... вѣдь онъ не золъ:
На часъ вспылитъ, и гнѣвъ прошелъ».
— Я такъ.... я развѣ осуждаю?
И день — печаль, и ночь — тоска.
Тутъ по неволѣ съ языка
Сорвется слово. —

«Знаю, знаю!
Какъ быть? живи, какъ Богъ велѣлъ,
Знать положенъ таковъ предѣлъ.»

Заря погасла. Мѣсяцъ всходитъ.
На стекла блѣдный свѣтъ наводитъ;
За лѣсъ свалились облака;
Въ туманѣ городъ и рѣка;
Не шевельнетъ листомъ осина;
Лишь гдѣ-то колесо гремитъ.
Да соловей въ саду свиститъ.
Молчатъ и Саша и Арина.
Ихъ спицы бѣдныя однѣ
Не умолкаютъ въ тишинѣ.

Какъ хорошо лицо больное
Старушки сгорбленной! оно.
Какъ изваяніе живое,
Все мѣсяцемъ освѣщено.
Въ рукахъ на мигъ уснули спицы.
Глаза на дочь устремлены.
И неподвижныя рѣсницы
Слезой докучной смочены.
Сверкаетъ небо огоньками.
Не видно тучки въ синевѣ.
А у старушки облачками
Проходятъ думы въ головѣ:
Безъ дѣтокъ грусть, съ дѣтьми не радость!
Сынокъ въ землѣ давно лежитъ.
Осталась дочь одна подъ старость —
И эту горе изсушитъ.
Ну что ей дѣлать, если свахѣ
Старикъ откажетъ? Какъ тутъ быть?
Я чаю, легче бы на плахѣ
Бѣдняжкѣ голову сложить.
И безъ того ужъ ей не сладко:
Работа, скука, нищета....
Всю жизнь свою, моя косатка.

Что въ клѣткѣ птица, заперта.
Когда и выйти доведется,
Домой придетъ — печальнѣй домъ....
Глядишь, на грѣхъ старикъ напьется,
О-охъ, бѣда мнѣ съ старикомъ!
Ну, таль она была съ-измала?
Бывало пѣла и плясала,
На мѣстѣ часу не сидитъ,
Вотъ словно колокольчикъ звонкій,
Веселый смѣхъ и голосъ тонкій
Въ саду, иль въ горенькѣ звенитъ!
Бывало, чуть съ постельки встанетъ,
Посмотришь — куколки достанетъ,
Толкуетъ съ ними: «Ты вотъ такъ
Сиди, ты глупая дѣвченка....
Вотъ и братишка твой дуракъ,
Вамъ надо няню». И ручонкой
Начнетъ ихъ эдакъ тормошить....
Возметъ, подастъ имъ на бумажкахъ
Водицы въ желудевыхъ чашкахъ.
«Ну, вотъ, молъ, чай, извольте пить».
— Уймися, говорю, вострушка. —
Отецъ прикрикнетъ: — посѣку! —
Бѣдняжка сядетъ въ уголку,
Наморщитъ лобикъ, какъ старушка,
И хмурится. Отецъ съ двора —
Опять потѣшная игра.

И мать работу положила,
Печной заслонъ въ потьмахъ открыла,
Дастала щепкой уголекъ
И стала дуть. Вдругъ огонекъ
Блеснулъ — и снова замираетъ.
Вотъ щепка вспыхнула едва, —

Изъ мрака смутно выступаетъ
Старушки блѣдной голова.

III.

Ужъ столъ накрытъ, и скудный ужинъ
Готовъ. Покой старушкѣ нуженъ,
Заснуть бы время — мужа ждетъ;
Скрыпитъ крылечко — онъ идетъ.
Сюртукъ до пятъ, въ плечахъ просторенъ,
Картузъ въ пыли, ни рыжъ, ни черенъ,
Спокоенъ строгій, хитрый взглядъ,
Густыя брови внизъ висятъ,
Угрюмо супясь. Лобъ широкій
Изрытъ морщинами глубоко,
И теменъ волосъ, но сѣда
Подстриженная борода.

«Усталъ, Лукичъ? жена спросила:
Легколь, чуть свѣтъ ушелъ съ двора!
Садись-ко ужинать: пора!» [4])
— Не каплетъ сверху... заспѣшила!
Отвѣтилъ мужъ: успѣешь, другъ!
И, снявъ поношеный сюртукъ,
На гвоздь повѣсилъ осторожно,
Рубашки воротъ распустилъ,
Лицо и руки освѣжилъ
Водою. — Ну, теперь вотъ можно
За щи приняться. —

«Вишь, родной!
Старушка молвила: не спится!

Всю ноченьку провеселится.
Поди, какъ свищетъ!»

— Кто такой?
Отвѣтилъ мужъ скороговоркой,
Ломая хлѣбъ съ сухою коркой.
«Соловьюшекъ у насъ въ саду».
— Сытъ, стало. Коли бъ зналъ нужду,
Не пѣлъ бы. Мнѣ вотъ не поется.
Какъ хлѣбъ-атъ пóтомъ достается....
Ты, Саша, ужинала что ль? —
«Мы ждали васъ».

— Подай мнѣ соль. —
Дочь подала.

— За ужинъ сѣла,
Такъ ѣшь! Ты что не весела?
«Я ничего».
— Гм... дурь нашла!
Такъ, такъ! —
Старушка поглядѣла
На Сашу. Саша поняла
И ложку нехотя взяла.
— Охъ, эта дѣвичья кручина!
Отецъ, нахмурясь, продолжалъ
И мокрой ложкой постучалъ
Объ столъ: — все блажъ! Подбавь, Арина,
Мнѣ каши... да! все блажь одна!
Я знаю отъ чего она.
Смотри! — 5)

«Опять не угодила!
За смѣхъ — упрекъ, за грусть — — упрекъ...

Ну, грустно — что жь тутъ за порокъ?
Что за бѣда?»

— Заговорила!
Языкъ прикусишь! берегись!
Вишь ты!.... — И жилы напряглись
На лбу отца. Гроза сбиралась.
Но Саша знала старика,
Словамъ дать волю удержалась, —
И пронеслися облака
Безъ грома.

Чашка опустѣла
Лукичъ усы свои утеръ
И, помолившись, кинулъ взоръ
На Сашинъ хлѣбъ. «Ломтя не съѣла..
Сердита, значитъ... Прибирай!
Есть квасъ-то на ночь?»

— Есть немного. —
«Ну, принеси. Сей-часъ ступай!»
— Куда жь итти? Теперь порога
Не сыщешь въ погребѣ: не день... —
«Ну, ну! пошевельнуться лѣнь!»

Дочь вышла. На лицѣ Арины
Слегка разгладились морщины.
Старикъ, молъ, трезвъ... Иль онъ любви
Не знаетъ къ дѣтищу родному?
Скажу про Сашу... Не чужому...
Что жь! Господи благослови!
И подлѣ мужа робко сѣла.
«Лукичъ!»

— Ну что тамъ?
«Я хотѣла...
Того... съ тобой поговорить...
Не станешь ты меня бранить?»
— За что? —

«Начать-то я не смѣю.»
— Ну, ладно, ладно! говори!
«Вишь, мы вотъ стары, я болѣю,
Совсѣмъ свалюсь, того смотри,
Обрадуй ты меня подъ старость —
Отдай ты дочь за столяра!
— Обрадуй... что же тутъ за радость?
Вотъ ты, къ примѣру, и стара,
А дура!... стало есть причина,
Зачѣмъ я медлю... Эхъ, Арина!
«Какъ мнѣ на Сашу-то глядѣть?
Она часъ отъ часу худѣетъ,
Вѣдь я ей мать!»

— Повеселѣетъ!
Ты знаешь, дѣвичья слеза,
Что утромъ на травѣ роса:
Пригрѣетъ солнце и — пропала. —
«Пусть я отрады не видала,
Хоть ей-то, дочери, добра
Ты пожелай!»

— Въ постель пора!
Оставь, пока не разсердился! —

Старушка въ спальню побрела.
Тамъ передъ образомъ свѣтился
Огонь. Въ углу кровать была,

Безъ полога. Подушекъ тѣни
Какъ будто спали на стѣнѣ.
Арина встала на колѣни,
И долго, въ чуткой тишинѣ.
Передъ иконою святою
Слеза катилась за слезою.

Межь тѣмъ Лукичъ окно открылъ
И трубку медленно курилъ;
Сквозь дымъ, глаза его безъ цѣли
На кудри яблоней глядѣли.
‹Ну, завтра ярмарка. Авось
На хлѣбъ добуду. Плохо стало!
Ходьбы и хлопотни не мало,
А прибыли отъ нихъ — хоть брось!
Другимъ, къ примѣру, удается:
Казна валится, точно кладъ:
Ты, право, грошу былъ бы радъ,
Такъ нѣтъ! Гдѣ тонко, тутъ и рвется.
Порой что̀ въ домъ и попадетъ,
Нужда метлою подмететъ.
Вотъ дочь невѣста... все забота!
И сватаютъ, да нѣтъ разсчета: —
Сосѣдъ нашъ честенъ, всѣмъ хорошъ,

Да голь большая, вотъ причина!
Что честь-то? коли нѣтъ алтына,
Далеко съ нею не уйдешь.
Безъ денегъ честь — плохая доля!
Согнешься нехотя кольцомъ
Передъ зажиточнымъ плутомъ:
Нужда — тяжелая неволя!
Мнѣ дочь и жаль! я человѣкъ.
Отецъ, къ примѣру.... да не вѣкъ

Мнѣ мыкать горе. Я не молодъ.
Лукичъ — Кулакъ! кричитъ весь городъ.
Кулакъ... Душа то не сосѣдъ,
Сплутуешь, коли хлѣба нѣтъ.
Будь зять богатый, будь помога,
Не выйди я изъ-за порога,
На мѣстѣ дай Богъ мнѣ пропасть,
Коли подумаю украсть!
А есть женихъ, навѣрно знаю...
Богатъ, не долженъ никому.
И Саша нравится ему.
Давно я сваху поджидаю.»

Такъ думалъ онъ. А вѣтерокъ
Его волосъ едва касался,
И въ трубкѣ красный огонекъ
Подъ сѣрымъ пепломъ раздувался. [6])
Порой катилася звѣзда,
По небу искры разсыпала
И гасла. Ночь благоухала,
И бѣлыхъ облаковъ гряда
Плыла на сѣверъ. Жадно пили
Росу поникшіе листы
И звуки смутные ловили,
При свѣтѣ мѣсяца кусты,
Бросая трепетныя тѣни,
Казалось, въ царство сновидѣній
Перенеслись. Межъ ихъ вѣтвей
Въ потемкахъ щелкалъ соловей.

Быть можетъ, съ дѣтства взятый въ руки
Разумной матерью, отцомъ,
Лукичъ избѣгъ бы жалкой муки —
Какъ нынѣ, не былъ кулакомъ.

Великъ, кто взросъ среди порока,
Невѣжества и нищеты,
И остается безъ упрека
Жрецомъ добра и правоты;
Кто видитъ горе, знаетъ голодъ
Усталый, чахнетъ за трудомъ,
И крѣпкой волей вѣчно молодъ,
Всегда идетъ прямымъ путемъ!
Но пусть какъ мученикъ, сквозь пламень
Прошелъ ты, полный чистоты,
Остановись, поднявши камень
На жертву зла и нищеты!
Корою грубою закрытый,
Быть можетъ, въ грязной нищетѣ
Добра зародышъ неразвитый
Горитъ, какъ свѣчка въ темнотѣ!
Быть можетъ, жертвѣ заблужденья
Доступны рѣдкія мгновенья,
Когда казнитъ она свой вѣкъ
И плачетъ, сердце надрывая,
Какъ плакалъ передъ дверью рая
Впервые падшій человѣкъ.

IV.

Еще ребенкомъ, не стѣсненный
Въ привычкахъ жизни обыденной,
Лукичъ бездѣлье полюбилъ.
Своимъ Карпушкой занятъ былъ
Торгашъ, отецъ его, не много,
Хоть и твердилъ сынишкѣ строго:
«А вотъ, Господь дастъ, доживемъ,
Мы поглядимъ, какимъ добромъ

Воздашь отцу за попеченье.
Тутъ можно человѣкомъ быть:
Съизмала началось ученье —
Псалтырь и все... тутъ можно жить!
Я и читать вотъ не учился,
Да вышелъ въ люди: сытъ, обутъ...»
И подъ хмѣлькомъ всегда бранился:
«Ты, дескать, баловень! ты плутъ!..»
И сына за вихоръ поймаетъ,
Такъ ни за что... «Ну вотъ, молъ, знай!»
Деретъ, деретъ, — до слезъ таскаетъ,
И молвитъ: «Ну, ступай, играй!»
А мать свое хозяйство знала,
Въ печи дрова со счетомъ жгла,
Горшки да чашки берегла,
И ей заботы было мало,
Когда зимой по цѣлымъ днямъ,
Забросивъ книжку и указку,
Сынокъ катался по горамъ. [7])
Раздолье!.. легкія салазки
Со скрипомъ по снѣгу летятъ,
На нихъ бубенчики звенятъ.
«Какъ смѣлъ ты утромъ не являться?»
Ему учитель говорилъ.
— У насъ молебенъ въ домѣ былъ,
Мнѣ батюшка велѣлъ остаться. —
«Ты до обѣда гдѣ ходилъ?
Кричалъ отецъ: часъ цѣлый ждали.»
— Учитель не пускалъ домой:
Зады сидѣли, повторяли....—
Бывало, лѣтнею порой,
Тайкомъ залѣзетъ въ садъ чужой,
Румяныхъ яблокъ наворуетъ,
Тащитъ ихъ къ матери. «Гдѣ взялъ?»

— А это мнѣ Сенюшка далъ,
Вотъ ѣшь! — И мать его цѣлуетъ;
Поди, молъ, родила сынка,
Не съѣстъ безъ матери куска!
Порой грачей въ гнѣздѣ поймаетъ:
«Эй, Сенька! у меня грачи!
Давай мѣнять на калачи!»
— Ненадо! — Сенька отвѣчаетъ.
«Ну и не надо.... вотъ имъ! вотъ!»
И головы грачамъ свернетъ,
Парнишку больно оттаскаетъ
И прибѣжитъ домой, реветъ.
«О чемъ ты?» мать въ испугѣ спроситъ.
— Да вотъ Сенюшка, сынъ голоситъ:
Моихъ грачей закинулъ въ ровъ
И надавалъ мнѣ тумаковъ. — [8])

Карпушка на ноги поднялся
И все безъ дѣла оставался,
Покамѣсть вздумалось отцу
Въ науку мудрую къ купцу
Его отдать. Тутъ всѣ разсчеты —
Торговыхъ плутней извороты
Онъ изучилъ, и кошелекъ
Казной хозяйскою, какъ могъ,
Наполнилъ. Годы шли. Скончался
Его отецъ; угасла мать.
Невѣсту долголи сыскать?
И сынъ женился. Распрощался
Съ купцомъ; заторговалъ мукой;
И какъ по маслу, годъ-другой,
Все шло. Но вдругъ за пень задѣло!
Тутъ неудача, тамъ сплошалъ....
Спустилъ, какъ воду, капиталъ

И запилъ: горе одолѣло!
Искать мѣстечка — стыдъ большой;
Искать рѣшился — отказали.
А ремеслу не обучали;
Подумалъ — и махнулъ рукой:
— «Тьфу, чортъ возми! да что за горе!
Пойду на рынокъ по утру,
Такъ вотъ и деньги! Рынокъ — море,
Тамъ рыба есть, умѣй ловить,
Достанетъ какъ нибудь прожить!»
И съ той поры, лѣтъ тридцать сряду,
Онъ всякой дрянью промышлялъ,
И Лукича весь городъ зналъ
По разнымъ плутнямъ, по наряду,
По вѣчной худобѣ сапогъ
И по загару смуглыхъ щекъ. [9])

V.

Флагъ поднятъ. Ярмарка открыта. [10])
Народомъ площадь вся покрыта.
На море пестрое головъ,
Громада бѣлая домовъ,
Глядитъ стеклянными очами;
Недвижная, затоплена
Вся солнца золотомъ она.
Людъ Божій движется волнами...
И кички съ острыми углами,
Подолы красные рубахъ,
На черныхъ шляпахъ позументы,
И вѣтромъ въ дѣвичьихъ косахъ
Едва колеблемыя ленты —
Вся деревенская краса

Вотъ такъ и мечется въ глаза!
Изъ лавокъ, хитрая приманка,
Высматриваютъ кушаки,
И разноцвѣтные платки,
И разноцвѣтная серпянка.
Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
Корчагъ, боченковъ, кувшиновъ;
Тамъ — лыки, ведра и ушаты,
Лотки, подойники, лопаты,
Колеса.... «Гдѣ? Какая дрянь?
Ты вотъ на ступицу-то глянь!»
Торгашъ плечистый повторяетъ
И бойко колесомъ вертитъ.
А парень крендель доѣдаетъ,
— Сложи полтину, говоритъ:
Возьму и дегтю, вотъ мазницы.... — [11]
«Нѣтъ, врешь! отдай за рукавицы!
Ты гаманокъ-то свой не прячь!
Кричитъ налѣво бородачъ.»
Здѣсь давка: спорятъ съ мужиками
За клячу пѣгую купцы,
И *Лазаря* поютъ слѣпцы,
Сбирая мѣдными грошами
Дань съ сострадательныхъ зѣвакъ.
Набитъ-биткомъ толпой гулякъ
Пріютъ разгула и кручины,
Подъ кровлею изъ парусины. [12]
«Охъ, православные, я пьянъ!»
Въ бумажномъ колпакѣ и блесткахъ,
Кривляясь съ бубномъ на подмосткахъ,
Народъ дурачитъ шарлатанъ
И корчитъ рожу.... «Какой обманъ!»
Повертывая головою,
Цыганъ проносится съ божбою:

«Коню не двадцать лѣтъ, а пять.
Жены, дѣтей мнѣ не видать!»
Веселый говоръ, крикъ торговли,
Пискъ дудокъ, пѣсни мужичковъ
И ранній звонъ колоколовъ —
Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли
Приподнялись поверхъ возовъ,
Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

Лукичъ на ярмаркѣ съ разсвѣта,
Успѣлъ ужъ выпить, закусить,
Купить два старыхъ пистолета
И съ барышемъ кому-то сбыть.
Теперь онъ съ бабою хлопочетъ,
Руками уперся въ бока,
Лицо горитъ, чуть не соскочитъ
Картузъ съ затылка, — рѣчь бойка.
«Ты вотъ что умная молодка,
По сторонамъ-то не смотри,
Твой холстъ, къ примѣру, не находка....
Почемъ аршинъ-то? говори.»
По гривнѣ, я тебѣ сказала;
Вонъ и другіе такъ берутъ.
«Не ври! куда ты указала!
Тамъ по три гроша отдаютъ!»
— И, щò-ты! аль я одурѣла!
Поди-ко цѣну объявилъ!
Купецъ четыре мнѣ сулилъ,
Да я отдать не захотѣла....
Вонъ онъ стоитъ....

«Ха, ха! ну такъ!
Отдай! и ты не догадалась!
Эхъ, дура! съ кулакомъ связалась!

Вѣдь онъ обмѣряетъ! кулакъ!
А я на совѣсть покупаю....
Эй, голова, почемъ пенька?»
Остановивши мужика,
Онъ закричалъ.

— Спасибо! знаю!...
«Должно нашъ братъ училъ тебя!»
Лукичъ подумалъ про себя.
И снова съ бабою заспорилъ,
Голубушкою называлъ,
Разъ десять къ чорту посылалъ,
И напослѣдокъ урезонилъ.
Изъ-подъ полы аршинъ досталъ,
Разъ!.. разъ!.. и смѣрена холстина.
«Гляди вотъ: двадцать три аршина.»
— Охъ-ма! тутъ двадцать семь какъ-разъ! —
«Что, у тебя иль нѣту глазъ?
Аршинъ казенный, понимаешь!
Вотъ на... не видишь, два клейма!»
— Да какъ же такъ? —

«Не довѣряешь?»
— Я дома мѣрила сама. —
«Тьфу! провались ты! я съумѣю
Безъ краденой холстины жить!
Глаза что ль ею мнѣ накрыть?
Такъ я, къ примѣру, крестъ имѣю!»
И кошелекъ онъ развязалъ,
На гривну бабу обсчиталъ
И торопливо отвернулся:
Прощай, молъ, вѣрно!... недосугъ!
Пошелъ-было въ толпу — и вдругъ
Съ помѣщикомъ въ очкахъ столкнулся.

«Мое почтенье, Климъ Кузмичъ!
Не купите ли, сударь, бричку?
Отличный сортъ!»

—Ба, ба! Лукичъ!
Ты не забылъ свою привычку—
Прислуживаешь, братецъ, всѣмъ?—
«Что дѣлать, сами посудите.
Я тоже хлѣбъ, къ примѣру, ѣмъ...
А бричка дешева-съ! купите!»
—Нѣтъ, я на бричку не купецъ.
Не попадется ль жеребецъ?
Вотъ не найду никакъ, мученье!
А нуженъ къ пристяжнымъ подъ шерсть—
Караковый.—

«Есть, сударь, есть!
Рысакъ! А бѣгъ—мое почтеніе!»
И онъ прищелкнулъ языкомъ:
Да-съ! одолжу молъ рысакомъ!
—Ты плутъ естественный, я знаю:
Смотри, Лукичъ, не обмани!—
«Ну вотъ-съ, помилуйте! ни-ни!
Я васъ съ другими не сравняю.
Тутъ... Вамъ Скобѣевъ незнакомъ?»
— Нисколько.—

«Онъ, сударь, кругомъ
Въ долгахъ: весь въ карты проигрался,
Теперь рысакъ одинъ остался....
Ну конь! Глазами, ваша честь.
Вотъ такъ, къ примѣру, хочетъ съѣсть!
Чортъ знаетъ! просто заглядѣнье!»
—Да правда ль?—

«Не далеко домъ,
Коли угодно завернемъ,
Посмотримъ.»

— Сдѣлай одолженье!
А помнишь ли, купилъ ты мнѣ
Собаку какъ-то по веснѣ? —
«Плохенька развѣ?»

— Околѣла!
Не взялъ бы чортъ знаетъ чего!
«Охотиться не захотѣла....
Поможемъ, сударь, ничего!
Ахъ! тутъ вотъ есть у офицера
Собака... кличку-то забылъ,
Вчера деньщикъ и говорилъ....
Ну, и животное, къ примѣру:
Брось въ воду гривенникъ — найдетъ!
Вотъ вамъ купить бы.»

— Радъ душою!
Но для чего-жь онъ продаетъ? —
«Что дѣлать станете съ нуждою!
Наслѣдство дядя обѣщалъ,
А при смерти не завѣщалъ,
Ѣсть нечего... семья большая...»
— А! вотъ что! баринъ отвѣчалъ,
И гибкой тросточкой играя,
Поглядывалъ по сторонамъ
И напѣвалъ: «тири-та-рамъ...»

VI.

«Вотъ-съ двухъ-этажный, съ мезониномъ... [13])
Лукичъ помѣщику сказалъ,
И домъ Скобѣева, аршиномъ
Махнувъ направо, показалъ.
«Эй, кучеръ! соня!»

Кучеръ плотный,
Безсмысленно разинувъ ротъ,
Дремалъ на камнѣ у воротъ:
«Иль ночь-то не спалъ, беззаботный?»
Лукичъ у кучера спросилъ. —
Тотъ вздрогнулъ и глаза открылъ,
Досталъ тавлинку изъ кармана
И сильно въ ноздри потянулъ.
«Гдѣ баринъ?»

— Ась? А... Чхи! Татьяна
Мнѣ говорила... чхи!...пьетъ чай.
«Потише ротъ-то раззѣвай!
Вишь, зачихалъ. Эхъ ты пріятель!
На рысака вотъ покупатель...»
— Ну что же? стало показать? —
«Вѣдь не заочно покупать.»
— А баринъ? —

«Выводи, онъ знаетъ».
И кучеръ скрылся. «Климъ Кузьмичъ! [14])
Сказалъ въ-полголоса Лукичъ:
Снаровка дѣлу не мѣшаетъ —
Ему на водку надо дать...»
— Ну дураку-то! —

«Какъ узнать!
Бываетъ, и дуракъ годится.
Онъ рыжій чортъ не постыдится
И господину понавретъ,
Что нашъ-де конь намъ не подходитъ
И кормъ-де въ прокъ ему нейдетъ,
Ей-Богу-съ! Этотъ хамскій родъ
Господъ частенько за носъ водитъ!»
Помѣщикъ смѣхомъ отвѣчалъ
И два четвертака досталъ.
Лукичъ въ конюшню торопливо
Вошелъ и молвилъ: «живо! живо!»
Въ карманъ свой деньги опустилъ
И кнутъ у кучера спросилъ.
— Вонъ на стѣнѣ... не тутъ... правѣе.
Статья-то, слышь, не подойдетъ:
Вѣдь конь съ запаломъ — зареветъ. —
«Ты не крути, держи умнѣе.
А ну-ка, дорогой рысакъ,
Подставь бока... Вотъ такъ! Вотъ такъ!
Прр! прр! На дворъ его скорѣе!...»

И бѣдный конь черезъ порогъ
Вдругъ сдѣлалъ бѣшеный скачокъ,
Глазами дико покосился
И началъ землю рыть ногой.
Лукичъ, смѣясь, посторонился —
Вишь, дескать, бойкой сталъ какой.
Помѣщикъ подошелъ. Рукою
Коня по шеѣ потрепалъ
И съ лоскомъ гривою густою
Полюбовался. Холку взялъ,
Поправилъ на бокъ, осторожно
Ощупалъ, ноги, мышки, грудь

И молвилъ: «надобно взглянуть
На зубы». — Очень возможно,
Кудрявый кучеръ отвѣчалъ
И зубы рысаку разжалъ. —
Э! Конь-то молодой! три года.
Лишь сталъ окраины ронять....
А ну, нельзя ли пробѣжать?
Стой! Стой! Да, не дурна порода!»
— А бѣгъ-то, бѣгъ-то, Климъ Кузьмичь!
А шея! говорилъ Лукичъ:
Позвольте-съ, вотъ и самъ хозяинъ.

Хозяинъ былъ румяный баринъ.
Съ усами, съ трубкою въ рукѣ,
Въ фуражкѣ, въ черномъ сюртукѣ,
Со знакомъ службы безпорочной,
Обритъ отлично, сложенъ прочно,
Взглядъ строгъ, на выкатѣ глаза
И подъ гребенку волоса.

«Скобѣевъ, сударь. Честь имѣю...
А вы-съ? коли спросить я смѣю...
Онъ покупателю сказалъ.

— Долбинъ, помѣщикъ. Я узналъ,
Что рысака вы продаете... —
«Такъ точно».

— Дорого ль возьмете! —
«Позвольте въ домъ васъ попросить».
— Зачѣмъ же? можно тутъ рѣшить. —
«Четыреста. Коню три года...»
— Я видѣлъ. А чьего завода? —
«Орловой».

— Дорого-съ. Не дамъ.
А вотъ за триста по рукамъ. —

«Я не торгашъ, предупреждаю.
Три съ половиною даютъ,
Притти хотѣли — и придутъ».
Все вретъ, Лукичъ подумалъ: знаю....
И молвилъ; «я и приводилъ».
— Ну! ну! Скобѣевъ перебилъ.
«Я не обидѣлъ васъ словами;
Что жъ! наше дѣло сторона.
Не дорогая, молъ, цѣна,
Я вотъ что...» и старикъ руками
Развелъ. [15])

Хозяинъ былъ упрямъ,
И плохо подвигалась сдѣлка.
«Ударьте, сударь, по рукамъ!
Лукичъ, какъ бѣсъ, шепталъ украдкой
Помѣщику: — вѣдь, дѣло гадко!
Скобѣевъ спятится вотъ-вотъ...
Кончайте! сотня не разсчетъ!»

Долбинъ стоялъ въ недоумѣньи,
Поглядывалъ на рысака,
Картина-конь! на старика, —
Тотъ весь дрожалъ отъ нетерпѣнья:
Усами шевелилъ, мигалъ,
Къ карману руку прикладалъ...
Не прозѣвай, молъ! Что ты смотришь?
Покаешься, да не воротишь,
Мнѣ что́! я не желаю зла....
И сдѣлка кончена была.

Кому не святъ обычай русской!
И вотъ за водкой и закуской
Скобѣевъ и Долбинъ сидятъ,
Червонцы на столѣ звенятъ;
Лицо хозяина сіяетъ,
Онъ залпомъ рюмку выпиваетъ,
Остатки въ потолокъ — вотъ такъ!
Дескать попрыгивай, рысакъ,
Долбинъ поморщился немного,
Но тоже выпилъ. У порога
Лукичъ почтительно стоялъ
И очереди ожидалъ;
Хватилъ и молвилъ: «захромаю
Съ одной-съ...»

Скобѣевъ не слыхалъ:
Бесѣду съ гостемъ продолжалъ: [16)]
Такъ вотъ что, Климъ Кузьмичь! я знаю
Имѣнье ваше... проѣзжалъ...
Земли довольно...

— Рукъ немного!
Душъ тридцать. Впрочемъ, не бѣда:
На мѣсячинѣ всѣ. —

«Ахъ, да!
Мысль не дурна.»

— Но надо строго
Слѣдить. Внимательность нужна.
«Лѣнятся?»

— Ужасъ! Раззоряютъ!
Заставишь сѣять сѣмена.

За голенища засыпаютъ,
Порою въ землю зарываютъ! —
«Неужто?»

— Просто, нѣтъ души!
Хоть колъ на головѣ теши,
Не убѣдишь!... Я разъ гуляю...
Гляжу — нырнулъ мальчишка въ рожь.
Э! погоди, молъ! не уйдешь!
И что же, сударь, открываю? —
«Ну-съ?»

— Онъ колосья воровалъ!
Шапченку вéрхомъ ихъ набралъ!
Ну, что, молъ? Хлопаетъ глазами
Да хнычетъ.

«Этакой развратъ!
Ужасно! и отцы молчатъ!»
— Нашли тутъ! научаютъ сами....
Не наѣдятся, чортъ возьми!
Что хочешь, какъ ихъ не корми! —

«Вотъ саранча!»

— Да-съ! наказанье!
Вы какъ? на службѣ? —

«Да... служилъ...
Въ коммисіи подъ лямкой былъ.»
— Такъ... Вышли? —

«Родилось желанье
Окончить, знаете, свой вѣкъ

Покойно: грѣшный человѣкъ, —
Усталъ трудиться».

— Охъ, Создатель!
Лукичъ подумалъ: вотъ и вѣрь!
Не скажетъ вѣдь, за что теперь
Онъ подъ судомъ... хорошъ пріятель!
Давно-ль деревню-то купилъ?
А говоритъ подъ лямкой былъ.

Помѣщикъ всталъ и распростился.
Онъ къ воротамъ, — Лукичъ во слѣдъ.
«За трудъ, сударь», и побожился:
Коню-то, молъ, цѣны вѣдь нѣтъ.
— Вотъ два цѣлковыхъ. —

«Что вы-съ! мало!
Какъ можно! это курамъ смѣхъ!
Гм, время, значитъ, такъ пропало...»
— Ну, сколько же? —

«Да пять не грѣхъ.»
Долбинъ заспорилъ.

«Воля ваша,
Хоть не давайте ничего!
Мы, стало, служимъ изъ того...
А все, къ примѣру, глупость наша:
Добра желаешь».

— Эхъ, какой!
Одинъ прибавлю. Да! постой!
На счетъ собаки... —

«Что жь, извольте!
Оно, — вы скупы, да пойдемте:
Я не сердитъ, служить готовъ.»
— Теперь я занятъ. —

«Мы съ двухъ словъ!»
— Нѣтъ, нѣтъ! до завтра. Срокъ не дологъ. —
«Упустимъ: часъ въ торговлѣ дорогъ!»
— Пустое! Кучеръ! Эй! за мной!
Веди коня!—

«Ну, Богъ съ тобой!
Лукичъ подумалъ: заскупился.
Вотъ покупатель-то явился!
Вѣдь съ виду смотритъ молодцомъ:
Очками, тростью щеголяетъ
И на спинѣ колпакъ съ махромъ,
Чортъ знаетъ для чего, таскаетъ;
А хорошенько разберешь —
Выходитъ такъ себѣ... какъ глина,
Что хочешь изъ нея сомнешь.
Эхъ, плачетъ по тебѣ дубина!
Добру съумѣла бъ научить,
Да некому дубиной бить!
Ни то дуракъ... расвѣсилъ уши,
Разинулъ ротъ, и вѣритъ чуши,
Скобѣевъ будто задолжалъ,
Все, значитъ, въ карты проигралъ.
Какъ разъ! Ему и проиграться!
Да онъ удавится за грошъ!»

Эй, старый хрычъ! кого ты ждешь?
Пора въ-свояси убираться!
Съ крыльца Скобѣевъ забасилъ.

Лукичъ за козырекъ хватился,
Картузъ подъ мышку положилъ
И молвилъ: «ну, сударь, трудился!
Весь лобъ въ поту! —»

«Платокъ возьми,
Утрись.»

— Утремся. Я дѣтьми
За вашу клячу-то божился,
Не грѣхъ за хлопоты мнѣ взять. —
«Вишь, старый хрычъ, чѣмъ похвалился!
Я бъ безъ тебя умѣлъ продать.
Взялъ съ одного, ну, знай и мѣру...
А много заплатилъ Долбинъ?»
— Съ него возмешь! хоть бы алтынъ,
Такая выжига, къ примѣру! —
«Все ложь!»

— Бываетъ, что и лгу,
А передъ вами не могу:
Не хватитъ духу. —

«Это видно!...
Я бъ далъ, нѣтъ мелочи въ дому...»
— Да не шутите, сударь, стыдно! —
«Не забываться, ротъ зажму!»
— Благодаримъ: не вы ли сами
Просили вашу клячу сбыть? —
«Взялъ съ одного, ты съ барышами —
И полно!..»

— Что и говорить!
Вотъ щедрость! Гм... мое почтенье!

Останься съ рюмкою вина...
Ну, дорогое угощенье! —
‹Вишневка. Какъ? вѣдь не дурна?›
— Хоть рубль-то дайте! —

‹Чести много.
Пожалуй, нà вотъ четвертакъ.›
— Себѣ возьмите, коли такъ!
Эхъ баринъ! не боишься Бога! —
‹Я говорилъ тебѣ — молчать!›
— Потише! можно испугать!...
Онъ четвертакъ, къ примѣру, вынулъ,
Вишь умникъ! дурака нашелъ... —
И свой картузъ Лукичъ надвинулъ.
Съ досады плюнулъ — и ушелъ.

Горятъ огни зари вечерней.
Въ туманѣ прячутся деревни,
И все темнѣй, темнѣй вдали.
За пашнями, изъ-подъ земли,
Выходитъ пламя полосами
И начинаетъ тутъ и тамъ
Краснѣть по темнымъ облакамъ.
По синевѣ надъ облаками,
И смотришь — неба сторона
Виситъ, въ огнѣ потоплена.
Сквозь сумракъ поле зеленѣетъ;
Угрюмо на краю небесъ
Насупился кудрявый лѣсъ,
Едва примѣтный онъ синѣетъ,
Какъ будто туча приплыла
И въ полѣ ночевать легла,
Соха на пашнѣ опочила,
Дорожка тоаярн мертва,

Вдругъ началъ перепелъ: вва! вва!
И смолкъ.

Но пыль, какъ дымъ, покрыла [17])
Весь городъ; такъ и ѣстъ глаза!
Дворянской улицы краса
Поникли тополи печально,
Наводитъ грусть ихъ жалкій видъ;
На стеклахъ кое-гдѣ горитъ
Зари румяной лучъ прощальный,
Напоминая цвѣтъ лица
Полуживаго мертвеца.
Угрюмо смотритъ съ тротуара
Чугунныхъ пушекъ рядъ нѣмой,
Угрюмо ходитъ часовой
На каланчѣ, и вѣсть пожара —
И днемъ и ночью черный флагъ
Готовъ онъ вздернуть. Что ни шагъ —
Все вывѣски. Вотъ подъѣзжаетъ
Телѣга, вдругъ, какъ изъ земли,
Рука и палка выростаетъ,
Телѣга скрылася вдали.
Уже прохладенъ воздухъ сонный
И мѣсяцъ отраженъ рѣкой,
Но камень, солнцемъ раскаленный,
Доселѣ тепелъ подъ ногой.

Лукичъ въ свой домикъ возвращался.
Прищуривъ мутные глаза,
Онъ шелъ одинъ, безъ картуза,
И сильно въ стороны шатался,
И въ слухъ несвязно бормоталъ:
«А вамъ-то что? Вы что такое?
Вишь умники! ну, погулялъ!

Вѣдь на свое, не на чужое!...
Слышь, Климъ Кузьмичъ! каковъ рысакъ?
Плохонекъ? ну, впередъ наука!
На то, къ примѣру, въ морѣ щука,
Чтобъ не дремалъ карась... да, такъ!
Ты вѣрилъ на слово, и ладно.
Выходитъ дѣло, ты и глупъ!
А мнѣ-то что? мнѣ не накладно.
Мнѣ благо, что купецъ не скупъ.
Э! А собаку-то, пріятель!
Молчишь, сердитъ на рысака...
Да, ты теперь не покупатель.
И не нуждаются пока.
Да гдѣ я?... Что за чертовщина!
Постой-ка, осмотрюсь кругомъ....
Я помню отъ угла мой домъ
Четвертый... экая причина!
Дай сосчитаю: вотъ одинъ,
Другой и третій... больше нѣту...
Тутъ пустошь и какой-то тынъ.
Да какъ же прежде пустошь эту
Я здѣсь ни разу не видалъ?...
Тьфу, пропасть! ничего не знаю!...
А! догадался! понимаю!
Не въ эту улицу попалъ».

VII.

Аринѣ сердце предвѣщало, [18])
Что пьянъ и грозенъ мужъ придетъ;
Чуть раздавался скрипъ воротъ,
Въ ознобъ и жаръ ее кидало.
Свѣча горѣла. За чулкомъ

Грустила Саша подъ окномъ.
Заботамъ чуждъ, какъ уголь черный,
Не унывалъ лишь котъ проворный:
Клубкомъ старушки на полу
Игралъ онъ весело въ углу.
«Иду!... раздался на крылечкѣ
Знакомый крикъ: огня подать!»
И Саша бросилася къ свѣчкѣ,
Отца готовая встрѣчать.

Дверь распахнулась, онъ явился:
Лобъ сморщенъ, дыбомъ волоса,
Дирявый галстухъ на бокъ сбился
И кровью налиты глаза.
«Безъ картуза!» всплеснувъ руками,
Старушка молвила.

— Молчать!
Я дамъ вамъ дружбу съ столярами!...
Тсс!... смирно!... рта не разѣвать!...
«Постойте! Саша говорила:
Я васъ раздѣну».

— Раздѣвай!
Ну, да! и галстукъ... все снимай!...
А ты о чемъ вчера грустила? —
«Такъ, скучно было».

— Врешь! не такъ!
Ты думаешь, отецъ дуракъ...
Цѣлуй мнѣ руку! —

Дочь стояла
Недвижно, только по лицу,

Сквозь блѣдность, краска выступала.
— Не стою?... А! поцѣловала!
Противно, значитъ... да! отцу!
Едва губами прислонилась! —
«Ну, началось!»сказала дочь
И отошла съ досадой прочь.
— Разуй меня! куда ты скрылась? —
Но Саша медлила.

— Идешь?...
Ну, ладно. Тише! что ты рвешь!
Не надо! —

«Полно издѣваться!
Давайте!»

— Цыцъ! —
«Вѣдь брошу!»
— Какъ?
Ну брось!... ну брось!.. отецъ дуракъ,
Ну что жъ? не грѣхъ и посмѣяться....
А я заплачу... не въ первой...
Вотъ плачу... смѣйся! Богъ съ тобой —
«Да лягъ! промолвила старушка:
Хоть тутъ — на лавкѣ. Вотъ подушка».
— Чего? учи-ко дочь свою!
А я вотъ пѣсню запою:
Лучина... —

«Полно, старичина!
Грѣшно! какая тамъ лучина!»
— Молчать! я хлѣба мало ѣлъ!
Вотъ это кто добыть умѣлъ?
И серебро свое онъ вынулъ,

И по столу его раскинулъ.
«На что-жь бросать-то?

— Стой не тронь!
Не подбирай! туши огонь! —
Да лягъ! потушимъ!»

— А! потушишь!
Украсть хотите? нѣтъ, постой!
«Изъ-за чего ты насъ все крушишь
Ну пьянъ, и спалъ бы, Богъ съ тобой!»
— Кто пьянъ? — ты мужу такъ сказала?
Куда? не спрячешься! найду! —
«Оставьте! Саша умоляла:
Она ушла, ушла!.. въ саду.»
— Прочь отъ двери! Ты что пристала?
А кто тебѣ — вотъ это сшилъ?
И дочь онъ за рукавъ схватилъ.
Ну! что жь, къ примѣру, замолчала? —
У Саши загорѣлся взоръ,
И все лицо, что коленкоръ,
Вдругъ побѣлѣло. «Не кричите!»
— Кто сшилъ? —

«Сама!»

— Вотъ разъ! вотъ два!
И половина рукава
Упала на полъ. —

«Рвите! рвите,
За то, что для себя и васъ
За дѣломъ не смыкаю глазъ!
За то, что руки вамъ цѣлую

И добываю хлѣбъ иглой,
Или, какъ нынче, въ ночь глухую.
Вотъ такъ терплю!... И вы родной!
И вы отецъ!»

Старикъ смутился.
Какъ ни былъ пьянъ; но спохватился
И плюнулъ дочери въ глаза.
И вѣрно бъ грянула гроза.
Но Саша за отцомъ слѣдила. —
Вмигъ отъ удара отскочила
Назадъ — и бросилася вонъ.

Лукичъ въ сонъ крѣпкій погруженъ. [19])
Свѣча погасла. Все сидѣли
И мать и дочь въ саду густомъ.
И звѣзды радостнымъ огнемъ
Надъ головами ихъ горѣли.
Но грозно, въ синей вышинѣ,
Стояла туча въ сторонѣ.
Сверкала молнія порою —
И садъ изъ мрака выступалъ,
И вновь во мракѣ пропадалъ.
Старушка робкою рукою
Крестилась; вся освѣщена
На мигъ, и пробудясь отъ сна,
На вѣткѣ вздрагивала птичка,
А по дворамъ шла перекличка
У пѣтуховъ.

«Не спишь, дитя?
Старушка молвила, кряхтя: —
Я что-то зябну... охъ! поди-ты.
Какъ грудь-то больно!»

— Вотъ платокъ:
Покройтесь. —

«Что ты, мой дружокъ!
И будутъ у самой открыты
До свѣта плечи!»

— Мнѣ тепло. —
«Нѣтъ, нѣтъ! не надо! все прошло!»

Но дочь старушку убѣдила,
И грудь и шею ей покрыла
Платкомъ. Сама, какъ часовой,
Бродила по травѣ сырой.
Прогулка грустная не грѣла
Ея продрогнувшаго тѣла.
Тутъ горе... горе впереди,
Теперь и прежде... и въ груди
Досада на отца кипѣла.
Потрясена, раздражена,
Вдыхала съ жадностью она
Холодный воздухъ, хоть и знала,
Что безъ того больной лежала
Не такъ давно. Теперь опять
Хотѣла слечь — и вновь не встать.

Въ саду зеленомъ блескъ и тѣни,
На солнцѣ искрится роса;
Веселыхъ птичекъ голоса
Перекликаются въ сирени;
Прохлада свѣжая давно
Плыветъ въ открытое окно.
Старушка стекла вытираетъ.
Подъ потолокъ пуская паръ,

Кипитъ нагрѣтый самоваръ,
И Саша чайникъ наливаетъ,
Сидитъ съ поникшей головой,
Подпертой бѣлою рукой.

И вотъ Лукичъ отъ мухъ проснулся,
Зѣвнулъ, лѣниво потянулся,
Взглянулъ на столъ — тамъ серебро;
Повѣрилъ — цѣло; ну, добро!
Онъ вспоминалъ хоть и неясно,
Что шумѣлъ вчера напрасно; [20]
Ну, молъ, бѣда не велика,
Не тронь, уважутъ старика.

«Охъ, голова болитъ, старуха!
А что вчера я смирно легъ?»
— Чуть не прибилъ насъ. Видитъ Богъ,
За что. Такая-то сокруха!
И понаслушались всего... —
«Гм, жаль! не помню ничего!»
— Въ саду сидѣли до разсвѣта...
Грѣшно, Лукичъ! Въ мои ли лѣта
Такъ жить!»

«Ну, ну! не поминай!
Ты пьянаго не раздражай.
Давай-ко поскорѣе чаю,
Быть можетъ, голова... того...
А я жду сваху.»

— Отъ кого? —
«Про это я, выходитъ, знаю:
Что думалъ, сбудется авось.»

— Смотри, тужить бы не пришлось...
И-ихъ, старикъ! —

«И-ихъ, старуха!
Не забывается сосѣдъ!
Вѣдь я сказалъ, къ примѣру: нѣтъ!
— Ну, плеть не перебьетъ обуха!»
— Мнѣ замужъ, батюшка, нейти. —
Чуть слышно Саша отвѣчала,
И съ чаемъ чашка задрожала
Въ ея рукѣ.

«Ты безъ пути
Того... не завирайся много!» [21]
— Я правду говорю. —

«Ну, врешь!
Велю — за пастуха пойдешь.»
И поглядѣвъ на Сашу строго,
Отецъ прибавилъ: «да, велю,
И баста! споровъ не люблю.»
— Конечно такъ. Я кукла, стало,
Иль тряпка... и куда попало
Меня ни бросить, все равно,
Подъ лавку или за окно.
«Да что, къ примѣру, ты въ умѣ ли?
Ты съ кѣмъ изволишь разсуждать?»
— Вотъ если-бъ эту чашку взять
Разбить, вы вѣрно-бъ пожалѣли!
«Ну что-жь изъ этого?»

— Да такъ,
Вы сами знаете — пустякъ:
Вамъ чашка дочери дороже.

«Смѣкаю. Ты-то за кого
Меня сочла? за куклу тоже?
Да ты отъ взгляда моего,
Не то что словъ, должна дрожать?
А ты... ты хлѣбомъ попрекать
Отцу! Ты что вчера сказала?
Для васъ, дескать, моя игла...»
— Я виновата, попрекала.
Да если-бъ камнемъ я была,
Тогда-бъ промолвила! Вѣдь горько!
Иной собакѣ лучше жить,
Чѣмъ мнѣ: ее не станутъ бить,
Гнать изъ конуры... —

«Дальше!»

— Только.

Что-жь мало этого? —

«Молчать!
И слышишь ты, не поминать
Сосѣда! моего порога
Не смѣй онъ знать! Вишь рѣчь нашла!
Благодари, къ примѣру, Бога,
Что у тебя коса цѣла!»

Старушка вышла изъ терпѣнья.
Въ душѣ за дочь оскорблена,
Всѣ слезы, годы униженья,
Все горе старое она
Припомнила и поблѣднѣла,
И мужу высказать хотѣла
Какой, молъ, есть ты человѣкъ?
Крушилъ жену свою весь вѣкъ

И крушишь дочь. Побои, пьянство...
Вѣдь это мука, молъ! тиранство...
Ты въ этомъ Богу дашь отчетъ!...
И не рѣшилась. Нѣтъ, нейдетъ:
Вспылитъ. Немного помолчала
И грустно дочери сказала:
«Пей, Саша, чай-то: онъ простылъ.
Что-жь плакать?

— Гм! ей чай немилъ.
Сгубилъ сосѣдъ твою голубку.
Заплачь и ты, — оно подъ стать! —
Промолвилъ мужъ и началъ трубку
Объ уголъ печки выбивать.

Межъ тѣмъ въ калиткѣ обветшалой
Кольцо желѣзное стучало.
Лукичъ прислушался: «Стучатъ,
Подъ чай, къ примѣру, наровятъ.»
Въ окно Арина поглядѣла:
— Старуха чья-то. Охъ, Лукичъ,
Не сваха ли? кому опричь? —
«Что жь! примемъ.» Саша поблѣднѣла.
Отецъ на кухню указалъ,
И Сашѣ выйдти приказалъ.
Она не трогалася съ мѣста.
«Опять упрямство! слышь, невѣста,
За косу выведу, гляди!»
— Иди, душа моя, иди!
Сказала мать: охъ мука, мука! —
«Ну, ну! не мука, а наука...
Васъ плетью бъ нужно обучать.»
И онъ сюртукъ сталъ надѣвать.

VIII.

Дверь заскрипѣла, отворилась —
И гостья, кашляя, вошла.
Святымъ иконамъ помолиласъ
И чуть не въ поясъ отдала
Поклонъ хозяину съ хозяйкой.
На гостьѣ былъ нарядъ простой:
Покрытый синею китайкой
Шушунъ, кокошникъ золотой
И сарафанъ. Взглядъ ястребиный,
Лукавый. На лицѣ морщины.
И тонкій носъ загнутъ крючкомъ.

«Челомъ вамъ, золотые, бьемъ!
Здоровы ли, мои родные?
Ну жаръ! насилу доплелась!
Да пыль отъ вѣтра поднялась—
Измучилася, золотые!
Садись-ко, матушка, садись,
Сказалъ Лукичъ: вотъ чашку чаю...
«Давай, родной. Уста спеклись.
Шестой десятокъ доживаю,
Насилу бродишь. Ну и жаръ!»
— Жена! долей-ко самоваръ.
Привѣтимъ гостью дорогую
Чѣмъ Богъ послалъ. —

«И-и родной!
Привѣтъ хоть лаской-то одной,
Да потрудись на рѣчь простую,
Мнѣ старой бабѣ отвѣчать.»

— Изволь. Послушаемъ, въ чемъ дѣло. —
«Кажись, вамъ времячко приспѣло
Живой товаръ свой съ рукъ сбывать;
Есть у меня купецъ; незнаю,
Хорошъ ли будетъ онъ для васъ.»
— А! понимаю, понимаю
Товаръ, къ примѣру, есть у насъ;
Да кто купецъ-то? —

«Таракановъ,
Тарасъ Петровичъ.»

— Это онъ!
Лукичъ подумалъ: въ руку сонъ!
Его и ждалъ. —

«Пять балагановъ
Своихъ на рынкѣ.... голова!»
— Прибавила. И всѣхъ-то два. —
«И, нѣтъ! Красавецъ! и бровями,
И темнорусыми кудрями, —
Всѣмъ взялъ! хоть въ рамку, золотой!»
— Намъ красотой не любоваться!
А былъ бы съ умной головой,
Умѣлъ бы дѣломъ заниматься —
Вотъ это лучше красоты! —
«Охъ, батюшка, ума палата!
А домъ-атъ — поглядѣлъ бы ты,
Ужь нечегó: не наша хата!
Пять комнатъ, сударь мой, — просторъ!
На окнахъ бѣлыя гардины,
Въ простѣнкахъ разныя картины,
А дворъ-то, что это за дворъ!
Кругомъ дубовые амбары

И лѣсъ старинный — прочный лѣсъ!
Въ одномъ углу большой навѣсъ,
Въ амбарахъ всякіе товары....
Что, золотой, и говорить:
Добра возами не свозить!›
— Ну, тутъ прикрасы не у мѣста;
Ты о приданомъ рѣчь веди. —
‹Рѣчь о приданомъ впереди.
Для жениха нужна невѣста.
Ее онъ видѣлъ какъ-то разъ,
Да на̀-вотъ! Кругомъ закружился!
И хлѣба, золотой, лишился,
И ночью не смыкаетъ глазъ —
Все ею грезитъ, да и мнѣ-то
Совсѣмъ покою не даетъ.
Тутъ мочи нѣтъ, а онъ придетъ,
Все умоляетъ: какъ бы это
Сходила ты къ невѣстѣ въ домъ
Поговорить съ ея отцомъ?›
— Ну, да однако, что же надо? —
‹Такъ что-нибудь, хоть для обряда:
Четыре головныхъ платка,
Ну — съ... три-четыре перстенька,
Три нитки жемчугу на шею,
(Ужь много я просить не смѣю),
Салопъ на бѣличьемъ мѣху,
Сукна на чуйку жениху,
Три шали, восемь платьевъ новыхъ,
Кровать, комодъ и самоваръ,
Ну-съ... чайныхъ чашекъ пять-шесть паръ
И — денегъ, судырь, сто цѣлковыхъ...›
— Выходитъ дѣло не взыщи!
Съ приданымъ этакимъ, гдѣ знаешь,
Иную дѣвушку ищи. —

«И, золотой, ты обижаешь!
Ты покажи товаръ купцу:
Нельзя: такое заведенье!
Не съ разу торгъ, не вдругъ рѣшенье,
Сказать: здорово и — къ вѣнцу.»
— Ну да! вотъ эта рѣчь умнѣе!
Смотрушки завтра. Попозднѣе
Прошу покорно вечеркомъ
Пожаловать къ намъ съ женихомъ. —
«Всенепремѣнно. Ваши гости.
Повѣришь ли, что я скажу?
Состарѣлись мои всѣ кости,
Лѣтъ тридцать свахою хожу,
И счетъ-то свадьбамъ потеряла.
А и доселѣ, мой родной,
Всѣ, для кого я хлопотала,
Осталися довольны мной.
Кому какой таланъ отъ Бога!
За то, куда вѣдь не придешь —
И ласку, и хлѣбъ-соль найдешь....
Однимъ не хорошо немного:
Иные выжиги за трудъ
По уговору не даютъ.
Ну, имъ и достается горько:
Начнешь по городу звонить,
То тѣмъ, то сѣмъ ихъ обносить —
И свадьба врозь! да мнѣ-то только
Отъ этихъ выжигъ барыша!»
— Охъ, свашенька, моя душа,
Хозяйка, сморщившись, сказала:
Не грѣхъ ли отъ такихъ затѣй? —
«И, нѣтъ, родная! я слыхала
(Старшой мой сынъ-то грамотѣй,
Надъ Библіей и засыпаетъ):

За око — око! вотъ вѣдь что!
Коли тебя обидѣлъ кто,
Не кланяйся: не подобаетъ».

Лукичъ любилъ потолковать.
И у него вплоть до обѣда
Со свахой длилася бесѣда.
«Дочь надо замужъ выдавать
Умно, дескать. Смотри тутъ въ оба!
Тутъ думу думай не шутя:
Не шашка — кровное дитя,
Дашь промахъ разъ — бѣда до гроба!»
Но сваха не была плоха.
— Да, да! — разсказывай, молъ, сказки!
И не жалѣла яркой краски,
Рисуя бойко жениха.

IX.

Покамѣсть гостья толковала, [22])
Невольно Саша ей внимала,
И ѣдкой горечи полна,
Рукою трепетной она
Взялась за дверь; была готова
Ее нежданно отворить,
Явиться предъ отцомъ, и снова
Отказъ отъ брака повторить.
Старикъ вспылитъ. Въ пылу досады
Не будетъ отъ него пощады....
Что жь! такъ и быть! Но Боже! мать
Грозой семейной испугать,
Заставить плакать... развѣ мало
Она слезъ горькихъ пролила?

У Саши силы не достало,
И глупымъ бредомъ назвала
Порывъ свой дѣвушка.

Какъ сладко
Въ саду малиновка поетъ!
И какъ не пѣть! въ глуши живетъ,
Въ кустѣ гнѣздо свила украдкой,
Въ гнѣздѣ малютки... любо ей!
Міръ Божій свѣтелъ. Надъ землею
Раздолье утренней порою
Купаться въ золотѣ лучей.

Весна! весна! души отрада!
Блеститъ на солнцѣ зелень сада,
Въ избыткѣ жизни каждый листъ
Трепещетъ. Въ чащѣ пискъ и свистъ,
Въ травѣ жужжанье. Дятелъ цѣпкій
По ивѣ ползая стучитъ,
Вокругъ его сухія вѣтки
Торчатъ какъ пальцы. Грачъ глядитъ
Лукаво съ вѣковой березы;
Тамъ крикъ галчатъ на днѣ дупла,
Тутъ въ чашечку душистой розы
Вползаетъ желтая пчела
За медомъ.
Вѣтерка дыханье
Едва касается травы,
Надъ головою дня сіянье —
И ширь бездонной синевы.
Но вотъ и Саша. Торопливо
Къ плетню сосѣдскому идетъ,
Сама рукой нетерпѣливой
То сломитъ вѣтвь, то отведетъ.

Порою яркими лучами
Ей солнце брызнетъ на плечо,
Пригрѣетъ щеку горячо,
Межъ тѣмъ неслышными шагами
За нею тѣнь ея спѣшитъ.
Плетень все ближе. Онъ увитъ
Весь хмѣлемъ. Дѣвушка подходитъ,
Кудрявый хмѣль рукой отводитъ
И на сосѣдскій дворъ глядитъ.
Онъ пустъ. Зеленая крапива
На зноѣ нѣжится лѣниво,
Да у крыльца кусокъ стекла
Сверкаетъ. Даромъ ты пришла,
Бѣдняжка! не видать сосѣда!
И ждать нельзя: пора обѣда, —
Старушка дочь свою зоветъ:
Скорѣй! скорѣй! отецъ, молъ, ждетъ!
Лукичъ былъ веселъ и за щами
Шутилъ надъ Сашей и женой:
«Вотъ, дескать, скоро миръ честной...
Готовьтесь! погуляемъ съ вами!»
Дочь шутокъ вынесть не могла
И за водой съ двора ушла.

Полдневный воздухъ жаромъ пышитъ,
Съ открытой грудью спитъ, не дышитъ
Въ постели свѣтлая рѣка.
На желтой полосѣ песка
Бѣлѣетъ камень. Одиноко
За бѣлымъ камнемъ грачъ сидитъ,
Крыло повисло, клювъ раскрытъ.
Покрытый влажной осокою,
Къ крутому берегу приросъ
Недвижной лодки черный носъ.

Вдали барахтаются смѣло
Мальчишки. Весело волнѣ
Ласкать ихъ молодое тѣло....
И видны головы однѣ
Да руки крикуновъ. Толпою
Идутъ коровы къ водопою;
Усталый, щелкая кнутомъ,
Пастухъ тащится босикомъ
Въ рубашкѣ.

Саша отдохнула
У камня. Тихо и жара...
Воды прозрачной два ведра
Съ краями вровень зачерпнула —
И оглянулась. «Гдѣ жь онъ былъ?»
Столяръ на встрѣчу ей спѣшилъ.
Сосѣдъ-столяръ высокъ и строенъ,
Не очень смуглъ, не слишкомъ бѣлъ,
Веселый взглядъ его спокоенъ
И простодушно твердъ и смѣлъ;
Въ обтяжку казакинъ изъ нанки,
Рубашка красная чиста;
Не въ тяготу ему рубанки
И не въ кручину бѣднота.

«Вотъ, Саша, встрѣча-то! здорово!
Эхъ мѣсто дрянь! народъ вонъ есть....
Поцѣловалъ бы... право слово!
Ну, жаль! глаза бъ ему отвѣсть,
Да не умѣю».

— Горя много,
Не до того... —

«О чемъ грустить?
Что горе? въ горѣ Богъ помога;
Вѣкъ горевать, такъ что и жить!»
— Куда ходилъ!? —

«Да тутъ скончался
Старикъ знакомый. Тамъ сиротъ!...
Нѣтъ гроба... голосьба идетъ....
Я приготовить обѣщался,
Теперь снялъ мѣрку. Жаль до слезъ!
Спасибо, есть готовый тесъ.
Ну, что отецъ?

— Терпѣть устала!
Не въ мочь! — и Саша разсказала
О свахѣ.

«Этакой старикъ!»
И головой столяръ поникъ,
Подумалъ и встряхнулъ кудрями.
«Все вздоръ! не надо унывать!
Повѣрь, все кончится словами...»
— Да хорошо! легко сказать!
Защита гдѣ? Отецъ — то воленъ...
Смотрушки завтра. Онъ сказалъ,
Чтобъ ты двора его не зналъ.
«Вотъ человѣкъ! упрямствомъ болѣнъ!
Вѣдь за тобою у него
Не требую я ничего....
Я бѣденъ! этого боится?
Такъ мой топоръ не залежится;
Отнимется одна рука,
Вотъ есть другая: безъ куска
Сидѣть не станемъ...»

— Это знаетъ
Онъ самъ. —

‹Такъ что жь и горевать!‹
— Нѣтъ, Вася, сердце предвѣщаетъ,
Что намъ въ разлукѣ свѣковать! —
‹Въ разлукѣ! Господи помилуй!
Да развѣ твой отецъ палачъ? —
Хоть за живо ложись въ могилу —
Онъ не дрогнетъ? Ну, рвись и плачь,
Проси, покуда станетъ, силы,
Рѣчей и слезъ!›

— Все такъ, мой милый!
Все это было, и не разъ....
Ты знаешь, онъ каковъ у насъ?
Жаль мать, не то хоть утопиться:
Попрекъ, ругательство да споръ. —
‹Ну, чтожь! теперь и согласиться
Подставить шею подъ топоръ?.. [23])
Послушай: старику извѣстно,
Что я не плутъ и въ словѣ твердъ.
Ему навѣрно вотъ что лестно —
Женихъ богатъ. Лукичъ вѣдь гордъ!
Ну и разсчетъ: онъ, молъ, надёжа
Въ нуждѣ, то-есть... такъ помогу,
Мой другъ, и я. Ей-ей не лгу!
Хлѣбъ надобенъ? Возьми! Одёжа —
Дамъ и одёжу! пусть лежитъ
Хоть на печи, все будетъ сытъ!
Скажи ему›.

— Онъ посмѣется,
А смѣхъ во зло меня введетъ...

Ты не повѣришь, — сердце рвется,
Когда онъ подъ хмѣлькомъ придетъ,
Да зашумитъ! Сама вѣдь знаю,
Что грубость — грѣхъ, не утерплю,
Забудусь. Послѣ проклинаю
Себя же... Я его люблю,
Да что... не достаетъ терпѣнья! —
‹Эхъ, руку бъ далъ на отсѣченье,
Да не поможешь!.. мой совѣтъ —
Поудержись: грубить не слѣдъ.
Что дѣлать? болѣе терпѣла,
Дождемся счастья...›

Но грустна
Стояла Саша. Думъ полна,
На воду тихую глядѣла
Глазами мутными она.
Лазурь небесъ тамъ отражалась;
Рѣка свободна и свѣтла,
Ее привѣтливо, казалось,
Въ свои объятія звала.

X.

Мерцаютъ звѣзды. Городъ сонный,
Какъ будто вымеръ, — такъ онъ тихъ!
Сквозь сумракъ камни мостовыхъ
Бѣлѣютъ смутно. Мѣсяцъ
Свободу далъ своимъ лучамъ:
По крышамъ лазятъ, по стѣнамъ;
Одинъ въ окно слезу подмѣтитъ,
Другой, какъ хитрый чародѣй,
Въ тюрьму проникнетъ безъ ключей

И цѣпь колодника освѣтитъ;
Неслышно церковь навѣститъ
Окладъ иконъ посеребритъ;
Не зная страха и запрета,
Войдетъ въ алтарь, осмотритъ полъ,
Скорбящій ликъ Владыки свѣта —
И дерзко ляжетъ на престолъ.
Иль въ чащу сада проберется,
По темной зелени блеснетъ,
Росинку на листѣ найдетъ,
Росинка искрою зажжется.
Порой, по улицѣ пустой
Безсонный сторожъ молча ходитъ,
И въ доску бьетъ, и эхо вторитъ;
Тѣнь позади на мостовой
Махаетъ, какъ и онъ, рукой,
И снова тихо... Звѣздъ сіянье
Такъ чудно! Вдругъ въ лицо пахнетъ....
Что это? Вѣтерка дыханье,
Иль духа горняго полетъ?

Спитъ Божій людъ. Столяръ доселѣ
Не успокоился въ постелѣ.
Лежитъ онъ подлѣ верстака,
Отдѣлкой гроба утомленный,
Подушка — локоть обнаженный,
Подъ локтемъ — жосткая доска.
Печально смотритъ мастерская:
Смолистый запахъ изливая,
Бѣлѣютъ стружки на полу,
Сосновый гробъ стоитъ въ углу,
Топоръ въ березовый отрубокъ
Воткнулся носомъ. На стѣнѣ
Чернѣетъ старый полушубокъ,

Пила, при трепетномъ огнѣ,
Блеститъ и меркнетъ. На скамейкѣ,
Въ платкѣ и желтой душегрѣйкѣ,
Семьи сварливая глава,
Сидитъ дородная вдова,
И молча карты раскладаетъ,
Про сынинъ бракъ она гадаетъ.
Но сбивчивъ глупый ихъ отвѣтъ:
То выйдетъ — *да*, то выйдетъ — *нѣтъ*.
Вотъ напримѣръ: *печаль, дорога,*
Постель больная, интересъ....
Да тутъ и навыкъ не помога,
Богъ знаетъ, — просто темный лѣсъ!
Межъ тѣмъ, съ гремушкою въ ручонкѣ,
До вечера проспавшій днемъ,
Въ штанишкахъ, въ синей рубашонкѣ,
По стружкамъ скачетъ босикомъ
Ея сынишка краснощекой,
И православныхъ избъ жилецъ,
Извѣстный на Руси пѣвецъ,
Сверчокъ стрекочетъ одиноко
Подъ печью.

«Вотъ, сказала мать:
Вотъ пиковый король... постылый:
Онъ твой злодѣй, мой Вася милый, —
Посмотришь, свадьбѣ не бывать,
Ни, ни! Я прежде это знала:
Намедни, помнится, во снѣ
Все бисеръ да жемчугъ низала —
И доведется плакать мнѣ».

Сынъ улыбнулся беззаботно.
Не слишкомъ довѣряя снамъ,

Одной надеждѣ безотчетно
Онъ предавался: «Пусть упрямъ
Старикъ-сосѣдъ, все знаетъ Бога...
Ну, будетъ, вѣдомо, тревога:
Лукичъ браниться молодецъ,
Да все же дѣтищу отецъ,
Не камень... сжалится... но диво,
Что ноетъ сердце такъ тоскливо...»
И тяжело столяръ вздыхалъ,
Въ раздумьи кудри расправлялъ.

«Мнѣ то досадно, мать сказала:
Что Лукичу я уважала!
Давно ль жена его у насъ
Брала утюгъ... дескать, на часъ,
Два дня держала — я ни слова,
Я подѣлиться, молъ, готова
Съ сосѣдомъ! Сальную свѣчу
Взаемъ на Красной горкѣ взяли
И до сихъ поръ не отдавали...
Ништо! покуда помолчу...
А если онъ насъ одурачитъ,
Я за себя не поручусь,
Ни, ни! Я такъ съ нимъ расплачусь.
Что любо!»

— Это ссора, значитъ....
Отвѣтилъ сынъ: бѣды-то нѣтъ,
Безъ шума дѣло обойдется. —
«Какъ свистнешь, такъ и отзовется.
Мнѣ этакъ дорогъ твой сосѣдъ,
Что вонъ не мытая тряпица...
Ну, Саша, точно, не въ него:

Скромна, работать мастерица....»
— И недурна? —

«Да, ничего.»
— А ну-ко, Ваня, плясовую!
«Какую, братецъ? А? какую?»
Мальчишка весело спросилъ
И ножками засеменилъ.
Столяръ запѣлъ:

Какъ у насъ во садочку,
Какъ у насъ во зеленомъ,
Люшиньки-люли!...

Вдова смѣялась
На пляску. Пѣсня продолжалась
Не долго. Сердце столяра
Опять заныло. — Спать пора,
Оставь-ко, Ваня! —

«Право слово,
Я ничего! я не усталъ!»
Но братъ не слушалъ и молчалъ.
И принялась за карты снова
Вдова. Кудрявый Ваня сѣлъ
На лавку и въ окно глядѣлъ.
— Эхъ, какъ звѣзда-то покатилась!
Смотрите! — вдругъ онъ закричалъ.
Столяръ съ улыбкою сказалъ:
«Лови!» Вдова перекрестилась.
— Знать умеръ кто... кто ни умретъ,
Такъ, говорятъ, звѣзда спадетъ...
Э, Вася! я и не спросила!
За гробъ-то дорого ль ты взялъ?
«Да какъ сказать? Не въ этомъ сила.

Вѣдь я покойника-то зналъ.
Чудакъ! Онъ жилъ въ своемъ домишкѣ,
Такъ — въ старой мазанкѣ! Ходилъ
Зимой и лѣтомъ въ халатишкѣ,
Щегловъ, чижей, синицъ ловилъ.
Бывало, раннею зарею,
Въ лѣсъ проберется съ западнею,
Да съ сѣтью — холодъ ни по чемъ.
Разставитъ сѣть, а съ птицей клѣтку
На сукъ повѣситъ, иль на вѣтку,
И на сторожѣ за кустомъ
Дрожитъ въ снѣгу... Одну заботу,
Покуда кончился, имѣлъ:
Не во время, молъ, заболѣлъ,
Теперь — вотъ въ лѣсъ бы на охоту....
Сталъ умирать, какъ закричитъ:
« — Жена! пусти на волю дѣтокъ!»
« — Какихъ тамъ дѣтокъ? говоритъ.
« — Моихъ-то вонъ, моихъ! изъ клѣтокъ!»
— Какихъ на свѣтѣ нѣтъ людей!
И твой отецъ чудилъ не мало,
(Ты въ люлькѣ былъ тогда) бывало,
Чуть свѣтъ — гоняетъ голубей.
Бѣдняжки съ крыши встрепенутся,
Куда! подъ облака взовьются!
Ему-то радость! вверхъ глядитъ,
А самъ свиститъ! а самъ свиститъ! —

Столяръ задумался печально.
Давно ли въ этой мастерской
Лежалъ отецъ его больной?
Онъ вспомнилъ взглядъ его прощальный,
Взглядъ грустный, впалые глаза,
Полусѣдые волоса

И эту рѣчь: нужда-нуждою —
Ты, Вася, честь свою храни,
Честь пуще золота цѣни,
Ее нельзя добыть казною!
А коли честно ты живешь —
Все хорошо! и свѣтъ хорошъ,
И будетъ ласковъ людъ съ тобою,
Обидитъ, — Богъ съ нимъ! не суди!
Ты знай своимъ путемъ иди!
— Охота не укоръ. Намъ стыдно
И грѣхъ покойника корить!
Такимъ и я желалъ бы быть....
Ну, Ваня, наплясался, видно,
Глаза слипаются.... вставай
Да Богородицу читай
На сонъ грядущій. —

И ребенокъ
Молитву началъ. Чистъ и звонокъ
Былъ дѣтскій голосъ. Братъ стоялъ,
Его ошибки поправлялъ.
Локтями упершись въ колѣни
Вдова внимала въ тишинѣ;
Огонь мигалъ — и братьевъ тѣни
Передвигались на стѣнѣ.

XI.

Въ рубашкѣ съ трубкой закуренной,
И разгорѣвшимся лицомъ,
Упрямствомъ дочери взбѣшонный,
Лукичъ сидѣлъ передъ окномъ,

И высоко приподнималась
Отъ гнѣва грудь его. Жена
Вздохнуть и кашлянуть боялась,
Прижавшись въ уголъ, и блѣдна
Стояла Саша.

«Ну, мученье!
Отецъ раздумывалъ: дивлюсь!
— Я жениху не покажусь! —
Вотъ дочька! вотъ повиновенье!
За косы взяться? — визгъ пойдетъ....
И жаль! рука не налегнетъ....
Поговорю заблаго съ нею,
Все лучше: можетъ быть успѣю.»
«Эхъ-ма! таланъ ты мой худой!
Промолвилъ онъ, махнувъ рукой:
И самъ отрады я не видѣлъ
И дочери, знать, въ горѣ жить....
Ну, Саша! послѣ не тужить!
Не говорить: старикъ обидѣлъ!
Ты умница, ну — такъ и такъ!
Выходитъ дѣло — я дуракъ....
Не стану спорить, Богъ съ тобою!
А вспомнишь всѣ мои слова,
Когда пойдешь ходить съ сумою,
Разумная ты голова!»
— Мнѣ бѣдность, батюшка, знакома!
Къ работѣ я привыкла дома,
А къ горю.... мужнина казна
Не дастъ мнѣ счастья. —

«Не нужна!
Столяръ дороже.... ну, вѣстимо,
Ты безъ кручины и заботъ

Съ нимъ проживешь; заботы — мимо,
Къ вамъ счастье съ неба упадетъ....
Эхъ, дура!»

— Сжальтесь надо мною!
За что я молодость свою
Съ немилымъ сердце загублю?
За что несчастной сиротою
Покину я порогъ родной?
Какъ мнѣ просить васъ? Боже мой!
«Я говорю — добра желаю,
Оставь упрямство! слышишь ты?
Мнѣ что! тебя же избавляю
Отъ голода, отъ нищеты!
У столяра одна избенка,
Казны — ни гроша, мать — бабенька
Сварливая, всегда ворчитъ,
Ей и святой не угодитъ!
А Таракановъ — смѣтливъ, ловокъ,
Богатъ, торговый человѣкъ....
Онъ надаритъ тебѣ обновокъ
До свадьбы-то на цѣлый вѣкъ!»
— Нѣтъ, дорогими лоскутами
Меня ужь поздно утѣшать!
Я не дитя! не вы ли сами
Любили это повторять? —
«Лукичъ! жена ему сказала;
Столяръ ей по сердцу.»

— Ну да!
А знаешь, какова нужда?
Ты на себѣ не испытала?
Въ утѣху ли любовь, совѣтъ,
Когда къ обѣду хлѣба нѣтъ?

«И-ихъ, старикъ! онъ силенъ, молодъ,
Не глупъ....»

— А если заболитъ,
Да годъ въ постели пролежитъ,
И дочь твоя узнаетъ голодъ,
Ты, значитъ, какъ? поможешь ей?
Смотри, тогда не пожалѣй! —
«Охъ, бѣдность! я ль ее не знаю!
Какъ хочешь, Сашенька, гляди....
Я принуждать не принуждаю,
А про нужду по мнѣ суди:
И мать твоя была здорова,
И весела, и молода,
Теперь.... теперь упасть готова
Отъ вѣтра.... Охъ, тяжка нужда!»
— Чтожь! рада ль я себѣ? моя ли
Вина? Не вы ли столяра
Въ свой домъ, какъ сына, принимали?
Не тутъ ли, батюшка, подъ-часъ
Съ родными шла у васъ бесѣда,
Что хорошо бы за сосѣда
Отдать вамъ дочь? А я отъ васъ
Таилась развѣ? Вы вѣдь знали,
Что мы другъ къ другу привыкали!
Вы это видѣли! —

«Молчать!
Ну!...»

— Воля ваша принуждать,
А я не выйду за другаго. —
«Не слушаться? Отца родкаго?
Нѣтъ, подожди, къ примѣру, врешь!

Какъ! я не властенъ надъ тобою?
Не властенъ? Стало ты не мною
Воспитана и рождена?
Ты мнѣ за это не должна
Повиноваться?»

— И не жалко,
Не грѣхъ вамъ дочь свою губитъ! —
«Ты... ты не смѣй меня учить!
Всѣ ребра изломаю палкой!»
— Что жь! бейте! мнѣ одинъ конецъ!
Кто васъ осудитъ? Вы — отецъ!
Вы властны! стало быть, я стою!...
О, Господи! да скоро ль я
На вѣкъ глаза свои закрою?
И покатились въ три ручья
У Саши слезы.

«Вонъ отсюда!
Ступай! вѣнчайся съ столяромъ!
Ты мнѣ не дочь! и живъ покуда,
Я не пущу тебя въ свой домъ!»
— Лукичъ, старушка зарыдала:
Опомнись! кровь твоя!... —

«Молчать!
Умѣла твари потакать,
Теперь казнись! чего жь ты стала?
Вонъ, говорятъ тебѣ!»

— Постой!...
Куда жь итти мнѣ? Боже мой! —
«Хоть къ чорту!»

— Батюшка! —

«Ни слова!
Скажи одно въ послѣдній разъ:
Готова слушаться?»

— Сейчасъ,
Сейчасъ скажу...—

«Ну чтожъ, готова?
Ты масломъ не зальешь огня,
Не хныкай! вотъ что!»

— Погодите...
Въ глазахъ мутится у меня... —
«Я жду!»

— О чемъ вы говорите? —
«Забудешь ли сосѣда?

— Нѣтъ!
Нѣтъ, не могу! —

«Одинъ отвѣтъ.
Такъ будь ты проклята отнынѣ!
— Какъ! Сашу, Сашу проклинать?...
И вздрогнула старушка-мать,
Какъ листъ на трепетной осинѣ.
— Она моя! я буду ночь
Такъ — на колѣняхъ... Саша! дочь!
Дитя мое!... скажи согласна....
Не отнимай руки, не дамъ....
Я поцѣлую.... я несчастна!...
И ты! и ты!... о горе намъ!... —

«Согласна.» Саша отвѣчала,
И на полъ замертво упала.
— Охъ, ты мучитель нашъ!... —

«Ну-ну!
Лукичъ прикрикнулъ на жену:
Воды скорѣе!... не хотѣла
Учить красавицу путемъ,
Вотъ довела ее до дѣла —
До грубости передъ отцомъ!»

XII.

Едва блеснувшій лучъ разсвѣта
Засталъ Арину въ хлопотахъ!
Она была уже одѣта
И грѣла воду въ чугунахъ.
Старушка ставней не открыла
И въ горенкѣ, какъ тѣнь, бродила,
Тревожить шумомъ не хотя
Всю ночь не спавшее дитя.
Вотъ утро. Саша не гуляетъ,
Къ смотрушкамъ въ домѣ прибираетъ;
Все принимаетъ новый видъ,
Сіяетъ, лоснится, блеститъ....
Окно на солнышкѣ сверкаетъ,
Икона радостно глядитъ.
А за окномъ, на вѣткахъ ивы,
И крикъ, и споръ нетерпѣливый
У любопытныхъ воробьевъ:
Смотрите, молъ.... мытье половъ,
Возня, тревога.... дѣло худо!

И котъ вонъ тутъ! скорѣй отсюда!
И птицы дружно поднялись
И въ даль въ испугѣ понеслись.
Не весела одна невѣста,
Не споръ и трудъ въ ея рукахъ,
Пойдетъ съ ведромъ — и вдругъ ни съ мѣста...
Стоитъ, глядитъ — туманъ въ глазахъ.

Лукичъ былъ тоже озабоченъ:
Всталъ рано, чуть не на зарѣ,
Замѣтилъ, что заборъ не прочень,
Двѣ щепки поднялъ на дворѣ
И отдалъ въ кухню на топливо.
Хозяйствомъ грѣхъ пренебрегать.
Онъ зналъ, что надо терпѣливо
И неусыпно собирать
Добро домашнее. Бывало,
Когда домой идетъ не пьянъ,
Что подъ ноги ему попало —
Подкова, гвоздикъ — все въ карманъ.
Прошелся по саду отъ скуки,
Червей на яблони съискалъ
И, снявъ ихъ, про себя сказалъ:
«Ахъ вы, анаѳемскія штуки!
Не давитесь чужимъ добромъ!»
И наконецъ покинулъ домъ.
На перекресткѣ помолился
На церковь; нищей поклонился;
Откуда, чья она — спросилъ,
И грошъ ей въ чашку положилъ, —
Не по любви и состраданью
Къ подобному себѣ созданью,
Онъ просто вѣрилъ, что Господь
За подаяніе святое

Ему сторицею пошлетъ....
Желанье, кажется, благое
И основательный разсчетъ.
Купилъ на площади торговой
Осенней шерсти два мѣшка
У горемыки мужика,—
О всходахъ проса, гречи новой
Потолковалъ съ нимъ напередъ,
И крѣпко побранилъ господъ:
«Народъ, молъ, да! работай втрое,
Изъ жилъ тянись — имъ все не въ честь!»
Мужикъ былъ тронутъ за живое,
Заговорилъ, забылъ про шерсть:
— Вотъ-то, дескать!... и то, и въ праздникъ.—
«Такъ! трудъ чужой кладутъ въ бумажникъ!..»
Лукичъ нахмурясь отвѣчалъ,
И вѣся шерсть, на рубль укралъ.

Домъ Лукича горитъ огнями,
Кругомъ ночь черная лежитъ,
Отъ красныхъ оконъ полосами
Свѣтъ въ сонной улицѣ виситъ.
Гостями горенка набита.
Женихъ высокъ, румянъ, курчавъ,
Веселый взглядъ его лукавъ;
Невѣста бѣдная убита,
Разноситъ чай, а гости пьютъ
Да рѣчи умныя ведутъ.
Съ досадой женщины толкуютъ,
Что оплошалъ гостинный рядъ,
Товары завалью глядятъ,

Купцы безсовѣстно плутуютъ,
На шаляхъ мало пестроты,
На ситцахъ блѣдные цвѣты;
Старушки съ грустью вспоминаютъ
О сарафанахъ съ галуномъ,
О серьгахъ съ крупнымъ жемчугомъ,
И прихоть моды обвиняютъ.
Хозяинъ судитъ съ женихомъ
О разныхъ выгодахъ торговли,
О недостаткѣ рыбной ловли
Въ ихъ городѣ, и сознаетъ,
Что рѣчь разумно онъ ведетъ.
Какъ мраморъ блѣдная, невѣста
Уже не разъ вставала съ мѣста
Гостей сластями обносить
И свой нарядъ перемѣнить.
Женихъ и мать его съ роднею
Перемигнулись межъ собою:
«Пора, молъ!» и пошли на дворъ
Надъ Сашей кончить приговоръ.
«Каковъ женихъ? не молодчина?
Шепталъ Лукичъ: не плачь, Арина!
Ты, Саша, удались пока;
Начнется торгъ, такъ не рука
Тутъ быть невѣстѣ...» Сваха входитъ.
Поклонъ—другой, и рѣчь заводитъ:
«Ну, батюшка, товаръ хорошъ.
Купца похвалишь-ли, не знаемъ.»
—Ты честь товару отдаешь
И мы купца не охуждаемъ;
Разсчетъ въъ приданомъ.—

«И, родной!
Не просимъ лишняго.»

—Постой!
Твой разговоръ, къ примѣру, красенъ...
Ты слушай вотъ что: жемчугу
И денегъ дать я не могу,
А насчетъ платья — я согласенъ.—
‹Нѣтъ, нѣтъ! копѣечки одной
Мы не уступимъ, золотой!›
—А я и нитки не прибавлю!—
И завязался жаркій споръ.

‹Пустѣйшій, значитъ, разговоръ!
Сказалъ женихъ: я все поправлю.
Дочь ваша, смѣю доложить,
Не то что... да-съ! Ей-ей, безъ лести!
Извольте насъ благословить,
Коли я нравлюсь ихней чести,
Намъ деньги — пыль-съ!›

—Выходитъ рокъ!
Жена! утирку и платокъ!—

Старушка, плача, суетилась.
Невѣста снова появилась,
Подносъ у матери взяла
И жениху съ боязнью тайной,
На немъ подарокъ обручальной,
Глотая слезы, подала.
Женихъ утерся имъ легонько,
Невѣстѣ, молча, возвратилъ.
Утерлась и она.

‹Ну, только!
Теперь Господь васъ съѣдинилъ›;
Съ поклономъ сваха имъ сказала.

И поцѣлуемъ приказала
Обрядъ закончить, рядомъ сѣсть
И полюбовно рѣчи весть.

И гости весело шумѣли.
Подруги Саши пѣсни пѣли;
Простой напѣвъ ихъ грустенъ былъ,
Тоску и думу наводилъ.
Вино лилось. Съ улыбкой сладкой
Женихъ невѣсту цѣловалъ,
Арина плакала украдкой,
Лукичъ безъ устали плясалъ.
Межъ тѣмъ невзгода бушевала:
Вылъ вѣтеръ, молніи струя,
Сквозь ливень крупнаго дождя,
По темнымъ стекламъ пробѣгала,
За нею въ слѣдъ катился громъ,
И вздрагивалъ непрочный домъ.

Невѣста блѣдная сидѣла,
Всему чужда, едва жива;
Какъ въ полымѣ у ней горѣла
Потупленная голова.
Не въ радость былъ ей пиръ веселый,
Звонъ рюмокъ и напѣвъ подругъ,
Нѣтъ! Сашу мучилъ бредъ тяжелый.
Надъ садомъ звѣзды. Тишь вокругъ...
Припавъ щекой къ плечу сосѣда,
Она подъ ивой съ нимъ стоитъ,
Чуть внятный шопотъ — ихъ бесѣда,
Да громко сердцу говоритъ...
Какъ темны листья сонной ивы!
Какъ ясенъ мѣсяцъ молчаливый!
Вотъ полдень. Жарко. Вѣтеръ спитъ.

Песокъ горячъ. Рѣка блеститъ.
Сосѣдъ на берегу; онъ блѣденъ.
‹Что-жь, говоритъ; я, Саша, бѣденъ!
Все вздоръ! отецъ твой не палачъ!
Проси, мой другъ! и рвись, и плачь!

‹Гуляй, бѣднякъ! богатымъ будешь!»
Хозяинъ пьяный закричалъ,
И Сашѣ на-ухо сказалъ:
‹Сосѣда что-ли не забудешь?
Взгрустнулось!... Жениха займи!
Не то я... прахъ тебя возьми!
Гм! понимаешь?› Дочь вздрогнула,
Въ испугѣ на отца взглянула,
Въ отвѣтъ полслова не нашла,
Но тутъ подруга подошла,
Вся въ бѣломъ, бойкая, живая,
И Сашѣ руку пожимая,
Шепнула: ‹не круши себя!
Я знаю!... выручу тебя!...›
Прищурила глаза лукаво
И сѣла рядомъ съ женихомъ.
‹Какъ жарко!›

— Да-съ! —

‹Досадно, право!...
Вы танцы любите?›

— Съ трудомъ.
Такъ-съ малость самую танцую.—
‹Зачѣмъ-же?›

— Какъ бы вамъ сказать?...
Ногами вензеля писать

Мнѣ некогда-съ! вѣдь я торгую. —
«Вы курите?»

— Ни, Боже мой!
И не къ чему-съ: расходъ пустой! —
«Зимой катаетесь?»

— Бываетъ,
На сырной. Это ничего-съ!
Вотъ жалко вздорожалъ овесъ!
Конь, знаете, не понимаетъ,
Что жерновъ мелитъ Божій даръ. —
«Скажите!

— Да-съ! Вотъ самоваръ
Въ семействѣ нуженъ. Не скрываю,
Съ ребячества привыкъ я къ чаю,
Сначала просто пью, потомъ
Употребляю съ молокомъ;
Не покупать-съ: своя корова. —
«Конечно. Съ молокомъ здорово....
У васъ цѣпочка не дурна.»
— Четыре серебромъ дана.
По случаю-съ.—

«А! вы счастливы!
— Цыганки тоже говорятъ,
Таланъ все, знаете, сулятъ....
Все чепуха-съ! на грушѣ сливы. —
«Какъ? вы гадали?»

— Да-съ, гадалъ.
Я сумасшедшаго знавалъ;
Ахъ! тотъ угадывалъ отлично!

Бывало, дичь несетъ, несетъ,
Подъ часъ и слушать не прилично!
Да вдругъ такой намекъ ввернетъ,
Что просто.... да-съ! ей!-ей чудесно!
Даръ, значитъ: все ему извѣсто! —
«Нѣтъ, не люблю я ворожить!
Иное дѣло — говорить,
Вотъ это такъ. Сама не знаю,
Чуть на минуту умолкаю,
Мнѣ скучно.... даже зло беретъ....
Поговоришь — и все пройдетъ.
Я надоѣмъ и вамъ ужасно:
Все говорю и говорю,
Болтушка, — скажете....»

— Напрасно!
Чувствительно благодарю! —

Усердной пляской утомленный,
Забившись въ уголъ отдаленный,
Лукичъ покрикивалъ сквозь сонъ:
«Молчать!... покой мнѣ дайте... вонъ!»
— Прощайте, батенька, прощайте! —
Женихъ съ улыбкой отвѣчалъ
И руку Лукича пожалъ.
«Ты что за птица?»

— Угадайте! —
«Пожалуй. Помоги мнѣ встать.
Ты кто?»

— Вашъ нареченный зять. —
«Подай свѣчу.... вотъ такъ.... не знаю!...
Столяръ что ль? Нѣтъ, онъ не таковъ....»

— Я, бетенька, Тарасъ Петровъ. —
‹А! вспомнилъ, вспомнилъ! понимаю!
Ну, поцѣлуй меня.... Вотъ такъ!
А я, ей-Богу, не дуракъ!
И Саша вотъ.... дитя родное....
Мнѣ, значитъ, жаль.... продумалъ ночь....
И столяры.... и все такое....
А ты, вѣдь, можешь мнѣ помочь?
На совѣсть, честно поторгую!
И ты, выходитъ, чуть сплутую....›

Женихъ давно за дверью былъ,
Но все свое Лукичъ твердилъ.

XIII.

Востокъ краснѣетъ. Кровли зданій, [24])
Дождемъ омытыя, блестятъ.
По небу синему лятятъ
Огнемъ охваченныя ткани
Прозрачно блѣдныхъ облаковъ.
И тихій звонъ колоколовъ
Ихъ провожаетъ. Паръ волнами
Плыветъ надъ сонными домами.
Онъ влаженъ. Свѣжій воздухъ чистъ.
Дышать легко. Румяный листъ
Трепещетъ, каплями покрытый.
По улицѣ ручей сердитый
Журчитъ, доселѣ не затихъ.
Межъ бѣлыхъ камней мостовыхъ
Вода во впадинахъ алѣетъ.
Порою вѣтерокъ повѣетъ —

И грудь невольно распахнешь.
Цвѣтовъ и травъ дыханье пьешь.
Проснися, Божій людъ! не рано!
Вотъ кормитъ ласточка дѣтей.
Несутся стаи голубей
Въ поля. Лучъ солнца изъ тумана
Уже сквозитъ — и Божій людъ
Проснулся весело на трудъ.

Столяръ сидитъ съ нѣмой тоскою,
Поникъ кудрявой головою
И не поетъ его пила:
Кручина руки отняла.
Халатомъ старенькимъ покрытый,
Его братишка, какъ убитый,
Раскинувъ руки, сладко спитъ,
И неразлучная игрушка,
Его любимая гремушка
Безъ дѣла подъ бокомъ лежитъ.
Дверь настежь — и вдова вбѣжала,
Съ усильемъ духъ перевела,
Руками бойко развела
И вскрикнула: «Не угадала?
Нѣтъ, карты, батюшка, не лгутъ!
Вотъ твой Лукичъ-то! вотъ онъ, плутъ.
О-охъ, родимые! устала!
Дай, сяду.... охъ.... терпѣнья нѣтъ!...
Отдѣлали! хорошъ сосѣдъ!»
— Нельзя ли, матушка безъ шуму?
Не весело и безъ того! —
«Ну славно! славно! ничего!
Сиди вотъ сиднемъ! думай думу!
А Сашка-то исподтяшка
Вонъ подцѣпила женишка....

Сейчасъ съ нимъ у воротъ прощалась,
Ужь цѣловалась, цѣловалась!
Ну-ну! безстыжіе глаза!
Да что вѣдь — на меня взглянула —
И головою не кивнула....
А!... каково? не чудеса?»
— Да ладно! мнѣ-то что за дѣло! —
«Благодарю! благодарю!
Ну, извини, что надоѣла
И не у мѣста говорю....
Нѣтъ дѣла! думаешь не штука?
Съ тобою матери-то мука:
Дѣвчонкой, дурой проведенъ!
Понравилась! околдовала!
Вишь роза! гдѣ и разцвѣла?»
И мать съ досады вышла вонъ.

Ей нужды было очень мало,
Что сынъ невѣсту потерялъ,
Да самолюбіе страдало:
Сотѣдъ, бѣднякъ — и отказалъ.
Обидно, главная причина!
И оскорбленная вдова
Сердилась на себя, на сына,
На цѣлый свѣтъ.... она едва
Кота полѣномъ не убила,
За то, что въ кухнѣ захватила
Его надъ чашкою съ водой:
Ты, молъ, нс пей, такой-сякой!

Услышавъ вечеромъ случайно
У Лукича напѣвъ печальный,
Столяръ промучился всю ночь.
Кого винить: отца, иль дочь,

Рѣшить хотѣлъ онъ и терялся, —
Ходилъ въ потьмахъ по мастерской,
Въ постелю жесткую кидался
И слушалъ бури свистъ и вой.
И блескомъ молніи порой
Его лобъ блѣдный освѣщался,
Постелю снова покидалъ,
Свѣчу безъ нужды зажигалъ.
Теперь сомнѣнья не осталось:
Онъ Сашу видѣлъ изъ окна:
Толпой гостей окружена,
Средь смѣха пьянаго, казалось,
Она подъ ножъ подведена.
«Ахъ, Саша, Саша! и тоскливо
Глядѣлъ онъ на широкій дворъ,
Поросшій жгучею крапивой,
На кровли, на чужой заборъ....
И смутно передъ нимъ мелькали
Его прожитые лѣта —
Перенесенныя печали,
Безропотная нищета,
О домѣ, о семьѣ забота,
Работа днемъ и по ночамъ,
Трудъ изъ-за хлѣба, трудъ до пота,
Едва не съ кровью пополамъ,
Вся горечь жизни обыденной,
Все, что язвитъ и мучитъ насъ,
Что отравляетъ жизнь подъ-часъ,
Весь воздухъ, пищу, сонъ покойный,
Все, что давно ужь пронеслось —
Закопошилось, поднялось,
Дыханье въ горлѣ захватило,
И свѣтъ туманомъ позакрыло....
«Эхъ! пропадай ты. голова!...»

— Куда ты? крикнула вдова,
Глазами сына провожая
Съ крыльца, но сынъ не отвѣчалъ,
Калиткой хлопнулъ — и пропалъ.

Пора обѣда наступила,
И все нейдетъ столяръ домой.
Кручина молодца сломила,
Ввела въ кабакъ, виномъ поила,
Поила отъ роду въ-первой.
И пѣлъ онъ пѣсни — и смѣялась
Толпа гулякъ средь кабака —
Пѣлъ громко, а змѣя-тоска
Кольцомъ холоднымъ обвивалась
Вкругъ сердца.

«Охъ, не утерплю!»
Сказалъ дѣтина худощавый,
И, скинувъ съ плечь халатъ дырявый,
Пошелъ плясать. «Вотъ такъ! люблю!»
Зѣваки пьяные шумѣли.
Дѣтина соловьемъ свисталъ,
Привскакивалъ и присѣдалъ,
На полкахъ шкалики звенѣли.
«Нѣтъ, пой, кто хочетъ! я усталъ!»
Столяръ съ отчаяньемъ сказалъ,
Ладонью въ лобъ себя ударилъ
И грустный на скамейку сѣлъ
И думалъ думу.... вдругъ расправилъ
Густые кудри и запѣлъ....
Пѣлъ про туманъ на синемъ морѣ,
Да про худой таланъ и горе....
И пѣснь лилась, пѣвецъ блѣднѣлъ.
Казалось, все: тоску разлуки.

И плачъ любви, и грусти стонъ
Изъ сердца съ кровью вырвалъ онъ
И воплотилъ въ живые звуки....
И каждый звукъ былъ полонъ слезъ;
То съ поражающею силой
Онъ несся въ высь, все росъ и росъ.
Какъ будто съ свѣтомъ, съ жизнью милой
Прощался, въ небѣ утопалъ;
То падалъ, за сердце хваталъ
И гасъ, какъ свѣточъ, постепенно....
Пѣвецъ умолкъ и застоналъ:
«Охъ, душно, братцы!...» и мгновенно
Рубашки воротъ разорвалъ.
«Вина!»

Сидѣлецъ засмѣялся:
— Клади, молъ, денежки-то намъ.—
«А въ долгъ?»

— Проваливай! —

«Отдамъ!»
— Спасибо! экъ онъ разгулялся! —
«Проклятый! на вотъ казакинъ!»

Но вдругъ картина измѣнилась:
Въ слезахъ и блѣдная, явилась
Мать столяра.... «И ты мнѣ сынъ?
Святитель! Николай — Угодникъ!
Да гдѣ я? Охъ! подъ сердцемъ жжетъ!
Шла мимо... съ рынка... сынъ поетъ...
Все Сашка!.. Такъ! сосѣдъ — разбойникъ!
И запилъ! Ахъ, дуракъ, дуракъ!»
Сынъ стиснулъ поднятый кулакъ...

«Ха, ха! доходитъ до расправы!
Сказалъ дѣтина худощавый:
Къ чертямъ старуху! проучи!»
Столяръ схватилъ его: Молчи!
И грянулъ объ полъ. «Стой, ребята!
Связать его! позвать солдата!»
Сидѣлецъ крикнулъ. «Вотъ, онъ, другъ!»
И въ молодца впились шесть рукъ.
Но молодецъ сверкнулъ глазами,
Тряхнулъ могучими плечами—
И всѣ разсыпались. Вдова
Перепугалась. «Голова!
Перекрестись! ну, что ты! Стыдно!
Опомнись! съ улицы вонъ видно!
Эхъ, соколъ, соколъ! какъ теперь
Изъ этой пропасти за дверь
Ты выйдешь? А? Побойся Бога!
Ты пропадешь!...»

— Туда дорога! —
«Я знаю, знаю отъ чего
Ты выпилъ! Ну и ничего....
Я мать.... Мнѣ, думаешь, отрада?
Ну брось! забудь! такъ стало надо!
Знать не судьба твоя!...»

— Забудь!
Да ножъ-то! ножъ-то прямо въ грудь
Засѣлъ!... Оставь меня, родная! —
«Пойдемъ, голубчикъ мой, пойдемъ!
Братишко плачетъ, отпертъ домъ...
Все пусто.... да! и мастерская....
Топоръ тамъ.... все.... ну пошалилъ....
Ты вспомни, какъ отецъ-то жилъ!

Что завѣщалъ-то!... Власть не наша!
Перенеси!»

— Ахъ, Саша, Саша!
На вѣкъ пропали мы шутя! —
Столяръ заплакалъ, какъ дитя.

XIV.

Со дня помолвки измѣнился
Невѣсты скромный уголокъ;
Въ немъ съ утра до ночи тѣснился
Веселыхъ дѣвушекъ кружокъ.
Ихъ занимало на досугѣ
Шитье приданаго подругѣ,
Мелькнувшій мимо пѣшеходъ,
Подъ вечеръ пѣсни у воротъ,
Порою сновъ истолкованье,
Въ саду горѣлки и гулянье:
Но вечеринокъ блескъ и шумъ
Сильнѣе занималъ ихъ умъ.
Двѣ скрипки, въ домѣ освѣщенье,
Отъ стука крѣпкихъ каблуковъ
Дрожанье стульевъ и столовъ,
Смѣхъ *молодцовъ*, ихъ объясненье:
Насчетъ того-съ... мое почтенье....
Горячихъ поцѣлуевъ звукъ,
Украдкою пожатье рукъ —
Вотъ вечеринка; остальное
Не новость: сборище ночное —
Подъ окнами толпа зѣвакъ,
Въ окрестномъ мракѣ лай собакъ.

Отцу суровому послушна,
Всегда задумчива, тиха,
Свою печаль отъ жениха
Таила Саша. Равнодушна
Въ толпѣ подругъ она была;
Порой казалась весела,
Шутить, смѣяться начинала,
Но вдругъ, средь смѣха, умолкала
И уходила въ садъ, — и тамъ,
Въ зеленой чащѣ, одиноко
Садилась на скамьѣ широкой
И накопившимся слезамъ
Давала волю.... [25]

«Слава Богу!
Отецъ невѣсты разсуждалъ:
Теперь на ровную дорогу
Я выйду: зятя отыскалъ....
Не столяру чета! онъ вѣрно
Поможетъ тестю.... Вотъ что скверно —
Никакъ приданымъ не собьюсь!
Бѣда, къ примѣру! смерть боюсь!
Что если свадьба разойдется?
Чортъ знаетъ, просто сбился съ ногъ!
Навязываю домъ въ залогъ —
И тутъ заемъ не удается!
Не скажутъ прямо: деньги есть
Не про твою, къ примѣру, честь,
Помучатъ болтовней, распросомъ,
На что, молъ, — и отправятъ съ носомъ:
Свои-де нужды, извини....
Вотъ богачи-то! вотъ они!
Вотъ правда!... Или попытаться
Пойдти къ Скобѣеву? Вѣдь жидъ!

Просить не стоитъ.... и сердитъ...
Да Богъ съ нимъ! Мнѣ равно шататься!
Ужь занимать не миновать,
Глядишь, уважатъ — какъ узнать?»

И черезъ часъ, проситель скромный,
Онъ у Скобѣева въ пріемной
Ждалъ милости. Лакея нѣтъ,
Налѣво двери въ кабинетъ,
Тамъ разговоръ.

«Такъ все готово?»
Звучалъ густой хозяйскій басъ
(Лукичъ узналъ его за-разъ).
— Да, мнѣ дано честное слово,
Разбитый голосъ отвѣчалъ:
Вчера и нынѣ хлопоталъ
Въ коммисіи. —

«А! вы оттуда....
Прекрасно! стало нашъ подрядъ....»
— Все подвигается покуда;
Подмазать надо, говорятъ.
Вы какъ? не прочь? —

«Весьма пріятно!
На вещи цѣну-то того....
Вы понимаете?»

— Понятно.
Да не опасно ль? —

«Ничего!
А по бумагамъ безусловно

Въ подряды вы: я подъ судомъ.»
— Какъ ваше дѣло въ уголовной? —
«Пустякъ! конечно, подъ сукномъ....
Жаль, нѣтъ войны! подряды мелки,
Отъ мира мало намъ добра!»
— Ну, грѣхъ сказать! —

«Все вздоръ! бездѣлки!
Нѣтъ, батюшка, не та пора!
Тамъ видишь груды серебра!
Бывало, сердце разгорится....
Эхъ, молъ, равно! Господь проститъ
И хватишь смѣло, — ну и сытъ:
Сундукъ трещитъ, какъ говорится!»

Лукичъ затылокъ почесалъ,
И долго головой качалъ:
— Ну, хороши, молъ! —

«Вы къ обѣду
Ко мнѣ?» Скобѣевъ забасилъ,
И гостю двери отворилъ.
— Не знаю.... можетъ быть, пріѣду. —
Въ раздумьи бородачъ сказалъ.
Скобѣевъ громко засвисталъ.
Едва свистъ барина раздался,
Худой и блѣдный казачокъ
Вбѣжалъ, въ испугѣ замѣтался
И гостю лысому помогъ
Надѣть шинель.

«Зачѣмъ явился?»
Скобѣевъ Лукича спросилъ,
Въ карманы руки заложилъ

И въ мягкомъ креслѣ развалился.
«Эй! Васька! трубку! Ну, зачѣмъ?»
— Что, сударь, обнищалъ совсѣмъ!
Просваталъ дочь, нужна помога.
Цѣлковыхъ этакъ сто взаемъ,
Я заложилъ бы вамъ свой домъ.
Не откажите, ради Бога! —
«Просваталъ дочь.... А что она
Молоденькая? не дурна?»
Румяный баринъ улыбнулся,
Прищурился и потянулся.
— Вы все изволите шутить....
Тутъ горе! смѣю доложить. —
«Все врешь! когда вашъ братъ горюетъ?
Привыкъ къ бездѣлью, пьетъ вино,
Да ѣстъ и спитъ, или плутуетъ,
И только. Знаю васъ давно!»
— Всѣ люди грѣшные, конечно....
Я заплачу вамъ черезъ годъ,
Проценты вычтите впередъ,
Ей-ей, васъ не забуду вѣчно!
«Пожалуй, почему не такъ.
Ты мнѣ заслужишь, я надѣюсь....»
— Послѣднихъ силъ не пожалѣю-съ!
Вотъ благодѣтель! —

«Вотъ дуракъ!
Ха-ха! шучу! Я съ кулаками
Не связываюсь никогда!»
Лукичъ остолбенѣлъ....

— Да, да!
Мы, значитъ, черви передъ вами,
И насъ, какъ плюнуть, раздавить....
Эхъ-ма! —

«Поменьше говорить!»
Старикъ взбѣсился.

— Ваша воля!
Прикажете, мы замолчимъ.
Мы что за люди! Наша доля
Терпѣть. На этомъ и стоимъ.—
«Не притворяйся сиротою:
Меня не скоро проведешь.»
— Куда мнѣ съ глупой головою
Васъ проводить? Тутъ не найдешь,
Къ примѣру, слова... Вы богаты,
Вы баринъ, честная душа,
Я плутъ, на сюртукѣ заплаты
И въ кошелькѣ-то ни гроша,
Куда мнѣ!... Стало не дадите? —
«Не разживешься, признаюсь.»
— Я и за это поклонюсь.
Благодарю васъ! извините,
Что безпокоилъ. —

«Краснобай!
Ну, ну! не кланяйся! ступай!
А ты мошенникъ, старичина,
Тварь хитрая!»

— Благодарю!
За рысака-то вамъ дарю,
Раздайте нищимъ. —

«Вонъ скотина!»
— Испортишь кровь. Ну, что кричать!
Вѣдь лѣкаря придется звать.... —
Скобѣевъ бранью разразился:

‹Эй, люди! въ кнутья наглеца!...›
Старикъ съ широкаго крыльца
Сходилъ себѣ не торопился, —
Не скоро дворня собралась,
И перебитой разошлась.

Дулъ сильный вѣтеръ. Дождикъ лился.
Согнувшись, въ обуви худой,
Старикъ печально шелъ домой.
На перекресткѣ онъ столкнулся
Съ торговкой, что-то проворчалъ,
Посторонился, поскользнулся,
И чуть средь лужи не упалъ.
Старуха, шамшая, сказала:
‹Хрѣнку, родимый, не возьмешь?›
— Ну, ну! проваливай! пристала!
Безъ хрѣну горько не втерпежъ!... —
Межъ тѣмъ по улицѣ широкой,
Подъ ливнемъ, гнали въ край далекой,
Толпу преступниковъ въ цѣпяхъ,
Съ остриженными головами,
Съ зловѣщимъ знакомъ на спинахъ.
Конвой съ примкнутыми штыками
Ее угрюмо окружалъ
И барабанъ не умолкалъ.
‹Пошелъ народецъ на работку!
Лукичъ подумалъ: да! ступай!
Поройся тамъ, руды въ охотку
И не въ охотку покопай....
Подать хоть гривну.... сердце ноетъ....
Поди, Скобѣевы живутъ,
Ихъ въ кандалы не закуютъ:
Казна не шутка! Все прикроетъ!
Ну, вотъ тебѣ, и взялъ въ заемъ!

Постой! постой!... вѣдь этотъ домъ
Купца Пучкова.... Э, почтенный!
Я про тебя и позабылъ!
Пучковъ.... да! я ему служилъ:
Святоша, человѣкъ смиренный....
Гм... мастеръ, нечего сказать.
Горячій уголь загребать
Чужой рукой!»

XV.

Угрюмъ и проченъ
Пучкова домъ. На кровлѣ тесъ
Зеленой плесенью поросъ.
Желѣзомъ накрестъ заколоченъ
Закрытый ставень кладовой.
Косматый сторожъ, песъ цѣпной
Лежитъ въ конурѣ у забора,
Амбары въ сторонѣ стоятъ,
Ихъ двери крѣпкія отъ вора
Замки тяжелыя хранятъ.
Безлюдно въ комнатахъ просторныхъ
(Хозяинъ не имѣлъ дѣтей
И рѣдко принималъ гостей),
Висятъ картинки въ рамкахъ черныхъ.
Пыль на полахъ и по столамъ,
И паутина по угламъ.
Но спальня съ желтыми стѣнами,
Свѣтла, опрятно убрана,
Весь уголъ занятъ образами,
Лампадка вѣчно зажжена,
Кровать покрыта простынею,
И полонъ шкафъ церковныхъ книгъ,

Иныхъ терпѣть не могъ старикъ
И называлъ ихъ чепухою,
Потѣхой праздныхъ болтуновъ,
Соблазномъ молодыхъ головъ.

Въ суровой школѣ горькой нужды
Пучковъ съ ребячества окрѣпъ;
Его отецъ былъ старъ и слѣпъ,
И сынъ, изнѣженности чуждый,
Переносилъ морозъ и зной,
Шатаясь по міру съ сумой.
Порой калѣкой притворялся,
За крендель колесомъ катался,
И на крестѣ всегда берегъ
Съ казной холстинный кошелекъ.
Одинъ купецъ, старикъ бездѣтный,
Полубольной и безотвѣтный,
Его за бойкость полюбилъ,
Одѣлъ и въ лавку посадилъ.
Пріемышъ росъ, добру учился,
Поклоненъ, расторопенъ, тихъ,
За дѣломъ въ лавкѣ не лѣнился,
А ночью *Житія Святыхъ*
Читалъ хозяину отъ скуки.
Святыхъ мужей слова и муки —
Все помнилъ, но изъ чудныхъ строкъ,
Увы! урока не извлекъ!
Читалъ, читалъ — и за услугу
Купца ограбилъ наконецъ.
Не вынесъ бѣдный мой купецъ:
И пилъ, и плакалъ, спился съ кругу,
И ночью, пьяный и больной,
Застылъ средь улицы зимой.
Чужаго золота наслѣдникъ,

Пучковъ себя не уронилъ:
Глядѣлъ смиренникомъ и былъ
О чести строгой проповѣдникъ:
Не кушалъ рыбы по постамъ,
Молился долго по ночамъ,
На церковь подавалъ грошами.
Передъ нетлѣнными мощами
Большія свѣчи зажигалъ,
Но плутовства не покидалъ.
И странно! плутъ не лицемѣрилъ:
Онъ искренно въ святыню вѣрилъ,
Да! совѣсть надо очищать!
Что дѣлать! страшно умирать!
Пучковъ объ адѣ начитался....
И какъ же онъ чертей боялся!
На полчаса вздремнуть не могъ,
Три раза «Да воскреснетъ Богъ»
Не повторивъ. Теперь угрюмый,
Въ очкахъ Псалтирь читалъ онъ вслухъ, 26)
Но врагъ добра, лукавый духъ,
Мутилъ его святыя думы,
И вдругъ — съ духовной высоты
На рынокъ полный суеты,
Ихъ низводилъ.

Лукичъ явился.
Передъ Пучковымъ извинился,
Я, молъ, читать вамъ помѣшалъ
И полъ вотъ грязью замаралъ...
Хозяинъ поглядѣлъ пытливо
На гостя, поднялся лѣниво,
Бумажкой книгу заложилъ,
Зѣвнулъ, молитву сотворилъ
И отвѣчалъ: «Да, дождь сегодня.

Все хорошо: все власть Господня.
Ты здѣшній?»

— Здѣшній мѣщанинъ.
Не угадали?... Карпъ Лукичъ.
И рѣчь повелъ онъ стороною.
Я, молъ, извѣстенъ вамъ давно
И позабыть меня грѣшно.
Служилъ, какъ надобно. Нуждою
Теперь убитъ. Имѣю дочь....
И разсказалъ Лукичъ въ чемъ дѣло.
«Гм.... жаль, что не могу помочь!
Мое богатство улетѣло,
Какъ дымъ въ трубу. Все разошлось
По добрымъ людямъ. Да авось
Промаюсь... Старъ... гляжу въ могилу....
И время! Господи помилуй!»
— Нельзя ли, сударь, пожалѣть?
Вы сомнѣваетесь, извѣстно...
Вотъ образъ — заплачу вамъ честно!
Безъ покаянья умереть.
Коли солгу! —

«Зачѣмъ божиться?»

— Да тошно! Кажется готовъ
Сквозь землю лучше провалиться.
Чѣмъ этакъ вотъ изъ пустяковъ
Просить и мучиться напрасно! —
«Охъ, милый, вѣрить-то опасно!»
И тонко намекнулъ купецъ:
Обманъ, молъ, всюду; всякъ хитрецъ:
Наскажетъ много, правды мало....
Да! время тяжкое настало!

Не мудрено въ заемъ-то дать.
Но каково-то получать!

Напрасно тѣломъ и душою
Лукичъ божился, умолялъ,
Въ закладъ домишко предлагалъ....
Кремень-купецъ махнулъ рукою:
«Эхъ, ну тебя! закладъ не тотъ!
Твой домъ не каменный! нейдетъ!»
— Не сытая твоя утроба!
Ну, стало, голову мнѣ снять
И подъ залогъ тебѣ отдать?
Вѣдь ты глядишь подъ крышку гроба!...
Кому казну-то ты копишь! —
«Опомнись! съ кѣмъ ты говоришь?»
— Съ тобою, старый песъ, съ тобою!
Ты вмѣстѣ воровалъ со мною!
Клади мнѣ денежки на столъ!
Дѣлись! я вотъ зачѣмъ пришелъ! —
«И ты мнѣ могъ?... и ты мнѣ смѣешь?»
— Кто? я-то?... Ты не подходи!
И въ грѣхъ, къ примѣру, не вводи, —
Убью! вотъ тутъ и околѣешь! —

Пучковъ оцѣпенѣлъ. Нѣмой,
Стоялъ онъ съ поднятой рукой,
Огнемъ глаза его сверкали
И губы синія дрожали.
Лукичъ захохоталъ. — Ну что жь!
Ударь попробуй! что жь не бьешь! —
«Вонъ, извергъ!»

— Не бранись со мною.

Я выйду честью! не шуми!

Не то я.... прахъ тебя возьми!...
Не стоишь, правда.... Богъ съ тобою.

Пучковъ стоналъ. Онъ гладокъ былъ:
Безсильный гнѣвъ его душилъ.
— Прощай! садись опять за книги,
Копи казну, надѣнь вериги,
Все значитъ о душѣ печаль....
А жаль тебя! ей-Богу жаль! —

«Нѣтъ, не дождаться мнѣ помоги!»
Грустилъ дорогою бѣднякъ:
«Не вѣрятъ мнѣ. Я — голь! кулакъ!
Вотъ и ходи, считай пороги,
И гнись и гибни ни за что,
На то, молъ, голь! кулакъ на то!
Гм.... да! Упрекъ-то вѣдь забавный!
Эхъ, ты — народецъ православный!
Не честь тебѣ лежачихъ бить,
Безъ шапки сильныхъ обходить!
Кулакъ.... да мало ль ихъ на свѣтѣ?
Кулакъ катается въ каретѣ,
Изъ грязи да въ князья ползетъ
И кровь изъ бѣднаго сосетъ....
Кулакъ во фракѣ, въ полушубкѣ,
И съ золотымъ шитьемъ, и въ юбкѣ —
Гдѣ и не думаешь — онъ тутъ!
Не мелочь, не грошовый плутъ,
Не намъ чета. — подниметъ плечи,
Прикрикнетъ, — не найдешь и рѣчи,
Рубашку сниметъ, — все молчи!
Господь суди васъ, палачи!
А ты, къ примѣру, въ горькой долѣ
На грошъ обманешь по-неволѣ —

Тебя согнутъ въ бараній рогъ:
Бранятъ, и бьютъ-то, и смѣются....
Набей карманы, — видитъ Богъ,
Въ пріятели всѣ назовутся!
Будь воромъ — скажутъ: не порокъ!
Вотъ гадость! тьфу!»

И шагъ широкой
Старикъ съ досады ускорилъ.
Но вдругъ его остановилъ
Стукъ рамы. Смотритъ — домъ высокой.
Съ кудрявымъ вензелемъ балконъ
Густой сиренью окруженъ.
Заклятый врагъ ученыхъ споровъ,
Его жилецъ, профессоръ Зоровъ,
Съ сигарой подъ окномъ стоялъ
И старика рукою звалъ.

XXI.

Ученой бурсы отпечатокъ
Невольно Зоровъ сохранилъ:
Зналъ букву, глубже не ходилъ.
Былъ въ разговорахъ простъ и кратокъ
И словомъ *вотъ* ихъ украшалъ;
Безъ нужды кашлялъ. Богъ создалъ
Его не злымъ, но.... впрочемъ—мимо:
Подъ часъ молчать необходимо....
Деньжонки славно наживалъ.

Лукичъ былъ встрѣченъ благосклонно,
Обласканъ и не мудрено:
У старика, тому давно,

Мальчишка, труженикъ безсонный,
Путь тяжкій Зоровъ начиналъ —
Латынью умъ свой притуплялъ.
Плоды науки не пропали,
Бѣднякъ Лукичъ дивился имъ,
Мальчишка выросъ. Передъ нимъ
Теперь просители стояли:
Священникъ, старичокъ больной,
И дьяконъ тучный и рябой.
Священникъ кланялся. Съ досадой
Ученый мужъ рукой махалъ:
— Вашъ сынъ дуракъ! Вотъ и пропалъ...
И выгнали... хм... такъ и надо:
Зазнался. —

Священникъ.

Въ чемъ же? ради Бога,
Скажите. Онъ изъ лучшихъ былъ.

Профессоръ.

А вотъ воротнички носилъ,
Да возраженій дѣлалъ много
Наставникамъ: я, молъ, уменъ,
Въ журналы, въ чтенье погруженъ,
Исчерпалъ мудрость всю!...

(Священникъ хочетъ возразить).

Молчите!
Замѣтили, — онъ ничего:
Все то жь! Понизили его!...

(Священникъ снова хочетъ возразить.)

Хм... погодите! погодите!
Понизили по спискамъ, — онъ того....
Ученьемъ занялся небрежно....
Ну вотъ за то и исключенъ!....

Священникъ.

Онъ молодъ. Онъ былъ оскорбленъ....
Сперва учился онъ прилежно.

Профессоръ.

По насъ хоть звѣзды онъ хватай!
Будь скроменъ! носъ не поднимай!
Онъ кто? Воспитанникъ духовный —
Вотъ помни! Бойкость не нужна!
А свѣтскость вздоръ, она вредна!
Сказалъ наставникъ, — безусловно
И вѣрь! вы думаете какъ?
На это власть!

Священникъ.

Извѣстно такъ.
Прошу васъ, сжальтесь! Два-три слова
Сказать вамъ стоитъ — примутъ снова....
Позвольте мнѣ, наединѣ,
Вамъ объяснить....

Профессоръ.

Не время мнѣ!
А, впрочемъ, если вы хотите
Пожалуй.... вотъ сюда подите.

И за ученымъ мужемъ вслѣдъ
Вошелъ проситель въ кабинетъ.
О чемъ они тамъ толковали,
Однѣ нѣмыя стѣны знали.
Дверь отворилась наконецъ,
Священникъ просто былъ мертвецъ,
Такъ блѣденъ! «Вы побойтесь Бога....
Я бъ больше.... бѣдность.... негдѣ взять.»
— Хм.... Полно, полно толковать!
Ученый мужъ замѣтилъ строго.
Несчастный попъ махнулъ рукой,
И дверь захлопнулъ за собой
Съ проклятьемъ. Зоровъ улыбнулся:
«Хорошъ! А попъ!... Что нужно вамъ?»
И къ дьякону онъ обернулся.
— Да вотъ-съ по разнымъ клеветамъ,
Мой сынъ... замѣтило начальство,
Что яко бы онъ любитъ пьянство.... —

«Дубковъ?

— Да-съ. —

«Знаю и его!
Исключатъ. Больше ничего».
— За что же? Можетъ быть, ошибкой
Не то что выпилъ, пошалилъ....
И рѣчь проситель измѣнилъ
Такъ странно, что Лукичъ съ улыбкой
Подумалъ: круто своротилъ!
Хитеръ!

— Я слышалъ стороною,
Что вы нуждаетесь въ конѣ....

Такъ все равно-съ. Позвольте мнѣ....
Продамъ охотно. — И съ божбою
Плечистый дьяконъ увѣрялъ:
— Конь добрый! я на немъ пахалъ! —
«Взглянуть, пожалуй, не мѣшаетъ.
Вы приведите-ка его....
Не наровистъ онъ?»

— Ничего.
Узду случается скидаетъ:
Извѣстно, наши батраки
Лѣнтяи или дураки,
Какой присмотръ! —

«Хм.... Знаю, знаю!
Пусть поисправится вашъ сынъ.
Вы вотъ что, я предупреждаю,
Вѣдь я зависимъ.... не одинъ,
Тутъ нужно....»

— Какъ же-съ! понимаю! —
И тучный дьяконъ вышелъ вонъ,
Отдавъ почтительный поклонъ.

Профессоръ.

Ну что, Лукичъ, не надоѣло
Стоять, да слушать? Извини....

Лукичъ.

Помилуйте!

Профессоръ.

Вотъ мы одни....
Садись.

Лукичъ (садится).

Вы звали. Вѣрно дѣло.

Профессоръ.

Хм.... я коня хотѣлъ купить, —
Раздумалъ. Надо погодить.

Лукичъ (лукаво улыбается).

Такъ-съ.

Профессоръ.

Хорошо ли поживаешь?

Лукичъ.

По старому-съ! и такъ и сякъ.

Профессоръ.

Ну, а бываетъ, выпиваешь?

Лукичъ.

Ни капли! что я за дуракъ!
Да какъ живете вы отлично!
Полы подъ лакомъ, хоть глядись,
Диваны, кресла....

Профессоръ (смѣется).

Хм.... Прилично....
Нельзя, деньжонки завелись!

Лукичъ (вздыхая).

Да-съ! Вы попали на дорогу.
И правда, что ученье свѣтъ:
Поитъ и кормитъ.... Я вотъ сѣдъ,
И все дуракъ! Бѣда, ей-Богу!
Тутъ бѣдность...,

Профессоръ.

Ты бы мнѣ сказалъ.
Ты знаешь, я не скупъ; я бъ далъ.

Лукичъ.

Сказалъ бы, сударь.... какъ-то стыдно!

Профессоръ.

Хм.... вотъ пустякъ! забылъ ты, видно,
Какъ у тебя я въ домѣ жилъ,
Уроки-то въ саду училъ!

Лукичъ (смотритъ на дипломъ профессора).

Я все гляжу, спросить не смѣю,
На этотъ листъ.... вотъ-съ на стѣнѣ....

Профессоръ (самодовольно улыбается).

Прочти.

Лукичъ.

Нѣтъ, сударь, не съумѣю.
Написано-то не при мнѣ.

Профессоръ.

Вотъ слушай:
(встаетъ и читаетъ)

Ecclesiasticae Academiae conventus
pro potestate sibi concessa

Dominum Zorow.

. . . .

Magistrum sanctiorum humaniorumque litterarum solenni hoc diplomate declarat honoremque ei ac privillegia concessa, decrevisse ac contulisse publice testatur.

«Понялъ?»

Лукичъ (съ улыбкою почесывая затылокъ).

— Хоть бы слово!
Кого Господь-то умудритъ!
Гм... диво! Вижу въ рамкѣ новой,
Съ большой печатью листъ виситъ —
И только. Правда, что наука!—

Профессоръ (смѣется).

«Вотъ то-то! Въ немъ-то вся и штука!»

Лукичъ (переминаясь).

— А что бы васъ я попросилъ...—
И тутъ старикъ заговорилъ
О свадьбѣ Саши, о заемѣ,
О закладной на домъ, о домѣ—
И на лицѣ своемъ потомъ
Горячій потъ отеръ платкомъ,
Вздохнулъ и низко поклонился.
Учёный мужъ не отвѣчалъ,
Въ раздумьи медленно шагалъ
И кашлялъ — вдругъ остановился.
«Ты вотъ что, ты отдашь мнѣ въ срокъ?
— Не выйди я за вашъ порогъ!... —
«Изволь! сегодня я разстроенъ:
Дѣлъ пропасть...»

— Значитъ до утра?
Такъ я въ надеждѣ. —

«Будь покоенъ!
Я дамъ.»

А! сынъ пономаря!
Изъ грязи вышелъ не забылся!
Лукичъ подумалъ — и простился.

XVII.

Всѣ рѣшено. Настала ночь.
Заря надъ лѣсомъ догарала,
По желтымъ жнивьямъ тѣнь бѣжала.
Увы! измученная дочь

День свадьбы грустно ожидала,
Въ послѣдній разъ теперь рыдала,
Въ объятьяхъ матери, — и мать
Ее не смѣла утѣшать.
Онѣ другъ друга понимали,
Что впереди, о томъ молчали,
А горе прожитыхъ годовъ
Такъ живо было, что безъ словъ
Душа рвалась и въ мукахъ ныла.
Но эти муки дочь таила,
Нѣма съ отцомъ своимъ была,
Межъ ними пропасть вдругъ легла
И Сашу на-вѣкъ отдѣлила
Отъ старика... и тѣмъ больнѣй
Была тоска послѣднихъ дней,
Тяжеле рядъ ночей безсонныхъ,
Невѣстой въ пыткѣ проведенныхъ!...

И вотъ пиръ свадебный умолкъ.
Утихъ о немъ сосѣдей толкъ,
Угомонились пересуды,
Средь улицъ гости не поютъ,
Не пляшутъ, и въ домахъ посуды
Подъ пѣсни пьяныя не бьютъ.
Арина вдругъ осиротѣла.
Грустить за дѣломъ и безъ дѣла,
Чуть скрипнетъ дверь, — она вздрогнетъ,
И слушаетъ, и Сашу ждетъ.
Безъ Саши горенка скучнѣе,
И время кажется длиннѣе,
И котъ не веселъ: спитъ въ углу,
Не поиграетъ на полу
Клубкомъ старушки. Чуть смеркаетъ,
Она калитку запираетъ,

И съ робостью обходитъ дворъ —
Не притаился ли гдѣ воръ,
И мужа ждетъ, и спицамъ снова
Въ ея рукахъ покоя нѣтъ....
Едва покажется разсвѣтъ,
Работа прежняя готова,
Старушкѣ не съ кѣмъ говорить,
Тоски и грусти раздѣлить:
Рѣчь мужа, какъ всегда, сурова....
Но Саша блѣдная придетъ.
Арина такъ и обовьетъ
Ее руками: «Ахъ, родная,
Здорова ли? Присядь, присядь!
Здорова ль?» повторяетъ мать,
Съ улыбкой слезы утирая:
«Легко ль! недѣлю не была!
Ужь я тебя ждала, ждала!
Ну, какъ живешь?» И осторожно
О всякой мелочи ничтожной
Ее распроситъ. «Ты смотри,
Ты не таись, молъ, говори....
Все хорошо? Ну, слава Богу!»
И въ лавочку черезъ дорогу
Съ копѣйкой трудовой спѣшитъ
И Сашу чаемъ угоститъ.
Свой садъ старушка позабыла:
Мать столяра ей досадила
Упрекомъ, бранью каждый день
Черезъ изломанный плетень:
— Здорово, другъ? въ саду гуляешь?
Хозяйка! яблоки считаешь?
Ты не пускай къ намъ куръ на дворъ,
Поймаю, — прямо подъ топоръ! —
Арина головой качала

И ничего не отвѣчала.
Она не зла, молъ.... это такъ:
Всему причина — Сашинъ бракъ.

Лукичъ на рынкѣ ежедневно
Встрѣчался съ зятемъ. Всякій вздоръ
Входилъ въ ихъ длинный разговоръ,
Оканчиваясь непремѣнно
Разумнымъ толкомъ о дѣлахъ:
О добротѣ хлѣбовъ въ поляхъ,
О томъ, что мужички умнѣютъ
Не такъ легко въ обманъ идутъ,
Что краснорядцы богатѣютъ:
За рубль по гривнѣ отдаютъ....
Лукичъ смѣялся: «просто — чудо!
Глупа ты, матушка Москва!
Всѣмъ вѣришь!» — этимъ и жива.
Не ошибется... А не худо
Того-съ... зять добрый замѣчалъ
И тестя къ чаю приглашалъ.
Онъ, видно, мнѣ не довѣряетъ,
Тесть думалъ: право, не поймешь...
И чаемъ вдоволь угощаетъ,
И льститъ, — а толку ни на грошъ.
Я говорю, къ примѣру, буду
Тебѣ въ торговлѣ помогать,
Чужихъ равно, молъ нанимать...
— Извольте-съ! я васъ не забуду.
У насъ торговый оборотъ
Зимою-съ... вотъ зима придетъ.
Посмотримъ, какъ зима настанетъ...
Ну, если онъ меня обманетъ,
И я останусь въ дуракахъ,
Безъ дома съ сумкой на плечахъ?

За что же такъ? Дитя родное
Принудилъ. Самъ теперь въ долгу...
Нѣтъ, это черезчуръ! пустое!
Нельзя! и думать не могу?

XVIII.

Настала осень. Скученъ городъ.
Дожди, туманы, рѣзкій холодъ,
Ночь черная и сѣрый день —
И по нуждѣ покинуть лѣнь
Свой теплый уголъ. Вечерами
Вороны, галки надъ садами
Кричатъ, сбираясь на ночлегъ.
Порой нежданный, мокрый снѣгъ
Кружится, кровли покрываетъ.
Къ лицу и платью пристаетъ,
И снова мелкій дождь пойдетъ,
И вѣтеръ свистомъ досаждаетъ.
Куда ни глянешь — ручейки,
Да грязь и лужи. Окна плачутъ,
И морщась, пѣшеходы прячутъ
Свои носы въ воротники.

Лукичъ съ досадой молчаливой
Поглядывалъ нетерпѣливо
На небо, снѣга поджидалъ
И непогоду проклиналъ.
На рынкѣ нечѣмъ поживиться:
Дороги плохи, нѣтъ крестьянъ;
Ходи, глотай сырой туманъ,
Пришлось хоть воздухомъ кормиться!

На зло кулакъ молокососъ
Надъ нимъ трунитъ: «Повѣсилъ носъ!
Неволя по грязи шататься!
Не молодъ, время отдохнуть
И честнымъ промысломъ заняться!
Сидѣлъ бы съ чашкой гдѣ-нибудь...»
Сюртукъ въ дырахъ, сквозь крышу льется,
Въ окошки дуетъ, печь худа;
На что ни взглянешъ—сердце рвется,
Хоть умереть, такъ не бѣда!

Дождь каплетъ. Темными клоками,
Рѣдѣя, облака летятъ.
Вороны на плетнѣ сидятъ,
Такъ мокры, жалки! Подъ ногами
Листы поблеклые шумятъ.
Садъ тихъ. Деревья почернѣли,
Стыдясь невольной наготы,
Въ туманѣ прячутся кусты,
Грачей пустыя колыбели
Качаетъ вѣтеръ, и мертва
Къ землѣ припавшая трава.

Лукичъ стоитъ подъ старой ивой,
Въ рукѣ топоръ, въ глазахъ печаль.
Пришлось бѣднягѣ на топливо
Рубить деревья, — крѣпко жаль,
Да надо: все дровамъ замѣна,
Ихъ въ цѣломъ домѣ ни полѣна....
И засучилъ онъ рукава.
Что жь выбрать? Эти дерева
Своей рукой отецъ покойный
Ему на память посадилъ,
Подъ этой ивой онъ любилъ

Вздремнуть на травкѣ въ полдень знойный....
«Эхъ-ма! нужда!» Топоръ стучитъ —
Съ плетня вороны улетаютъ,
А щепки воздухъ разсѣкаютъ —
И ива, падая, скрипитъ.
Старушка печку затопила,
Лукичъ на коникѣ прилегъ.
«О чемъ грустишь?» жена спросила.
— Такъ, что-то мочи нѣтъ, продрогъ. —
«Что зять-то? какъ?»

— Смотри за щами,
Въ мужское дѣло не входи! —
«О-охъ, не ошибись, гляди!
Домъ заложилъ.... что будетъ съ нами,
Когда не выкупимъ?»

— Опять!
Нельзя, къ примѣру, помолчать? —

Дверь отворилась и горбатый,
Въ халатѣ, съ палкой суковатой,
Длиннобородый мужичокъ
Сказалъ съ поклономъ: «Встань, дружокъ!
Хозяинъ умный, тороватый!
Явился гость, — и ты не радъ,
И я, соколъ, не виноватъ.»
— Мы погодя побалагуримъ —
Ты кто? Зачѣмъ? —

«Да встань-ко, встань?
Не погоняй! кнута не любимъ....
Теперь подушное достань.»
— Ты, знать, отъ старосты? Разсыльный?—

«Узналъ, сударикъ мой, узналъ!»
— Присядь: ты, кажется, усталъ....
Ну, что сегодня? Вѣтеръ сильный?...
Я, знаешь, все въ избѣ сижу,
На дворъ, къ примѣру, не хожу,
Нога болитъ. —

«Хэ-хэ! проказникъ!
Испилъ воды на свѣтлый праздникъ,
Болитъ съ похмѣлья голова....
Хитеръ на красныя слова!»
— Чего! ей-ей, болитъ! безъ шутокъ! —
Вотъ видишь!... Охъ! не наступлю!—
«Хэ-хэ, сударикъ мой, люблю!
Нужда горька безъ прибаутокъ....
Достань-ко деньги-то, родной,
Инъ — къ старостѣ пойдемъ со мной.»
— Да я бы радъ! недугъ проклятый!
Какъ быть? —

«Подушное платить!
Я вотъ, старикъ, и самъ-девятый
Живу — плачу!... не стать — тужить.
Шесть душъ дѣтей, жена седьмая,
Да я съ горбомъ.... Пойдемъ, пойдемъ!
Какая тамъ нога больная!»
— Скажи, что дома не засталъ,
Изъ города, молъ, отлучился....
И въ кошелькѣ Лукичъ порылся,
Послѣдній гривенникъ досталъ.
«Хэ-хэ, сударикъ, маловато!»
— Ей-Богу, больше гроша нѣтъ! —
«Ну за тобою, дѣло свято....
Прощай покудова, мой свѣтъ!»

«Теперь на хлѣбъ добудь, гдѣ знаешь!»
Лукичъ подумалъ — и вздохнулъ,
И кошелекъ на столъ швырнулъ.
«Не радъ хромать, да захромаешь!
Попробуй-ка пожить вотъ-такъ....
А вѣдь кричатъ: кулакъ! кулакъ!»

XIX.

Вотъ и зима. Трещатъ морозы.
На солнцѣ искрится снѣжокъ.
Пошли съ товарами обозы
По Руси вдоль и поперекъ.
Ползетъ, скрипитъ дубовый полозъ,
Рѣка ли, стѣпь ли, — нѣтъ нужды:
Вездѣ проложатся слѣды!
На мужичкѣ бѣлѣетъ волосъ,
Но веселъ онъ; идетъ кряхтитъ,
Казну на холодѣ копитъ.

Кому путекъ, кому дорога —
Аринѣ дома дѣла много!
Вставая съ раннею зарей,
Она ходила за водой;
Порой бѣлье чужое мыла,
Дескать, работа не порокъ,
Все будетъ хлѣбушка кусокъ;
Порою и дрова рубила,
Когда Лукичъ на печкѣ спалъ,
Похмѣлье храпомъ выгонялъ;
Отъ стужи кашляла, терпѣла
И на послѣдокъ заболѣла.
Лежитъ недѣлю — легче нѣтъ;

Уста спеклись, все тѣло ноетъ;
Едва глаза она закроетъ,
Живьемъ изъ мрака прежнихъ лѣтъ
Встаютъ забытыя видѣнья....
Вотъ вспомнилась съ грозою ночь:
Въ густомъ саду шумятъ деревья,
Изъ теплой колыбели дочь
Головку въ страхѣ поднимаетъ
И громко плачетъ и дрожитъ,
А мужъ неистово кричитъ
И стулъ, шатаясь, разбиваетъ....
Вдругъ тихо. Вотъ ея сынокъ,
Малютка убранный цвѣтами,
Покоится подъ образами;
Блеститъ въ лампадкѣ огонекъ,
Въ углу кадильница дымится,
Столъ бѣлой скатертью накрытъ,
Подъ кисеей младенецъ спитъ,
Она отъ вѣтра шевелится,
А солнце въ горенку глядитъ,
На трупѣ весело играя....
И мечется въ жару больная,
Въ ушахъ звенитъ, въ глазахъ темно,
Изъ глазъ ручьями слезы льются,
Межъ тѣмъ какъ съ улицы въ окно
Къ ней звуки музыки несутся, —
Тамъ, свадьбу празднуя, идетъ
Съ разгульнымъ крикомъ пьяный сбродъ....
Въ борьбѣ съ мучительнымъ недугомъ,
Смотря безсмысленно кругомъ,
Старушка встанетъ и потомъ,
Вся потрясенная испугомъ,
Со стономъ снова упадетъ —
И дочь въ безпамятствѣ зоветъ.

Лукичъ измучился съ больною:
Самъ кой-какъ печку затоплялъ
И непривычною рукою
Себѣ обѣдъ приготовлялъ.
Спѣшилъ на рынокъ, съ рынка снова
Жену провѣдать приходилъ,
Малиной теплою поилъ:
Вспотѣешь, будешь, молъ, здорова. —
И снова домъ свой покидалъ,
Куска насущнаго искалъ.

Вотъ входитъ Саша. Мать больная,
Кряхтя, ей дѣлаетъ упрекъ:
«Ты рѣдко ходишь, мой дружокъ;
Я умираю, дорогая....
Охъ, тошно! такъ и давитъ грудь!
Хоть бы на солнышко взглянуть,
Все снѣгъ, да снѣгъ!...»

— Я къ вамъ хотѣла
Вчера придти, да то дѣла,
То гости.... Саша солгала;
Свекровь ей просто не велѣла,
Не приказалъ и мужъ: авось
Еще, молъ, свидишься, небось!
Старушка ложь подозрѣвала,
По голосу ее узнала,
А голосъ Саши грустенъ былъ!
«Дитя мое, я.... Богъ судилъ....
Дай руку!... дай, моя родная!
Такъ.... крѣпче жми! ну, вотъ теперь
Легко....» И плакала больная,
Рыдала дочь. Безъ шума въ дверь
Входила смерть.

Былъ темный вечеръ.
Порывистый холодный вѣтеръ
Въ трубѣ печально завывалъ.
Лукичъ встревоженный стоялъ
У ногъ Арины. Дочь глядѣла
На умирающую мать;
И все сильнѣй, сильнѣй блѣднѣла.
Старушка стала умолкать
И постепенно холодѣла,
И содраганья ногъ и рукъ,
Послѣднiй знакъ тяжелыхъ мукъ,
Ослабѣвали. Вдругъ, рыдая,
Упала на колѣни дочь:
«Благослови меня, родная!»
— Отецъ твой нищiй.... ты помочь
Ему.... нашъ домъ.... и рѣчь осталась
Неконченной — и тихiй стонъ
Смѣшалъ слова. Но вотъ и онъ
Умолкъ. Развязка приближалась:
Въ тоскѣ подъятая рука,
Какъ плеть упала. Грудь слегка
Приподнялась и опустилась,
Дыханье рѣже становилось,
Взоръ неподвижный угасалъ,
По тѣлу трепетъ пробѣжалъ —
И стихло все.... Не умолкалъ
Лишь бури вой.

«Одинъ остался!
Одинъ, какъ перстъ!» Лукичъ сказалъ,
Закрылъ лицо — и зарыдалъ.

Уснуло доброе созданье!
Жизнь кончена. И какъ она

Была печальна и бѣдна!
Стряпня и вѣчное вязанье,
Забота въ домѣ приглядѣть,
Да съ голоду не умереть!
На пьянство мужа тайный ропотъ,
Порой побои отъ него,
Про бытъ чужой, не смѣлый шопотъ,
Да слезы... больше ничего!
И эта мелочь мозгъ сушила
И человѣка въ гробъ свела!
Страшна ты, роковая сила
Нужды и мелочнаго зла!
Какъ громъ, ты не убьешь мгновенно,
Войдешь ты — полъ не заскрипитъ,
А душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипитъ!

Съ разсвѣтомъ буря замолчала.
Арина на столѣ лежала.
Въ лампадкѣ огонекъ сіялъ;
Онъ какъ-то странно освѣщалъ
Лицо покойницы-старушки
И неподвижной и нѣмой,
И бѣлые углы подушки,
Прижатой мертвой головой.
Убитый горемъ и тоскою,
Передъ иконою святою
Лукичъ всю ночь Псалтирь читалъ.
Унылъ и тихъ его былъ голосъ,
Отъ страха жосткій, черный волосъ
На головѣ не разъ вставалъ.
Казалось строго и сурово
Глядѣла блѣдная жена;
Раба доселѣ, съ жизнью новой

Вдругъ измѣнилася она —
Свою печаль припоминала
И мужу казнью угрожала....
Старикъ внимательнѣй читалъ
И ничего не понималъ.
Всѣ буквы, мнилось, оживали,
Плясали, разбѣгались вдругъ....
При оборотѣ издавали
Листы какой-то чудный звукъ....

Межъ тѣмъ сосѣдки по немногу
Набились въ горенку. Однѣ
Вздыхали и молились Богу,
Другія въ грустной тишинѣ
Съ тяжолой думою стояли,
Иль объ усопшей толковали,
Что, вотъ-де, каковы дѣла —
Жила, жила, — да умерла!
Мать столяра въ углу стояла,
Съ кумой любимою шептала:
«Вѣдь на покойницѣ платокъ,
Что тряпка.... ай-да муженекъ!
Убралъ жену, кулакъ проклятый!
О платьѣ и не говорю —
Я вчужѣ отъ стыда горю:
Съ заплатой, кажется, съ заплатой!...
А дочь слезинки не прольетъ...
Вотъ срамъ-то! инда зло беретъ!
Ахъ, я тебѣ и не сказала!
Она за сына моего
Хотѣла выйти.... каково?
Да я-то шишъ ей показала!
И мать-то, помянуть не тѣмъ,
Глупа была, глупа совсѣмъ!»

Сосѣдки вышли. Сталъ совѣта
Отецъ у дочери просить:
«Ну, Саша! мать вотъ не отпѣта,
Гдѣ деньги? чѣмъ мнѣ хоронить?»
— Мой мужъ поможетъ. Попросите
Здѣсь посидѣть кого-нибудь
И вслѣдъ за мною приходите.—
«Да! надо, надо шею гнуть!
И подѣломъ мнѣ! охъ, какъ стою!»
И крѣпко жилистой рукою,
Остановя на трупѣ взоръ,
Свой блѣдный лобъ старикъ потеръ.

XX.

Румянъ, плечистъ, причесанъ гладко,
Тарасъ Петровичъ, за тетрадкой
Въ рубашкѣ розовой сидѣлъ,
На цифры барышей глядѣлъ
И улыбался. Подъ рукою
Сіяли проволоки щётъ;
Зеленый плющъ надъ головою
Висѣлъ съ окна. Полна заботъ,
За чаемъ Саша хлопотала.
Пѣлъ пѣсни свѣтлый самоваръ;
Въ лежанкѣ загребенный жаръ
Краснѣлъ. Струей перебѣгало
По углямъ полымя. И вдругъ
Часы издали странный звукъ,
Шипѣли долго и лѣниво
И съ пятнышками вмѣсто глазъ,
Кукушка сѣрая тоскливо
Прокуковала восемь разъ.

Лукичъ вошелъ — и сердце сжалось
У Саши. Жалокъ былъ отецъ!
Оборванъ, блѣденъ.... грусть, казалось.
Его убила наконецъ.
Едва старикъ перекрестился,
Румяный зять его вскочилъ
И сожалѣнье изъявилъ,
Что доброй тещи онъ лишился,
«Мнѣ, молъ, жена передала,
Святая женщина была!...»
— Вотъ надо справить погребенье....
Нѣтъ гроба.... сдѣлай одолженье....
Дай помочь! —

«Отъ добра не прочь,
Зачѣмъ родному не помочь?...
Гм.... жаль! я думаю — простуда?»
— Богъ знаетъ что, да умерла. —
«Я полагаю-съ смерть пришла....
Вотъ выпейте чайку покуда.»
— Благодарю! Не до того. —
«Напрасно-съ, это, не мѣшаетъ:
Онъ этакъ грудь разогрѣваетъ....»
— Да я не зябну. Ничего....
Не забудь, къ примѣру, въ горѣ! —
«Вотъ ключь позвольте отъискать....
Я много не могу вамъ дать,
Не то что.... да-съ! Нѣтъ денегъ въ сборѣ.»
— Не добивай! Я такъ убитъ! —
«О томъ никто не говоритъ!
На счетъ того-съ.... оно, конечно,
Родню позабывать грѣшно,
Да вѣдь грѣшно и жить безпечно,
Да-съ! поскользнетесь неравно!

На васъ вотъ тулупишко рваный,
Изъ сапоговъ носки глядятъ,
А вы намедни были пьяны....
Выходитъ, кто же виноватъ?»
— Охъ, знаю, другъ мой! Все я знаю!
Вѣдь пьетъ неволя иногда!
Ты думаешь, мнѣ нѣтъ стыда,
Что плутовствомъ я промышляю,
Хитрю, ѣмъ хлѣбъ чужой, какъ воръ? —
«Разсчетъ въ торговлѣ не укоръ....
Все это пустяки — и только,
На печкѣ хочется лежать!
На рынкѣ горько промышлять,
Ну-съ, а просить теперь — не горько?»
— Вѣстимо.... еслибы ты зналъ!
Осмѣянъ всѣми, обнищалъ,
Тутъ совѣсть не даетъ покою....
Зять! не пусти меня съ сумою!
Дай мнѣ подъ старость отдохнуть!
Поставь меня на честный путь!
Дай дѣло мнѣ! Господь порука —
Не буду пить и плутовать! —
«Привыкли-съ. Трудно перестать!
Вотъ, значитъ, вамъ впередъ наука....
На похороны помогу,
Насчетъ другаго-съ — не могу.»
— И съ бородою посѣдѣлой
Опять мнѣ грабить мужичковъ?
Пойми! ты доброе ли дѣло!
Неужто воръ я изъ воровъ!
Зять! Богомъ, значитъ, умоляю,
Подумай! Выручи! —

‹Опять!
Охота вамъ слова терять!
Нельзя-съ! По чести завѣряю....
Рубль серебра, извольте, дамъ.›
— Такъ я, выходитъ, по домамъ,
На тѣло мертвое сбираю....
Ну есть ли стыдъ въ тебѣ и честь?
Вѣдь я не нищій! я твой тесть!
Вѣдь я прошу не подаянья —
Взаемъ. Ты слышишь, или нѣтъ?
‹А я даю изъ состраданья,
Не то что.... да-съ! И мой совѣтъ:
Не надо брезгать.›

Саша встала.
Негодованія полна,
Казалось выросла она
И мужу съ твердостью сказала:
‹Я свой салопъ отдамъ въ закладъ —
И мать похороню!›

— Чудесно-съ!
Гм.... дочка нѣжная.... извѣстно-съ....
Хэ-хэ! Бываетъ — не велятъ! —
‹Ну, если такъ, найду другое....
Вотъ обручальное кольцо....›
И Саши блѣдное лицо
Покрылось краскою.

— Пустое!
Не смѣешь, значитъ! —

‹Саша, Саша!
Оставь! схоронимъ какъ-нибудь!› —
Отецъ сказалъ.

— Нѣтъ, воля ваша!
Ужь у меня изныла грудь
Отъ этой жизни!.... я молчала....
Онъ мягко стелетъ, жестко спать....
Пусть бьетъ! я не хочу скрывать!
Больною мать моя лежала,
Я мать провѣдать не могла!
Боится — столяра увижу.... —
«Столяръ мнѣ что? молва была....
Онъ плутъ! плутовъ я ненавижу.
Мужъ хоть и лыкомъ шитъ, — люби,
Да знай стряпню, да не груби,
На то жена!»

— О, будь увѣренъ!
Я буду стряпать и молчать!
Но подъ замкомъ себя держать
Я не позволю!.... —

«Не намѣренъ....
Нельзясъ-съ, законная жена....
А мужа ты любить должна —
Вотъ только!»

Саша улыбнулась.
Мужъ отъ улыбки поблѣднѣлъ,
Но вмигъ собою овладѣлъ.
«Все вздоръ! изъ пустяковъ надулась!
Объ этомъ мы поговоримъ
Наединѣ-съ.... А вотъ роднымъ
Поможемъ. Нужно — и дадимъ.
Держите, батенька, Богъ съ вами!

Тесть, молча, подаянье взялъ —
И точно память потерялъ:

Пошевелилъ слегка губами,
На зятя кинулъ мутный взоръ
И крупный потъ на лбу отеръ.
«А вамъ пора за умъ приняться!
Прибавилъ зять: вы нашъ родной,
Не съ поля вихорь, не чужой.
А съ пьянымъ нечего мнѣ знаться.

Старикъ съ поклономъ вышелъ вонъ.
О чемъ-то, бѣдный, думалъ онъ?
Но вѣрно думою печальной
Былъ возмущенъ: на рынокъ шелъ —
И, Богъ вѣсть почему, забрелъ
Въ какой-то переулокъ дальной;
Опомнившись, взглянулъ кругомъ —
И зятя назвалъ подлецомъ.

Добычи рыночной остатокъ,
Давно Лукичъ рублей десятокъ
Въ жилетѣ плисовомъ берегъ.
Теперь вотъ зять ему помогъ,
На все достало, слава Богу!
Купилъ онъ ладону, свѣчей,
Изюму, меду, калачей,
Вина, — конечно, по немногу;
Поденьщиковъ приговорилъ
Могилу рыть и гробъ купилъ.
Принесъ его въ свою избушку,
Перекрестился, крышку снялъ,
На днѣ холстину разостлалъ,
Съ молитвой положилъ старушку,

Съ молитвою свѣчу зажегъ. —
И сѣлъ въ раздумьи въ уголокъ.
Курился ладонъ. Все молчало.
Играло солнце на стѣнѣ,
Бѣлѣлись свѣчи на окнѣ,
Стекло алмазами сверкало,
Старушка, мнилося, спала, —
Такъ въ гробѣ хороша была!
«Вотъ, думалъ онъ, вотъ жизнь-то наша!
Не даромъ сказано, что цвѣтъ,
Ногою смялъ, — его и нѣтъ.
Умру и я, умретъ и Саша,
И ни одна душа потомъ
Меня не вспомнитъ.... Боже, Боже!
А вѣдь и я трудился тоже,
Весь вѣкъ и худомъ и добромъ
Сбивалъ копѣйку. Зной и холодъ,
Насмѣшки, брань, укоры, голодъ,
Побои — все переносилъ!
Изъ-за чего? Ну что скопилъ?
Тулупъ остался да рубаха,
А кралъ безъ совѣсти и страха!
Охъ, горе, горе! Вѣдь метла
Годится въ дѣло! что же я-то?
Что я-то сдѣлалъ кромѣ зла?
Вотъ свѣчи.... гробъ.... гдѣ это взято?
Крестьянинъ мужичекъ-бѣднякъ
На пашнѣ пòтомъ обливался
И продалъ рожь.... а я кулакъ,
Я, пьяница, не побоялся,
Не постыдился никого,
Какъ воръ безсовѣстный, обмѣрилъ,
Ограбилъ, осмѣялъ его —
И смертной клятвою увѣрилъ,

Что я не плутъ!... Все терпитъ Богъ!...
Вотъ зять, какъ нищему, помогъ....
Въ глазахъ мутилось, сердце ныло, —
Я въ поясъ, кланялся, просилъ!...
А вѣдь и я добро любилъ,
Оно вѣдь дорого мнѣ было!
И смѣлъ, и молодъ, помню, разъ
Въ грозу и въ нéпогодь весною
Я утопающаго спасъ.
Когда онъ съ мокрой головою,
Нагой, на берегу лежалъ,
Открылъ глаза, пошевелился
И крѣпко руку мнѣ пожалъ....
Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ,
И радостно перекрестился!
И все пропало! Все забылъ!....»

И голову онъ опустилъ;
И, задушить его готова
Вся мерзость прожитая, снова,
Съ укоромъ грознымъ передъ нимъ,
Стояла призракомъ нѣмымъ.

Бѣднякъ! бѣднякъ! печальной доли
Тебя урокъ не возмутилъ!
Своихъ цѣпей ты не разбилъ,
Послушный рабъ безсильной воли!
Ты понималъ, что честный трудъ
И путь иной тебѣ возможенъ,
Что ты добра живой сосудъ,
Не совершенно уничтоженъ;
Ты плакалъ и на помощь звалъ....
Подхваченный нужды волнами,
Въ послѣднiй разъ взмахнулъ руками —
И въ грязномъ омутѣ пропалъ.

XXI.

Бѣгутъ часы, идутъ недѣли,
Чредѣ обычной нѣтъ конца!
Кричитъ младенецъ въ колыбели,
Несутъ въ могилу мертвеца.
Живи, трудись, людское племя,
Вопросы мудрые рѣшай,
Сырую землю удобряй
Своею плотью!... Время, время!
Когда твоя устанетъ мочь?
Какъ страшный жерновъ день и ночь,
Вращаясь силою незримой,
Работаешь неудержимо
Ты въ Божьемъ мірѣ. Дѣла нѣтъ
Тебѣ до нашихъ слезъ и бѣдъ!
Ихъ доля — вѣчное забвенье!
Ты дашь широкій оборотъ —
И ляжетъ прахомъ поколѣнье,
Другое очереди ждетъ!

Прошло два года. Дымъ столбами
Идетъ изъ трубъ. Снѣгъ порошитъ.
Чуть солнце сквозь туманъ глядитъ,
Не грѣя блѣдными лучами.
Старушка добрая, зима
Покрыла шапками дома.
Заутра Рождество Святое.
Санями рынокъ запруженъ,
Торговлей шумной оживленъ.
Желудка рабъ, какъ все живое,
Народъ кишитъ вокругъ цыплятъ,
Гусей, свиней и поросятъ.

«Пошелъ налѣво!» торопливо
Скобѣевъ кучеру кричитъ
И палкой нищему грозитъ:
«Ты что присталъ?» Но вдругъ учтиво
Кивнулъ кому-то головой:
«Деревня Долбина за мной!
Съ торговъ.... поздравьте!..» — Ой, пропала!
Ахъ, чтобъ вамъ не было добра!
Вотъ мужичье!... — Мать столяра
Едва подъ лошадь не попала,
Къ горшкамъ съ кумою отошла,
Бесѣду снова повела:
— И говорю я это сыну:
«Оставь, молъ, ты свою кручину!
Нѣтъ! Долго Сашу вспоминалъ!
И вотъ что было — запивалъ!
Теперь ни-ни! Взялся за дѣло....
Поди ты! не женю никакъ,
Прошу, прошу, — такой дуракъ!
Вишь рано.... время не приспѣло....
Да вретъ онъ! Это ничего!
Ужь уломаю я его!»

Вотъ и столяръ. Его походка
Размашиста. Тулупъ косматъ.
Пробилась русая бородка,
И веселъ соколиный взглядъ;
Лицо отъ холода краснѣетъ,
На кудряхъ иней. Впереди
Толпа зѣвакъ; Она густѣетъ.
Бѣднякъ-Лукичъ посереди.
Мужикъ съ курчавой бородою,
Взбѣшенный, жилистой рукою,
Его за шиворотъ держалъ,

И больно билъ, и повторялъ:
«Вотъ этакъ съ вами! этакъ съ вами!»
Старикъ постукивалъ зубами,
Халатъ съ разорванной полой,
Отъ вѣтра въ воздухѣ мотался,
И кровь на бородѣ сѣдой
Застыла каплями....

«Попался!
Кричалъ народъ: тряхни его!
Тряхни получше! ничего!»
— Не бей по шапкѣ! Одурѣетъ!
«Не смѣетъ бить! На это судъ,
Расправа, значитъ.... бить не смѣетъ!»
— Валяй! Тамъ послѣ разберутъ! —
Но вдругъ столяръ рукою смѣлой
Толпу раздвинулъ: «Стой! за что?»
— А не обвѣшивай! за то....
Мужикъ отвѣтилъ: наше дѣло!
Я продалъ шерсть, а онъ того....
Обвѣсилъ — вонъ-щò! —

«Брось его!
Ты кто? Разбойникъ? Смѣешь драться?
Не знаешь — отдерутъ кнутомъ!
Чего ты, Карпъ Лукичъ? Пойдемъ!»
— Проваливай! Не станемъ гнаться!
Вотъ незамай онъ покряхтитъ:
Въ бокахъ-то у него лежитъ! —

«Эхъ, съ этимъ не дошло до драки!
Жалѣли, расходясь, зѣваки;
А молодецъ куда горячъ!
И статенъ! то-то, чай силачъ!»

«Сосѣдъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно!
Столяръ дорогой говорилъ:
Весь помертвѣлъ.... лица не видно....
Что завтра? Вспомни!»

— Согрѣшилъ!
Обвѣсилъ.... не во что одѣться....
Озябъ.... и нечѣмъ разговѣться. —
«А зять?...»

— Мошенникъ! Охъ, продрогъ! —
«Ну, Саша?»

— Саша помогаетъ....
Въ постели.... кровью все перхаетъ....
Охъ, больно!... Заложило бокъ....
«Эхъ, Карпъ Лукичъ!»

— Молчи! я знаю!
Сгубилъ я дочь свою, сгубилъ! —
«Нѣтъ, я не то.... не попрекаю.
Мнѣ жаль тебя: сосѣдомъ былъ....
Бѣдняга! Выгнали изъ дома....
Да ты идешь едва-едва.
Квартира гдѣ?»

— У Покрова.
Не топлена. Постель — солома.
Привыкъ, къ примѣру... Охъ, продрогъ! —
«Слышь, Карпъ Лукичъ! Ты не сердися....
Вотъ деньги есть. Не откажися,
Возьми на праздникъ. Видитъ Богъ,
Даю изъ дружества. Вѣдь хуже
Обманывать, дрожать на стужѣ....

Возьми, пожалуйста, сосѣдъ!
Ну хоть взаемъ.... какъ знаешь!»

— Нѣтъ!
Я виноватъ передъ тобою:
Ты съ Сашей росъ.... —

«Оставь! пустякъ!
Угодно было Богу такъ.
Возьми! Ты, слышь, не спорь со мною:
Въ карманъ насильно положу,
Вотъ на!... и руки подержу.»
— Покинь! Мнѣ стыдно! —

«Знаю, знаю!
А ты не вынимай назадъ:
Я, что родному, помогаю,
Не то что, значитъ.... чѣмъ богатъ!
Утри-ко лучше кровь полою,
Неловко.... Стой! Господь съ тобою!
Ты плачешь?»

— Ничего. Пройдетъ.
Я такъ. Озябъ. Вода течетъ....
Сегодня въ воровствѣ поймали,
Прибили.... милостыню дали....
А дочь.... Проклятый зять! Прощай! —
«Да брось его! не понимай!
Вотъ завтра праздникъ, дѣлъ-то мало,
Ты завернешь въ мой уголокъ,
Мы потолкуемъ, какъ бывало,
Ну, да! Присядемъ за пирогъ....
Ты просто приходи къ обѣду:
Равно!» И старому сосѣду

Онъ руку дружески пожалъ
И на прощаньи шапку снялъ.

Лукичъ съ разорванной полою
Побрелъ одинъ. Взглянулъ кругомъ
Знакомыхъ нѣтъ; махнулъ рукою —
И завернулъ въ питейный домъ.

Прощай, Лукичъ! Не разъ съ тобою,
Когда мой домъ объятъ былъ сномъ,
Сидѣлъ я грустный за столомъ,
Подъ гнетомъ думъ, ночной порою!
И мнѣ по твоему пути,
Пришлось бы, можетъ быть, идти,
Но я избралъ иную долю....
Какъ узникъ, я рвался на волю....
Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!
Во благо-ль? Небесамъ извѣстно....
Но блага я просилъ у нихъ!
Не ради шутки, не отъ скуки,
Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ —
Я воплощалъ боль сердца въ звуки!
Моей душѣ была близка
Вся грязь и бѣдность кулака!
Мой братъ! никто не содрогнется,
Теперь взглянувши на тебя!
Пройдетъ, быть можетъ, посмѣется,

Потѣху пошлую любя....
Ты сгибъ, но велика-ль утрата?
Васъ много. Тысячи кругомъ,
Какъ ты, погибли подъ ярмомъ
Нужды, невѣжества, разврата!
Придетъ ли наконецъ пора,
Когда блеснутъ лучи разсвѣта;
Когда зародыши добра,
На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, согрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторичный плодъ;
Когда минетъ проказа вѣка
И воцарится честный трудъ,
Когда увидимъ человѣка —
Добра божественный сосудъ?...

ПОѢЗДКА НА ХУТОРЪ.

ПОѢЗДКА НА ХУТОРЪ.

(Отрывокъ изъ поэмы «Городской Голова»*)

Ужь кони у крыльца стояли.
Отъ нетерпѣнья коренной
Сухую землю рылъ ногой;
Порой бубенчики звучали.
Семенъ сидѣлъ на облучкѣ,
Въ рубашкѣ красной, кнутъ въ рукѣ;
На упряжь гордо любовался,
Глядѣлъ, глядѣлъ — и засмѣялся,
Вслухъ кореннаго похвалилъ
И шляпу на бокъ заломилъ.
Ворота настежь отворили,
Семенъ присвистнулъ, — туча пыли
Вслѣдъ за конями понеслась,
Не догнала — и улеглась.

По всей степи — ковыль, по краямъ — все туманъ.
Далеко, далеко отъ кургана курганъ,
Облака въ синевѣ бѣлымъ стадомъ плывутъ.
Журавли въ облакахъ перекличку ведутъ.
Не видать ни души. Тонетъ въ золотѣ день.
Пробѣжать по травѣ вѣтру сонному лѣнь.
А цвѣты-то-цвѣты! какъ живые стоятъ,
Улыбаются, глазки на солнце глядятъ,

*) Напечатана въ «Русскомъ Словѣ» 1859 г. V кн. стр. 1—8.

Словно рѣчи ведутъ, какъ ихъ жизнь коротка,
Коротка да безъ слезъ, отъ заботъ далека.
Вотъ и рѣчка.... не вѣрь! то подъ жгучимъ лучемъ
Отливается тонкій ковыль серебромъ.
Высоко, высоко въ небѣ точка дрожитъ,
Колокольчикъ веселый надъ степью звенитъ,
Въ ковылѣ гудовень — и поютъ и жужжатъ,
Раздаются свистки, молоточки стучатъ;
Средь дорожки глухой пыль столбомъ поднялась,
Закружилась, въ широкую стень понеслась....
На всѣ стороны путь: ни лѣсочка, ни горъ!
Необъятная гладь! неоглядный просторъ!

Мчится тройка, изъ упряжи рвется,
Не смолкаетъ бубенчиковъ звонъ,
Облачко за телѣгою вьется,
Ходитъ кругомъ земля съ двухъ сторонъ,
Путь-дорожка назадъ убѣгаетъ,
А курганы заходятъ впередъ;
Лучъ горячій на бляхахъ играетъ,
То подкова, то шина блеснетъ,
Кучеръ къ мѣсту какъ-будто прикованъ,
Руки вытянулъ, возжи въ рукахъ,
Синей степью сѣдокъ очарованъ —
Любо сердцу, душа вся въ очахъ.

Не погоняй, Семенъ! устали!
Хозяинъ весело сказалъ, —
Но кони съ версту пробѣжали,
Пока ихъ кучеръ удержалъ.
Лѣниво катится телѣга,
Хруститъ подъ шинами песокъ;
Вздохнетъ и стихнетъ вѣтерокъ;
Надъ головою блескъ и нѣга.

Воздушный продолжая бѣгъ,
Сверкаютъ облака, какъ снѣгъ.
Жара. Вотъ оводъ закружился,
Гудетъ, на коренную сѣлъ;
Съ просонокъ кучеръ изловчился, —
Хвать кнутовищемъ — улетѣлъ!
Ну, погоди! — Передъ глазами
Мелькаютъ пестрые цвѣты.
Умъ занятъ прежними годами,
Иль праздно погруженъ въ мечты;
Евграфъ вздохнулъ. Воображенье
На память дѣтство привело:
Въ просторной комнатѣ свѣтло;
Складовъ томительное чтенье
Тоску наводитъ на него.
За дверью шумъ: отецъ его
Торгуетъ что-то.... Слышны споры,
О дегтѣ, лыкахъ разговоры,
И серебра и рюмокъ звонъ....
А садъ сіяньемъ затопленъ....
Тамъ зелень, листьевъ трепетанье,
Тамъ лепетъ, пѣнье и жужжанье —
И голоса ему звучатъ:
Иди-же въ садъ! иди-же въ садъ! —
Вотъ онъ въ гимназію отправленъ,
Подросъ и умный ученикъ;
Но какъ-то нелюдимъ и дикъ,
Кружкомъ товарищей оставленъ.
День сѣрый. Въ классѣ тишина.
Вопросъ учитель предлагаетъ;
Евграфъ удачно отвѣчаетъ,
Восторга грудь его полна.
Наставникъ строго замѣчаетъ:
«Мѣщанскій выговоръ у васъ!»

И весело хохочетъ класъ. —
Евграфъ блѣднѣетъ. — Вотъ онъ дома:
Ему торговля ужь знакома.
Но, Боже! эти торгаши!...
Но это смрадное болото,
Гдѣ ихъ умомъ, душой, работой
До гроба двигаютъ гроши!
Гдѣ все безсмысленно и грязно.
Гдѣ все коснѣетъ и гніетъ!...
Тамъ ужасъ сердце обдаетъ!
Тамъ вѣетъ смертью безобразной!...
Но, вотъ знакомый изволокъ.
Ужь видѣнъ хуторъ одинокой.
Затерянный въ степи широкой.
Какъ въ синемъ морѣ островокъ.
Гумно заставлено скирдами.
Передъ избою на шестѣ
Бадья заснула въ высотѣ;
Полусклоненными столбами
Подперта рига. Тамъ — вдали
Волы у стога прилегли.
Вокругъ безлюдье. Жизни полны,
Безъ отдыха и безъ слѣда,
Бѣгутъ, бѣгутъ, Богъ вѣсть — куда.
Цвѣтовъ и травъ, и свѣта волны....

Семенъ къ крылечку подкатилъ
И тройку ловко осадилъ.
Собака съ лаемъ подбѣжала,
Но дорогихъ гостей узнала.
Хвостомъ махая, отошла
И на заваленкѣ легла.
Евграфъ прикащика Федота
Засталъ въ расплохъ. За творогомъ

Сидѣлъ онъ съ заспаннымъ лицомъ.
Его печаль, его забота,
Жена смазливая — въ углу
Цыплятъ кормила на полу,
Лѣнтяемъ мужа называла,
Но вдругъ Евграфа увидала,
Смутясь, вскочила въ торопяхъ
Съ густымъ румянцемъ на щекахъ.

Прикащикъ бормоталъ невнятно:
«Здоровы ль? Оченно пріятно!»
Кафтанъ поспѣшно надѣвалъ
И въ рукава не попадалъ.
«Эй, Марья! Ты бы хоть покуда....
Слѣпа! творогъ-то прибери!
Да пыль-то съ лавки, пыль сотри!...
Эхъ, баба!.. Кши!.. пошли отсюда!
А я того-съ.... велѣлъ пахать....
Вотъ гречу будемъ засѣвать».
Евграфъ сказалъ: «давно бы время!»
Въ амбаръ прикащика повелъ
И гречу указалъ на сѣмя,
Всѣ закрома съ нимъ обошелъ;
Въ овесъ, и въ просо, и въ пшеницу
Глубоко руку погружалъ, —
Все было сухо. Приказалъ
Смѣнить худую половицу
И, выходя, на хлѣвъ взглянулъ,
Федота строго упрекнулъ:
«Эхъ, братъ! навозу поколѣни...
За чѣмъ ты смотришь?»

— Все дѣла!
Запущенъ, знамо, не отъ лѣни....

Кобыла, жаль, занемогла! —
«Какая шерстью?»

— Вороная. —
Евграфъ конюшню отворилъ,
Прикащикъ лошадь выводилъ.
Съ боками впалыми, больная,
Тащилась, чуть переступая.
«Хорошъ присмотръ! опоена!»
Ему, знать, черти разсказали,
Прикащикъ думалъ. — Нѣтъ-съ, едва-ли?
Мы смотримъ. Оттого больна —
Не любитъ домовой. Бываетъ,
На ней всю ночь онъ разъѣзжаетъ
По стойлу; поутру придешь, —
Такъ у бѣдняжки потъ и дрожь. —
Евграфъ вспылилъ. «Вѣдь вотъ мученье!
Найдетъ хоть сказку въ извиненье!»

Но, проходя межами въ полѣ,
Казалось, онъ вздохнулъ на волѣ,
Свою досаду позабылъ
И всходы зелени хвалилъ.
Прикащикъ разводилъ руками.
«Распашка много-съ помогла....
Вотъ точно пухъ земля была, —
Такъ размягчили боронами!»
— Гдѣ овцы? Я ихъ не видалъ. —
«Вонъ тамъ.... гдѣ кустъ-то на курганѣ.»
Но взоръ Евграфа замѣчалъ
Лишь пятна сѣрыя въ туманѣ;
Что жь! ночью можно отдохнуть —
И онъ къ гурту направилъ путь.

Заснула степь, прохладой дышитъ.
Въ огнѣ зари полъ-неба пышитъ.
Полъ-неба въ сумракѣ виситъ,
По тучамъ молнія блеститъ;
Проворно крыльями махая,
Съ тревожнымъ крикомъ въ вышинѣ
Степныхъ гостей несется стая.
Маячитъ всадникъ въ сторонѣ,
Промчался конь, — хвостомъ и гривой
Играетъ вѣтеръ шаловливой,
При зорькѣ пыль изъ-подъ копытъ
Румянымъ облакомъ летитъ.
Не слышнымъ шагомъ ночь подходитъ.
Не мнетъ травы, — и вотъ она
Легла, недвижна и темна,
Молчаньемъ чуткимъ страхъ наводитъ....
Вотъ снова блескъ — и грянулъ громъ.
И степь откликнулась кругомъ.

Евграфъ къ избушкѣ торопился.
Прикащикъ слѣдомъ поспѣшалъ;
Барбосъ ихъ издали узналъ,
На встрѣчу весело пустился,
Но вдругъ на вѣтеръ поднялъ носъ.
Вдали послышавъ скрипъ колесъ —
И въ степь шарахнулся.

За щами,
Румянъ и пòтомъ окропленъ,
Межъ тѣмъ посиживалъ Семенъ,
Его веселыми рѣчами
Была прикащика жена
Чуть не до слезъ разсмѣшена.
«Эхъ, Марья Львовна! Ты на волю

Сама недавно отошла,
Ты, значитъ, въ милости была
У барина: и чаю въ волю
Пила, и все.... А я какъ пёсъ,
Я какъ щенокъ, средь дворни росъ;
Ѣлъ, что попало. Съ тумаками
Всей барской челяди знакомъ.
Отецъ мой, знаешь, былъ псаремъ,
Да умеръ. Баринъ жилъ на-славу:
Давалъ пиры, держалъ собакъ,
Чужой-ли, свой-ли, — чуть не такъ,
Своей рукой чинилъ расправу.
Жилъ я, не думалъ, не гадалъ,
Да въ музыканты и попалъ.
Ну, воля барская, извѣстно....
Ужь и пришло тогда мнѣ тѣсно!
Одѣли, выдали фаготъ, —
Играй! Бывало — потъ пробьетъ,
Что силы дую, — все не складно!
Растянутъ, выдерутъ изрядно, —
Опять играй! Да цѣлый годъ
Такимъ порядкомъ дулъ въ фаготъ!
И вдругъ въ отставку: не годился!
Я радъ, — молебенъ отслужилъ,
Да, видно, много согрѣшилъ:
У насъ ахтеръ вина опился —
Меня въ ахтеры.... Стало, — рокъ!
Пошла мнѣ грамота не впрокъ!
Бывало, что: рога приставятъ,
Твердить на память рѣчь заставятъ,
Ошибся — въ зубы! Въ гробъ-бы легъ, —
Евграфъ Антипычъ мнѣ помогъ.
Я, значитъ, зналъ его довольно,
Ну, вижу — добръ; давай просить:

«Нельзя ль на волю откупить?»
Вѣдь откупилъ! А было больно! —

Евграфъ за ужинъ не садился;
И не хотѣлъ, и утомился,
И свѣчку сальную зажегъ,
На лавку въ горенкѣ прилегъ.
Разъ десять Марья появлялась,
Скользилъ платокъ съ открытыхъ плечъ,
Лукавы были взглядъ и рѣчь,
Тревожно грудь приподнималась,
Евграфъ лежалъ къ стѣнѣ лицомъ
И думалъ вовсе о другомъ.
Носилась мысль его безъ цѣли,
Едва глаза онъ закрывалъ,
Въ степи ковыль припоминалъ,
Надъ степью облака летѣли;
То снова вздоръ о домовомъ
Въ ушахъ, казалось, раздавался,
Прикащикъ глупо улыбался....
«Гм.... Знахарь нуженъ-съ. Мы найдемъ....»
Взялся читать,—въ глазахъ пестрѣло,
Вниманье скоро холодѣло,
Но постепенно увлеченъ,
Забылъ онъ все, забылъ и сонъ.

Ужь пѣтухи давно пропѣли.
Надъ свѣчкой вьется мотылекъ;
Кругъ свѣта палъ на потолокъ,
И тишь, и сумракъ вкругъ постели;
По стекламъ красной полосой
Мелькаетъ молнія порой,
И вѣтеръ ставнемъ ударяетъ...
Евграфъ страницу пробѣгаетъ,

Его душа потрясена,
И что за пѣснь ему слышна!

«Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву....»
Стоитъ Дездемона, снимаетъ уборъ,
Чело наклонила, потупила взоръ:
«Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву....»
Блѣдна и прекрасна, въ тоскѣ замираетъ,
Печальная пѣсня изъ устъ вылетаетъ:
«Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву!
Зеленая ива мнѣ будетъ вѣнкомъ....»
И падаютъ слезы съ послѣднимъ стихомъ.

Уходитъ ночь, разсвѣтъ блеснулъ,
И наконецъ Евграфъ уснулъ.

ТАРАСЪ.

14*

ТАРАСЪ.

I.

Нужда, нужда! Все старыя избенки,
Въ избенкахъ сырость, темнота;
Изъ-за куска и грязной одеженки
Всѣ бьются.... прямо нищета!

Не весела ты, глушь моя родная!
Поникли ивы надъ рѣкой,
Молчитъ, дорожка, травкой заростая,
И бродитъ людъ, какъ испитой.

Вотъ ужь вечеръ идетъ,
Росой травку кропитъ;
Въ синихъ тучахъ заря,
Разъигралась — горитъ.

Золотые дворцы
По-надъ лѣсомъ плывутъ.
Золотые сады
За дворцами ростутъ.

Чрезъ синюю глубь
Мостъ янтарный виситъ,

Изъ-за темныхъ дубовъ,
Ночь-царица глядитъ,

Вздохи — чары и лѣнь
Разлеглись на цвѣтахъ,
Огоньки по травѣ
Зажигаютъ въ потьмахъ.

Вотъ за горкой крутой
Колокольчикъ запѣлъ,
На горѣ призатихъ,
Подъ горой зазвенѣлъ.

Зазвенѣлъ по селу,
Въ чистомъ полѣ поетъ,
На широкій просторъ
Думу-сердце зоветъ...

Житье, житье! закованъ точно въ цѣпи
Молчи, да чахни отъ тоски...
Эхъ, если бы махнуть мнѣ на Донъ въ степи,
Или на волгу въ бурлаки!

Такъ изнывалъ Тарасъ отъ думъ-заботы,
И грезя про чужую даль,
Онъ шелъ межами съ полевой работы,
Домой на горе и печаль.

II.

Тарасу съ дѣтства приходилось жутко:
Отецъ его былъ строгъ и крутъ,
Женѣ побои называлъ онъ шуткой,
И называлъ наукой кнутъ.

Бывало, котъ подъ ноги подвернется,—
Кота полѣномъ.... «будь уменъ!»
Храни Господь, когда вина напьется,
Бѣги семья изъ дома вонъ.

Пристанетъ къ гостю, крѣпко обнимаетъ,
Цѣлуетъ: «другъ мой дорогой!»
«Я вотъ тебѣ....» И въ ноги упадаетъ.
Гость скажетъ: «вотъ чудакъ какой!»

— «Кто, я чудакъ? А, ты мужикъ богатый!
Не любишь знаться съ бѣднякомъ!
Такъ нà-вотъ! помни, лапотникъ проклятый»,
И друга хватитъ кулакомъ.

Испуганный, сынишко встрепенется
И матери тайкомъ шепнетъ:
«Охъ, матушка! опять отецъ дерется.....
«Уйдемъ! онъ и тебя прибьетъ....»

— «Ступай-ко за грибами, вотъ лукошко,
Отвѣтитъ мать; тутъ хлѣбъ лежитъ....»—
И въ темный лѣсъ знакомою дорожкой
Мальчишка бѣгомъ побѣжитъ.

И тамъ онъ ляжетъ на травѣ росистой.
Прохлада, сумракъ. Вотъ запѣлъ
Зеленый чижъ подъ липою душистой;
Вотъ дятелъ на березу сѣлъ

И застучалъ. Вотъ заяцъ по тропинкѣ
Пронесся — и ужь слѣду нѣтъ.
Тутъ стрекоза вертится на былинкѣ;
По листьямъ жукъ ползетъ на свѣтъ.

Тревожно шепчетъ робкая осина,
Сквозь зелень, видны вдалекѣ
Уснувшихъ водъ зеркальная равнина,
Рыбакъ съ сѣтями въ челнокѣ.

Стада овецъ, луга, пески, заливы,
Въ водѣ и подъ водой лѣса,
За берегами золотыя нивы,
Вокругъ — въ сіяньи небеса.

И очарованъ звуками лѣсными,
Цвѣтокъ дыханьемъ упоенъ,
Ребенокъ грезитъ снами золотыми,
Весь въ слухъ и зрѣнье превращенъ.

Когда корой прозрачною и тонкой
Синѣла, въ осень, гладь озеръ,
Иной пріютъ манилъ къ себѣ ребенка, —
Сосѣда постоялый дворъ.

Тамъ бурлаки порой ночлегъ держали,
Или гуляки-косари,
Про степь и Волгу пѣсни распѣвали,
Всю ночь до утренней зари.

И за̀ сердце хваталъ напѣвъ унылый.
Вдругъ свистъ.... и вскакивалъ бурлакъ —
«Пой веселѣй!...» И пѣсня съ новой силой
Неслась, какъ вихрь... «Дружнѣй! вотъ такъ!..»

И свистомъ покрывался звукъ жилѣйки,
И полъ отъ топота гудѣлъ,
И прыгалъ столъ, и прыгали скамейки....
Ребенокъ слушалъ и смотрѣлъ.

И брань отца была ему больнѣе,
Когда домой онъ приходилъ,
И уголокъ родной глядѣлъ скучнѣе,
И онъ, Богъ вѣсть о чемъ, грустилъ.

III.

Прошли года. И на дворѣ и въ полѣ
Тарасъ работникъ хоть куда,
И головы не клонетъ въ темной долѣ
Ни передъ кѣмъ и никогда.

Чуть міроѣдъ на бѣдняка наляжетъ, —
Тарасъ ужь тутъ. Глаза блестятъ,
Лицо блѣднѣетъ.... «Ты не трогай!» скажетъ,
«Не бей лежачихъ!... не велятъ!...»

«Ты кто такой?...» И мѣряетъ глазами
Нахала съ головы до ногъ.
Отецъ махнетъ съ досадою руками;
«Не сдобровать тебѣ, сынокъ!

«Подрѣжутъ крылья!.. такъ оно бываетъ...»
Надвинетъ шапку и пойдетъ,
И въ кабакѣ до темной ночи пропадаетъ;
Домой насилу добредетъ.

«Ну, кто тутъ? Эй, жена! зажги лучину!
«Я шапку пропилъ.... да! смотри.
Весь вѣкъ работалъ.... ну, пора и сыну
Работать.... чортъ васъ побери!

«Весь вѣкъ пахалъ.... все нищій.... чтожь
работа?
Вѣстимо такъ. И хлѣбъ и квасъ —
Мы все добудемъ! Важная забота!
Ну, пьянъ. Никто мнѣ не указъ!»

И въ уголокъ свои деньжонки спрячетъ,
Забудетъ, — и давай искать;
Кричитъ: «разбой!» и охаетъ и плачетъ:
«Ты воръ, Тарасъ! не смѣй! молчать!»

«Ты воръ! будь проклятъ! сохни, какъ лучина!»
Стоитъ, ни слова сынъ въ отвѣтъ;
Въ его глазахъ угрюмая кручина,
Въ его лицѣ кровинки нѣтъ.

Сидитъ на лавкѣ бѣдная старушка,
Лицо слезами облито.
И такъ печальна бѣдная избушка,
Что ни глядѣлъ бы ни на что.

Ужь разсвѣтаетъ. Тучки краской алой
Покрыты. Закраснѣлся прудъ,
И весело подъ кровлей обветшалой
Пѣвуньи ласточки снуютъ.

Въ дали туманъ рѣдѣетъ надъ лугами.
Вотъ слышны: рѣзкій скрипъ воротъ
И голосъ бабы: «поѣзжай межами,
Тамъ перелѣскомъ путь пойдетъ...»

— «Эхъ-ма, ужь день!» Тарасъ тряхнетъ
кудрями,
«Ну, видно, послѣ, молъ поспишь....»

И вотъ съ сохою ѣдетъ онъ полями;
Дорога — скатерть, въ полѣ — тишь;

Надъ лѣсомъ солнце золотомъ сверкаетъ,
И птичка въ вышинѣ поетъ,
Звенитъ, поетъ и устали не знаетъ....
И парень пѣсню заведетъ.

И грустно, грустно эта пѣсня льется.
Онъ ѣдетъ лугомъ — будитъ лугъ,
Онъ ѣдетъ лѣсомъ — темный лѣсъ проснется
И съ нимъ поетъ, какъ старый другъ.

Заря погасла. Кончена работа.
Уснуть бы, кажется, пора,
Да спать-то парню не даетъ забота —
Коней ведетъ онъ со двора

Поить.... И шляпу на бекрень надѣнетъ,
Ворота настежъ распахнетъ,
По улицѣ, посвистывая, ѣдетъ,
А за угломъ — подруга ждетъ.

Кругомъ безлюдно. Тепелъ лѣтній вечеръ.
Рѣка при мѣсяцѣ блеститъ.
И знаетъ только перелетный вѣтеръ,
Чтó парень съ милой говоритъ.

Печальна жизнь, печальна съ милой встрѣча:
Она поникла головой,
Въ отвѣтъ на ласки не находитъ рѣчи,
Стоитъ и парень самъ-не свой.

«Я самъ не радъ, голубка дорогая!
«Какъ мнѣ жениться на тебѣ?

«Свяжу тебя, свяжу себя, родная....
«Гнѣзда не вить ужь мнѣ себѣ.

Мнѣ тѣсно тутъ. Не связывай мнѣ воли.
Авось придутъ иные дни....
«А сгину гдѣ, безъ счастья и безъ доли, —
«Меня хоть ты-то не кляни!»

— На муку, вѣрно, отвѣчаетъ голосъ:
«Да на печаль я рождена,
«И пропаду, что одинокій колосъ,
«И все молчать, — молчать должна!

— Отецъ и мать мнѣ попрекнутъ тобою!
«Тамъ замужъ.... чахни отъ тоски!
«И всѣмъ-то будетъ воля надо мною
«Да гробовой моей доски!...»

«Не быть тому! добьюсь до красной доли!
«Не стать мнѣ силы занимать,
«И будешь ты и въ радости, и въ холѣ,
«И въ нѣгѣ вѣкъ свой вѣковать.»

IV.

Блестятъ, мерцаютъ звѣзды надъ полями.
Сосѣда грязная изба
Чуть не биткомъ набита косарями,
Въ избѣ веселая гульба.

Дымъ тютюна, жара.... Весь въ сажѣ черной,
Ночникъ мигаетъ надъ столомъ,
Трещитъ. И ходитъ по рукамъ проворно
Стаканъ, наполненный виномъ.

Поютъ и пляшутъ косари степные,
Кафтаны сброшены съ ихъ плечъ,
Растрепаны ихъ кудри молодые,
Смѣла размашистая рѣчь.

Тарасъ сидитъ угрюмый и печальный.
Онъ друга по-сердцу сыскалъ,
И про свою любовь къ сторонкѣ дальней,
И про тоску поразсказалъ.

«Эхъ, курица!» товарищъ крикнулъ громко:
«Тебѣ ль летѣть въ далекій путь!
«Связался тутъ съ какою-то дѣвчонкой,
«Боишься крыльями махнуть!

«Гулялъ бы ты, какъ я, соколъ, гуляю:
«Три года на Дону прожилъ,
«Теперь на Волгу лыжи направляю,
«Про домъ и думать позабылъ.»

И долго говорилъ косарь кудрявый,
И все хвалилъ степей просторъ,
Красу казачекъ, косарей забавы —
И пѣсней кончилъ разговоръ.

Тарасъ вскочилъ. Лицо его горѣло,
«Такъ здравствуй ты, чужая даль!
«Ну, — въ степь, такъ въ степь! Все сердце изболѣло!...
«Вина! Запьемъ свою печаль!...»

И взялъ онъ паспортъ, помолился Богу
И отдалъ старикамъ поклонъ:
«Благословите, молъ, родные, на дорогу,
«Такъ, значитъ, надобно: законъ».

Старикъ кричалъ, — ничто не помогало,
И плюнулъ наконецъ со зла.
Старушка къ сыну на плечо припала
И оторваться не могла.

«Касатикъ мой! мой голубь сизокрылый!
«Господь тебя да сбережетъ!...
«Заѣлъ тебя, заѣлъ отецъ постылый,
«Да и меня-то въ гробъ кладетъ».

— «Возьми-ка съ горя объ-стѣну убейся»,
Сказалъ ей мужъ: — «вишь обнялись!
«Ступай, сынокъ! ступай, какъ вихорь вейся,
«Какъ вихорь, по̀-свѣту кружись!...» —

V.

И распростясь съ родимыми полями,
Взявъ только косу со двора,
Пошелъ Тарасъ, съ котомкой за плечами,
Искать и счастья, и добра.

Одна заря смѣнялася другою,
За темной ночью день вставалъ,
Все шелъ косарь, все дальше за собою
Поля родныя оставлялъ.

Порой усталый на траву приляжетъ,
Горячій потъ съ лица отретъ,
Ремни котомки кожаной развяжетъ
И скудный завтракъ свой начнетъ.

На немъ отъ пыли платье почернѣло,
Въ клочкахъ подошвы сапоговъ,

Лицо его отъ солнца загорѣло,
Но какъ онъ веселъ и здоровъ!

Идетъ мой парень, а надъ нимъ порою,
Иль журавлей кружится цѣпь,
Иль пролетаютъ облака толпою,
И вотъ онъ углубился въ степь.

«О, Господи! что жь это за раздолье!
«А глушь-то.... степь да небеса.
«Трава, цвѣты — ужь, правда, тутъ приволье,
«Краса, что рай земной, краса!»

Межь тѣмъ трава клонилась, поднималась,
Ей вѣтеръ кудри завивалъ,
По этимъ кудрямъ тѣнь переливалась
И яркій лучъ перебѣгалъ.

Средь изумрудной зелени, какъ глазки,
Цвѣты глядѣли тутъ-и-тамъ,
По нимъ играли радужныя краски,
И кланялись цвѣты цвѣтамъ.

И голоса безъ умолку звучали:
Жужжанье, пѣсни, трескотня
Со всѣхъ сторонъ неслись, и утопали
Въ сіяньи солнечнаго дня.

Смеркается, — и говоръ затихаетъ,
Край неба въ полымя горитъ,
Ночь темная украдкой подступаетъ,
Степной травы не пробудитъ.

Зажглась звѣзда, зажглось ихъ много, много.
И мѣсяцъ въ сумракѣ блеститъ,

И снопъ лучей воздушною дорогой
Идетъ — и въ глубь рѣки глядитъ.

Все стихло, спитъ. Но степь какъ будто дышитъ,
Въ дремотѣ звуки издаетъ:
Вотъ, гдѣ-то свистъ далекій ухо слышитъ
И, кажется, чумакъ поетъ.

Рѣдѣютъ тѣни. Звѣзды пропадаютъ,
Въ огнѣ несутся облака
И, медленно, рѣдѣя, померкаютъ.
Трава задвигалась слегка.

Свѣтло. Вспорхнула птичка. Солнце встало,
Степь тонетъ въ золотомъ огнѣ,
И снова все запѣло, зазвучало
И на землѣ, и въ вышинѣ....

Вотъ въ сторонѣ станица показалась,
Стекломъ воды отражена,
Сидитъ на берегу; вся увѣнчалась
Садами темными она.

По зелени нескошенной равнины
Разсыпался табунъ коней.
Безлюдье, тишь. Холмовъ однѣ вершины
Оглядываютъ ширь степей.

Вошелъ Тарасъ въ станицу — и дивится:
Казачка, въ пестромъ колпакѣ,
На скакунѣ, ему на встрѣчу мчится
Съ баклагой круглою въ рукѣ.

Желтѣютъ гумна. Домики нарядно
Глядятъ изъ зелени садовъ.

Вотъ спитъ казакъ подъ тѣнью виноградной
И какъ румянъ онъ и здоровъ!

Ни грязныхъ бабъ въ понявахъ подоткнутыхъ,
Ни лицъ не видно испитыхъ,
И нѣтъ тутъ нищихъ блѣдныхъ, необутыхъ,
Калѣкъ и съ чашкими слѣпыхъ....

Какъ-разъ мой парень подоспѣлъ къ покосу,
Нанялся скоро въ косари.
«Ну, въ добрый часъ!» И наточилъ онъ косу
При свѣтѣ утренней зари.

Кипи, работа! Въ шляпѣ да въ рубахѣ
Идетъ махаетъ онъ косой,
Коса сверкаетъ и, при каждомъ взмахѣ,
Трава ложится полосой.

Тамъ — въ вышинѣ орелъ иль кречетъ вьется,
Иль туча крылья развернетъ,
И темный вихорь мимо пронесется, —
Тарасъ и коситъ — и поетъ....

Стога ростутъ. Покосъ къ концу подходитъ:
Степь засыпаетъ въ тишинѣ
И на сердце, нагая, грусть наводитъ....
Косарь не радъ своей казнѣ:

Такъ много нуждъ! Онъ пролилъ столько пота,
Казны такъ мало накопилъ....
Куда жь итти? Опять нужна работа,
Опять нужна растрата силъ!

Въ степи стемнѣло. Около дороги
Горятъ на травкѣ огоньки;

Въ густомъ лѣсу чернѣются треноги.
Висятъ на крючьяхъ котелки.

Въ водѣ пшено съ бараниной варится.
Усѣлись косари въ кружокъ,
И слышенъ говоръ: никому не спится,
И слышенъ изрѣдка рожокъ.

Вокругъ молчанье. Мѣсяцъ обливаетъ
Стоговъ верхушки серебромъ
И при огнѣ, изъ мрака выступаетъ
Шалашъ, покрытый камышомъ.

«Ну, не къ добру», сказалъ косарь плечистый,
«Умолкъ нашъ соловей степной!...
«А ну, Тарасъ.... Привстань съ травы росистой,
«Уважь, *лучинушку* пропой!

— «Ну, нѣтъ, дружище, что-то не поется.
«Гроза бы, что ли ужъ, нашла....
«Такая тишь, трава не пошатнется!
«Нѣтъ, лѣтомъ лучше жизнь была!»

— «Домой, пріятель, видно захотѣлось.
«Ты говорилъ: тутъ рай въ степяхъ!...»
«И былъ тутъ рай, да все ужь приглядѣлось;
«Работы нѣтъ, трава въ стогахъ....» —

И думалъ онъ: вотъ я и домъ покинулъ....
Была бы только жизнь по мнѣ,
Вѣдь, кажется, я-бъ гору съ мѣста сдвинулъ, —
Да что.... заботы все однѣ!...

Живется жь людямъ въ нуждѣ безъ печали!
Такъ наши дѣды жизнь вели,

Росли въ грязи, пахали да пахали.
Съ нуждою бились, въ гробъ легли.

И съ ними.... Точно смерть утѣха!
Ищи добра, броди въ потьмахъ,
Покуда, свѣту Божьему помѣха,
Лежитъ повязка на глазахъ....

Эхъ, ну васъ къ чорту, горькія заботы!
О чемъ тутъ плакать горячо?
Пойду туда, гдѣ болѣе работы,
Гдѣ нужно крѣпкое плечо.

VI.

Горитъ зоря. Румяный вечеръ жарокъ.
Румянецъ по рѣкѣ разлитъ.
Пестрѣютъ флаги плоскодонныхъ барокъ,
И людъ на пристани кишитъ.

Въ высокихъ шапкахъ чумаки съ кнутами,
Татаринъ, съ бритой головой;
Въ бешметѣ съ откидными рукавами
Курчавый грекъ, цыганъ сѣдой,

Купецъ дородный, съ важною походкой,
И съ самоваромъ сбитенщикъ,
И плутъ еврей съ козлиною бородкой,
Вѣстей торговыхъ проводникъ. —

Кого тутъ нѣтъ! Докучный пискъ шарманокъ,
Смѣхъ бурлаковъ и скрипъ колесъ,

И брань, и пѣсни буйныя цыганокъ, —
Все въ шумъ надъ берегомъ слилось.

Куда ни глянь — подъ хлѣбомъ берегъ гнется;
Хлѣбъ въ балаганахъ, хлѣбъ въ бунтахъ....
Не даромъ Русь кормилицей зовется
И почиваетъ на поляхъ.

Вкругъ вольницы веселый свистъ и топотъ;
Народу — пушкой не пробьешь!
И всюду шумъ, какъ будто моря ропотъ;
Шумъ этотъ слушать устаешь.

«Вотъ гдѣ разгулъ! Вотъ милая сторонка!
Тарасъ кричитъ на берегу:
«Гуляй, ребята! вотъ моя мошонка!
«Да грянемъ пѣсню.... помогу!...

«Ну, *внизъ по матушкѣ по Волгѣ*.... дружно!...»
И пѣсня громко понеслась;
Откликнулся на пѣсню лугъ окружной
И даль рѣки отозвалась....

А небо все темнѣло, померкало,
Шла туча синяя съ дождемъ,
И молнія гладь Дона освѣщала,
И перекатывался громъ.

Вдругъ хлынулъ дождь. Гроза забушевала;
Народъ подъ кровли побѣжалъ.
«Шабашъ, ребята! Пѣсни, значитъ, мало!»
Тарасъ товарищамъ сказалъ.

Пустился къ Дону. Жилистой рукою
Челнокъ отъ барки отвязалъ,

Схватилъ весло, — и тѣшился грозою,
По гребнямъ волнъ перелеталъ.

И бурлаки качали головами:
«Неугомонный человѣкъ!
«Вишь понесло помѣряться съ волнами!
«Ни за копѣйку сгубитъ вѣкъ».

VII.

Одѣты сѣрые луга туманомъ:
То дождь польетъ, то снѣгъ летитъ.
И глушь и дичь. На берегу песчаномъ,
Угрюмо темный лѣсъ стоитъ.

Дождю на встрѣчу мѣрными шагами,
Подъ лямкой бурлаки идутъ,
И тянутъ барку крѣпкими плечами, —
Слабѣть канату не даютъ.

Ихъ ноги грязью до колѣнъ покрыты,
Шапчонки лѣзутъ на глаза,
Потерлось платье, лапти поизбиты,
Отъ поту взмокли волоса.

«Бери причалъ! живѣе — что ль! заснули!»
Продрогшій кормчій закричалъ,
И бурлаки веревки натянули, —
И барка стала на привалъ.

Огонь зажженъ: дымъ въ клочьяхъ улетаетъ:
Несутся быстро облака;

И вѣтромъ барку на волнахъ качаетъ,
И плещетъ на берегъ рѣка.

Тарасъ потеръ мозолистыя руки
И сѣлъ, задумавшись, на пень.
‹Ну, ну! перенесли мы нынче муки!›
Промолвилъ кто-то: ‹скверный день!

‹Убѣгъ бы, да притянутъ къ становому
‹И отдерутъ...› — ‹Доволокемъ!›
Сказалъ другой: ‹гуляй, пока до дому,
‹Тамъ будь, что будетъ!.. ужь попьемъ!..›

‹Вотъ мы вчера къ Тарасу приставали,
‹Куда, — не пьетъ! Такой чудакъ!›
— ‹А что, Тарасъ, ты право крѣпче стали›,
Сказалъ оборванный бурлакъ.

‹Тутъ тянешь, тянешь, — смерть, а не работа,
‹А ты и ухомъ не ведешь!...›
Тарасъ кудрями мокрыми отъ пота,
Тряхнулъ и молвилъ: ‹не умрешь!›

‹Умрешь, — зароемъ.› — У тебя все шутки.
‹О дѣлѣ, видишь, рѣчь идетъ.
‹Вѣдь у тебя — то пѣсни-прибаутки,
‹То скука... шутъ тебя пойметъ....›

— Разсказывай! Перебивать не буду...›
Онъ думалъ вовсе о другомъ,
Хоть и глядѣлъ, какъ желтыхъ листьевъ груду
Огонь обхватывалъ кругомъ.

Припомнилъ онъ старонушку родную,
И свой печальный, бѣдный домъ;

Отецъ клянетъ его на пропалую,
А мать рыдаетъ за столомъ.

Припомнилъ онъ, какъ разставался съ милой,
Зачѣмъ? Что ждало впереди?
Гдѣ жь доля — счастье?.. Какъ она любила!...
И сердце дрогнуло въ груди.

«Сюда, ребята! Плотникъ утопаетъ!»
На баркѣ голосъ раздался:
И по doскамъ толпа перебѣгаетъ
На барку. «Экъ онъ сорвался!»

— «Да гдѣ? — «Вонъ тутъ. Ну, долго ль оступиться!»
— «Вотъ горе: вѣтеръ-то великъ!» —
«Плыви скорѣй!» — «Не-што, плыви топиться!» —
«Спасите! Разносился крикъ.

И голова мелькала надъ волнами.
Тарасъ ужь бросился въ рѣку
И во всю мочь размахивалъ руками.
«Держись!» кричалъ онъ бѣдняку.

«Ко мнѣ держись!» Но громкаго призыва
Товарищъ слышать ужь не могъ —
И погрузился въ волны молчаливо....
Тарасъ нырнулъ. Ужь онъ продрогъ

И былъ далеко. Глухо раздавался
И шумъ воды, и вѣтра вой;
Пловецъ изъ синей глуби показался
И вновь изчезъ. Нѣмой толпой

Стоялъ народъ съ надеждою несмѣлой.
И вынырнулъ Тарасъ изъ волнъ...
Глядятъ, — за нимъ еще всплываетъ тѣло....
И разомъ грянуло: «спасенъ!»

И шапками въ восторгѣ замахала
Толпа, забывшая свой страхъ.
А буря выла. Чайки пропадали,
Какъ точки въ темныхъ облакахъ.

Усталъ пловецъ. Измученный волнами,
Едва плыветъ. Онѣ бѣгутъ
Всѣ въ бѣлой пѣнѣ, дружными рядами,
И все ростутъ, и все рострутъ....

Хотѣлъ онъ крикнуть, — замерло дыханье...
И въ воздухѣ рукой потрясъ,
Какъ будто жизни посылалъ прощанье,
И крикнулъ — и пропалъ изъ глазъ!

———

ДНЕВНИКЪ СЕМИНАРИСТА.

ДНЕВНИКЪ СЕМИНАРИСТА *).

184.... Іюля 18.

Слава Тебѣ, Господи! Вотъ и каникулы! Вотъ наконецъ я и дома.... Да! Нужно, подобно мнѣ позубрить круглый годъ уроки, ежедневно, да еще два раза въ день, — за исключеніемъ, разумѣется, праздниковъ, промѣрять отъ квартиры до семинаріи версты четыре, или болѣе; потомъ, въ душной комнатѣ, въ кружкѣ шести человѣкъ товарищей, подъ-часъ въ дыму тютюна, погнуться до полночи надъ запачканною тетрадкой, или истрепанною книгой, подтвердить греческій и латинскій языки, геометрію, герменевтику, философію и прочее и прочее, и послѣ броситься съ досадою на жесткую постель и заснуть съ тощимъ желудкомъ, оттого что какія-нибудь тамъ жиденькія, сваренныя съ свинымъ саломъ щи, пролиты на полъ пьяною хозяйкой дома, — нужно, говорю я, все это пережить и перечувствовать, чтобы оцѣнить всю прелесть теплаго, гостепріимнаго, роднаго уголка.... ухъ! Дай потянусь на этомъ кожаномъ стулѣ, въ этой горенкѣ съ окнами, выходящими въ зеленый, обрызганный росою, садъ, въ этомъ раю, гдѣ я самъ большой, самъ старшой, гдѣ имѣетъ право прикрикнуть на меня только одинъ мой добрый батюшка.... А право, здѣсь настоящій

---

*) Напечатанъ въ «Воронежской Бесѣдѣ» на 1861 годъ, стр. 128—212. По всей вѣроятности, Записки Семинариста, о которыхъ говорилъ Никитинъ въ письмѣ къ Второву (см. Біографію, стр. 65), въ послѣдствіи были имъ уничтожены, за исключеніемъ развѣ начальныхъ страницъ, вошедшихъ въ этотъ Дневникъ, написанный для «В. Бесѣды».

рай: тихо, свѣтло. Изъ сада пахнетъ травою и цвѣтами; на яблоняхъ чирикаютъ воробьи: у ногъ моихъ мурлычитъ мой старый знакомецъ, сѣрый котъ. Яркое солнце смотритъ сквозь стекло и золотымъ снопомъ упирается въ чисто-вымытую и выскребенную ножомъ сосновую дверь. Батюшка мой такой тихій, такой незлопамятный! Если и случается мнѣ что-нибудь набѣдокурить, онъ покачаетъ головою, сдѣлаетъ легкій упрекъ — и только. Между-тѣмъ, странное дѣло! я такъ боюсь его оскорбить!... А вотъ, помню я, былъ у насъ учитель во 2-мъ классѣ училища, Алексѣй Степанычъ, коренастый, съ черными нахмуренными бровями, и такой рябой и корявый, что смотрѣть скверно. Вызоветъ онъ, бывало, на средину класса и крикнетъ: «читай!» А изъ глазъ его такъ и сверкаютъ молніи. Взглянешь на него украдкою и начнешь измѣняться въ лицѣ, въ головѣ пойдетъ путаница, и все вокругъ тебя заходитъ: и ученики, и учитель, и стѣны—просто диво! И понесешь такую дичь, что послѣ самому станетъ стыдно. «Не знаешь мерзавецъ!» зарычитъ учитель: «къ порогу!...» И начнется, бывало, жаркая баня.... Что жь вы думаете? Попадались такіе ученики, которые, не жалѣя своей кожи, находили непонятное удовольствіе бѣсить своего наставника. Бывало, иной ляжетъ подъ розги, закуситъ до крови свой палецъ—и молчитъ. Его сѣкутъ, а онъ молчитъ. Его сѣкутъ еще больнѣе, а онъ все молчитъ. Алексѣй Степанычъ смотритъ и со зла чуть не рветъ на себѣ волосы.... Да мало ли что случалось! Однажды ученикъ дѣлалъ дѣленіе и до того спутался, что никакъ не могъ рѣшить задачи. Стоитъ бѣдняжка у доски, лицо разгорѣлось, по щекамъ текутъ слезы, носъ выпачканъ мѣломъ, руки и правая пола сюртука тоже въ мѣлу—Алексѣй Степанычъ злится, не приведи Господи! «Ну, говоритъ: что жь ты!... рѣшай!... И вдругъ повернулся направо. «Богородицкій! какъ ты объ этомъ думаешь?» Богородицкій вскочилъ со скамьи, вытянулъ руки по швамъ и, вспомнивъ, что въ катихизисѣ есть подобный вопросъ съ надлежащимъ къ нему отвѣтомъ, громогласно и нараспѣвъ отвѣчалъ: «я думаю и разсуждаю объ этомъ такъ, какъ повелѣваетъ мать

наша Церковь.» Мы всѣ переглянулись, однакожь засмѣяться никто не смѣлъ. Алексѣй Степанычъ плюнулъ ему въ глаза и крикнулъ: «на колѣни!» Ну, въ семинаріи у насъ совсѣмъ не то: розги почти совсѣмъ устранены, а если и употребляются въ дѣло, такъ это ужь за что нибудь особенное. Наставники обращаются съ нами на *вы*, къ чему я долго не могъ привыкнуть. Оно въ самомъ дѣлѣ странно: профессоръ, магистръ духовной академіи, человѣкъ, который, Богъ знаетъ чего не прочелъ и не изучилъ, обращается, напримѣръ, ко мнѣ, или къ моему товарищу, сыну какого-нибудь пономаря или дьячка, и говоритъ: «прочтите лекцію.» Долго я не могъ къ этому привыкнуть. Теперь ничего. И мнѣ становится уже непріятно, иногда и вовсе обидно, если кто-либо говоритъ мнѣ *ты*: въ этомъ *ты* я вижу къ себѣ нѣкоторое пренебреженіе. Замѣчу кстати: мнѣ необходимо привыкать къ вѣжливости, или, какъ говоритъ мой пріятель Яблочкинъ, къ порядочности (Яблочкинъ необыкновенно даровитъ, жаль только, что онъ помѣшался на чтеніи какого-то Бѣлинскаго, и вообще на чтеніи разныхъ свѣтскихъ книгъ). Батюшка сказалъ, что съ первыхъ чиселъ сентября я буду жить въ квартирѣ одного изъ нашихъ профессоровъ съ тою цѣлію, чтобы онъ имѣлъ непосредственное наблюденіе за моимъ поведеніемъ, слѣдилъ за моими занятіями и, гдѣ нужно, помогалъ мнѣ своими совѣтами. Этотъ надзоръ, мнѣ кажется, рѣшительно меня свяжетъ. Либо ступишь не такъ, либо что скажешь не такъ, вотъ сейчасъ и сдѣлаютъ тебѣ замѣчаніе сначала одно, другое, третье, и такъ далѣе. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь: батюшка навѣрно желаетъ мнѣ добра. Стой! вотъ еще новая мысль: что если этотъ дневникъ, который я намѣренъ продолжать, по какому нибудь несчастному, непредвидѣнному случаю, попадется въ руки профессора? Вотъ выйдетъ штука.... воображаю!... Да, нѣтъ! Быть не можетъ! Вопервыхъ, у меня, какъ и прежде, будетъ въ распоряженіи свой сундучекъ съ замкомъ, въ который я могу прятать все, что мнѣ заблагоразсудится, вовторыхъ, я стану писать его или въ отсутствіе профессора, или во время его сна, стало быть, опасенія мои

на этотъ счетъ не имѣютъ никакого основанія. Жаль мнѣ бросить эту работу! записывая все, что вокругъ меня дѣлается, быть можетъ, я со временемъ привыкну свободнѣе излагать свои мысли на бумагѣ. Притомъ самая окружающая меня жизнь здѣсь, въ деревнѣ, и тамъ, въ городѣ, въ семинаріи, какъ она ни бѣдна содержаніемъ, все таки не вовсе лишена интереса. Вчера, напримѣръ, мнѣ случилось быть у нашего дьячка Кондратьича. Чудакъ онъ, ей-Богу! Лѣтами еще не старъ, лѣтъ этакъ тридцати съ чѣмъ нибудь, выпить любитъ, а когда выпьетъ, ему никто нипочемъ: и прихожанинъ-мужикъ, и дьяконъ, и даже мой батюшка. Придирки свои онъ обыкновенно начинаетъ жалобою на свое незавидное положеніе: «что, дескать, я? дьячокъ — вотъ и все! тварь — и больше ничего! червякъ — и только!...» И зальется горькими слезами, — и вдругъ отъ слезъ сдѣлаетъ неожиданный переходъ къ такой рѣчи: «да-съ, я червякъ, во истину червякъ! Ну, а ты, смѣю тебя спросить, ты что за птица?...» Тутъ голосъ его начинаетъ возвышаться все болѣе и болѣе. Кондратьичъ засучиваетъ рукава, лѣвую ногу выставляетъ впередъ, правую руку съ сжатымъ кулакомъ бойко замахиваетъ назадъ, словомъ: принимаетъ грозное, наступательное положеніе, и въ эту минуту къ нему не подходи никто, иначе расшибетъ въ дребезги; если кулаковъ его окажется недостаточно, пуститъ въ ходъ свои зубы, ужь чѣмъ-нибудь да насолитъ своему, какъ онъ выражается, врагу-супостату. Жена Кондратьича робкая, загнанная, забитая женщина, въ добавокъ худенькая, маленькая и подслѣповатая, вѣчно плачется на своего мужа, жизнь свою называетъ мукою, себя мученицею; мужъ называетъ ее слѣпою Евлампіею. Итакъ, говорю я, вчера вечеромъ случилось мнѣ быть у Кондратьича. Когда я вошелъ въ его избу, онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за веревочку, которою былъ опоясанъ, и распѣвалъ: «Взбранной воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ...» Посреди избы стояла большая, опрокинутая вверхъ дномъ, кадушка. «А, — мое вамъ почтеніе, Василій Ивановичъ!» сказалъ Кондратьичъ, замѣтивъ меня на порогѣ: мое вамъ всенижайшее поч-

теніе, господинъ философъ, будущій пастырь словесныхъ овецъ... сдѣлайте одолженіе, садитесь.... А это что у васъ за мѣшочекъ въ рукѣ?...» Я совершенно потерялся. Дѣло въ томъ, что батюшка приказалъ мнѣ отнести дьячихѣ немного пшена, но такъ чтобы мужъ ея этого не замѣтилъ, потому что Кондратьичъ, при всей своей нищетѣ, при всемъ своемъ безобразномъ пьянствѣ, гордъ невыносимо. «Это такъ,» отвѣчалъ я, краснѣя. — «А коли такъ, стало быть и пышки въ макъ.» Мы сѣли. Минуты три прошло въ молчаніи. Вдругъ подъ кадушкою послышалось всхлипываніе. Я взглянулъ на дьячка. Онъ преспокойно поправилъ свою тоненькую, завязанную грязнымъ снуркомъ, косу, и отвѣчалъ: «мыши скребутъ.» Всхлипываніе усилилось. Я вскочилъ, приподнялъ край кадушки и, къ величайшему моему удивленію, оттуда вышло, или правильнѣе сказать, выползло живое существо — это была жена Кондратьича, блѣдная, безъ платка на головѣ, съ растрепанными волосами. «Что это значитъ?» спросилъ я дьячка. «Гм.... что это значитъ.... да-съ!» И не спѣша, вынулъ онъ свою тавлинку, щелкнулъ по ней указательнымъ перстомъ, потянулъ въ одну ноздрю табаку, и съ глубокомысленнымъ видомъ произнесъ: «жена моя увидала васъ въ окно и, не желая показать молодому юношѣ свою красоту, скрылась въ эту подвижную храмину. Смѣю вамъ доложить, она у меня прецѣломудренная женщина!...» Разумѣется, Кондратьичъ говорилъ вздоръ. По справкѣ оказалось, что онъ уже не первый разъ издѣвается такимъ образомъ надъ безотвѣтною бабою. Въ минуту гнѣва, и ужь, конечно, порядочно выпивши, Кондратьичъ опрокидываетъ кадушку тамъ, гдѣ ее находитъ т. е. на дворѣ, или въ избѣ, и обыкновенно кричитъ женѣ: «слѣпая Евлампія, гряди сѣмо!...» Бѣдная женщина, не смѣя ему прекословить, подползаетъ подъ, такъ называемую, подвижную храмину, а дьячокъ ходитъ вокругъ и распѣваетъ: «Взбранной воеводѣ побѣдительная......» Батюшка мой отчасти прощаетъ ему эти мерзости изъ состраданія къ его женѣ, которая безъ мужа должна будетъ пойти съ сумою, потому что Кондратьичъ, какъ онъ ни плохъ, все же ее кормитъ, отчасти просто по добротѣ

своего сердца. Дьячокъ, съ своей стороны, умѣетъ заискать кого ему нужно. — На дняхъ, когда благочинный входилъ въ нашу церковь, Кондратьичъ забѣжалъ ему впередъ. «Позвольте, позвольте!...» — «Что ты, братъ?» — «А вотъ-съ....» и вынувъ изъ своего кармана носовой платокъ, услужливый дьячокъ смахнулъ имъ пыль съ сапоговъ благочиннаго, прежде нежели тотъ успѣлъ ему что-либо возразить. «Каковъ онъ у васъ?» Спросилъ послѣ благочинный у моего батюшки. «Пьетъ иногда и характера не совсѣмъ покойнаго.» — «Ну, что жь дѣлать! Увѣщевай его Словомъ Божіимъ. Поглядишь, исправится. Одинъ Богъ безъ грѣха....» Однако пора обѣдать. Послѣ обѣда завалюсь спать и просплю до вечера, просто — наслажденіе!...

Вечеромъ.

Уже смерклось. Съ пастбища возвращается стадо коровъ, покрытое облакомъ пыли. Пастухъ пощелкиваетъ кнутомъ. Гдѣ-то вдалекѣ, вѣроятно, какой нибудь молодой парень наигрываетъ въ жилѣйку. На улицѣ слышенъ скрипъ отворяемыхъ и затворяемыхъ воротъ. Бабы, въ пестрыхъ поневахъ и въ бѣлыхъ рогатыхъ кичкахъ расходятся въ разныя стороны отъ колодца. — Коромысла мѣрно качаются на ихъ плечахъ, въ желѣзныхъ ведрахъ свѣтится холодная, ключевая вода. — Солнце медленно прячется въ синихъ тучахъ за темнымъ лѣсомъ, и его пурпуровый румянецъ горитъ на листьяхъ деревъ, на соломенныхъ кровляхъ бревенчатыхъ избушекъ, на стеклахъ узенькихъ оконъ и на поверхности свѣтлаго озера, окаймленнаго зеленымъ камышемъ. — Славная, право, картина! А ужь какъ я спалъ послѣ обѣда!... мнѣ кажется, ударъ грома не могъ бы меня разбудить.... Да какъ и не спать? — Пирогъ, щи съ говядиной, подбитыя сметаною, жареная, налитая яйцами, курица, творогъ, каша молочная — вотъ что было у насъ за обѣдомъ. — Маменька потчивала меня, какъ гостя, и я принужденъ былъ съѣсть нѣсколько лишнихъ кусковъ единственно для того, чтобы доставить ей удовольствіе. — Добрая она, право! Говоритъ, что я похудѣлъ въ продолженіе года отъ усиленныхъ

занятій науками, и совѣтуетъ мнѣ беречь свое здоровье, въ особенности не читать книгъ по ночамъ, чтобы не испортить зрѣніе. Разумѣется, все это было сказано въ отсутствіе батюшки, который не любитъ потакать лѣни, а главное, не терпитъ, чтобы женщины мѣшались въ дѣло науки. Прямое назначеніе женщинъ, говоритъ онъ, — заботы о семейномъ домашнемъ быту, внѣ котораго онѣ никуда негодны. Взглядъ батюшки еще не такъ строгъ. Другіе смотрятъ на женщину, какъ на аспида и василиска. Правда, я мало читалъ, но изъ всего мною прочитаннаго выходитъ заключеніе такого именно рода, что женщина — аспидъ и василискъ... Кто пробѣжитъ начало моихъ записокъ, безъ сомнѣнія, скажетъ: «что за наивность! Въ какія странныя разсужденія вдается писавшій эти строки!» — Такъ-то такъ, м. г., сказалъ бы я ему, только вы забываете, что я связанъ по рукамъ и по ногамъ. Если бы я спросилъ о чемъ либо, не прямо относящемся къ моему дѣлу — къ лекціи кого либо изъ нашихъ профессоровъ, меня назвали бы дуракомъ; если бы я спросилъ кого либо изъ моихъ товарищей, болѣе скромный изъ нихъ посмѣялся бы надо мною, болѣе дерзкій послалъ бы меня къ чорту. — На всякій возникающій во мнѣ вопросъ, на всякое, рождающееся во мнѣ, сомнѣніе я долженъ искать отвѣта только въ самомъ себѣ. За что же лишать меня моей единственной отрады — свободы мысли? Если всюду и передъ всѣми мнѣ приходится скромно потуплять глаза и покорно наклонять свою голову, по крайней мѣрѣ въ тѣ минуты, когда работаетъ моя голова, когда перо мое не успѣваетъ слѣдить за быстрою мысли, пусть я буду человѣкомъ, свободно проявляющимъ даръ своего живаго слова. — Въ Воронежѣ, говорятъ, появился недавно прасолъ — поэтъ. Жаръ и холодъ пробѣжалъ по моему тѣлу, когда въ одномъ изъ современныхъ журналовъ я прочиталъ эти животрепещущія строки:

Иль у сокала
Крылья связаны?
Иль пути ему
Всѣ заказаны?...

Впрочемъ, изъ нашихъ наставниковъ никто не упомянулъ о немъ, какъ о человѣкѣ, подающемъ какія-либо надежды. — Говорятъ, былъ знаменитый поэтъ Пушкинъ, но я совсѣмъ его не читалъ. Въ словесности, какъ образецъ высокаго слога въ поэзіи, я помню слѣдующіе, выученные мною наизусть, стихи Державина:

Се ты — вѣковъ явленье чудо
Сбылось пророчество, сбылось!
Мечъ, возсіявшій изъ-подъ спуда.
Герой мой вновь свой лавръ вознесъ...

Послѣдняго стиха я никогда не могъ произнести свободно, потому что, при чтеніи его, у меня перехватывало въ горлѣ дыханіе. Вотъ Яблочкинъ, такъ ужь молодецъ по этой части! сколько онъ знаетъ наизусть стиховъ! Передъ моимъ отъѣздомъ сюда онъ читалъ мнѣ поэму «Демонъ.» Стихи необыкновенно музыкальны. — Передъ глазами одна за другою рисуются картины, когда ихъ слушаешь, но впечатлѣніе, производимое цѣлою поэмою, наводитъ на странныя, невыразимыя мысли... Что если бы, по окончаніи курса въ семинаріи, удалось мнѣ попасть въ университетъ... да, нѣтъ! не съ моими способностями. Яблочкинъ — другое дѣло: онъ хоть сейчасъ выдержитъ университетскій экзаменъ. — «Пѣшкомъ, говоритъ, на Христово имя пойду, а ужь буду въ университетѣ.» — Я ему вѣрю: съ его настойчивымъ характеромъ онъ все сдѣлаетъ. А какъ онъ смѣлъ! Однажды въ классѣ, когда профессоръ говорилъ о мѣстопребываніи души въ человѣческомъ тѣлѣ и рѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, что душа обитаетъ во всемъ нашемъ тѣлѣ, Яблочкинъ неожиданно поднялся со скамьи. «Позвольте предложить вамъ возраженіе», сказалъ онъ профессору.

— Хорошо. —

«Такъ какъ въ сумасшедшемъ человѣкѣ душа не можетъ проявлять разумно своего существованія, а по существу своему не дѣятельною она быть не можетъ, то чѣмъ душа эта бываетъ занята въ продолженіе иногда многихъ лѣтъ, т. е. до самой смерти сумасшедшаго?»

Профессоръ сталъ въ тупикъ и, послѣ долгаго молчанія, сурово отвѣтилъ: «садитесь на мѣсто и впередъ прошу поменьше разсуждать, а слушать внимательно то, что вамъ скажутъ.» — Яблочкинъ сѣлъ читать какой то журналъ и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на лекцію профессора, который говорилъ о Сенекѣ, о Сократѣ, о Пиѳагорѣ и, ужь Богъ знаетъ, о комъ, всѣхъ трудно припомнить... Однако засѣла мнѣ въ голову эта семинарія! О чемъ бы я ни повелъ рѣчь, непремѣнно коснусь семинаріи... Полно! Мнѣ еще нужно подумать о планѣ заданнаго намъ на каникулярное время разсужденія на тему: «*какимъ образомъ— умъ, какъ источникъ идей, можетъ служить средствомъ къ пріобрѣтенію познаній?*» По поводу этой темы Яблочкинъ сказалъ мнѣ: «подивись, братъ, нашимъ способностямъ. На эту мудреную фразу у насъ напишутъ нѣкоторые по три или по четыре листа самымъ мелкимъ почеркомъ, а простой записки къ знакомому никто изъ насъ не напишетъ толково, мало этото: десяти словъ не свяжутъ въ разговорѣ, какъ слѣдуетъ. Замѣть, братъ, это и намотай себѣ на усъ.» — Однако и ты напишешь, когда прикажутъ, — отвѣчалъ я. «Само собою такъ.»

22.

Цѣлую недѣлю я не брался за перо: не до того было. Наступила рабочая пора—уборка хлѣба. Жары стоятъ нестерпимые. На небѣ нѣтъ ни облачка. Вѣтеръ горячій. Жницы работаютъ съ разсвѣта до поздней ночи. На подошвахъ ихъ необутыхъ ногъ, которыми они смѣло ступаютъ по срѣзаннымъ стеблямъ ржанаго колоса, трескается кожа; на ладоняхъ появляются мозоли, нѣкоторыя величиною въ орѣхъ; лица у всѣхъ покрыты загаромъ и пóтомъ; на свѣжіе слѣды горячаго пота ложится сухая пыль, образуетъ черныя полосы, которыя въ свою очередь покрываются новою пылью, и такъ далѣе, и такъ далѣе.... Всѣхъ мучитъ невыносимая жажда, а въ полѣ нѣтъ ни одной капли холодной воды, потому что она на разсвѣтѣ привозится изъ села въ жбанахъ, или въ боченкахъ и, по прошествіи 3—4-хъ часовъ, дѣлается теплою, совершенно-

негодною для питья. Нѣтъ и отрадной тѣни, куда бы можно было приклонить усталую голову и вдохнуть въ себя струю прохладнаго воздуха. Грудныя малютки, которыхъ матери берутъ съ собою въ поле, лежатъ подъ снопами на разостланныхъ бѣлыхъ зипунахъ, время отъ времени плачутъ, замолкаютъ — и опять плачутъ. Матери торопливо кормятъ ихъ грудью и снова берутся за серпъ. При дорогѣ сидятъ грачи съ распущенными крыльями и раскрытымъ клювомъ; даже имъ тяжело отъ нестерпимаго жара. Батюшка, несмотря на свой санъ, собственноручно накладываетъ на возъ полновѣсные снопы, подмазываетъ дегтемъ колеса, впрягаетъ лошадь и сохраняетъ при всемъ этомъ невозмутимое спокойствіе: такъ онъ радъ хорошему урожаю! Примѣръ его и на меня дѣйствуетъ благодѣтельно. Только отъ непривычки къ работѣ къ вечеру у меня страшно ломятъ плечи и руки. Ночью сплю, какъ убитый, даже и во снѣ ничего не грезится. Сегодня, часовъ этакъ въ 5-ть, когда жаръ нѣсколько убавился и работа закипѣла дружнѣе, изъ села прискакалъ верхомъ мальчишка безъ шапки, босоногій, въ оборванной рубашенкѣ, и своимъ дѣтскимъ языкомъ насилу могъ растолковать батюшкѣ, что умираетъ его больная мать, что нужно ее исповѣдать и пріобщить Святыхъ Таинъ. Батюшка поморщился. Сердце мое сжалось и, грѣшный человѣкъ, я осудилъ его въ душѣ. Очевидно, ему жаль было терять золотое, рабочее время. Впрочемъ, нерѣшимость его была минутная: съ моею помощію онъ посбросалъ съ телѣги снопы и крупною рысью отправился въ село. Больная умерла въ сумерки. Вечеромъ, когда мы готовились сѣсть за ужинъ, вошелъ кузнецъ Ѳома, старикъ, бѣлый какъ лунь.

«Здравствуй, отецъ Иванъ! Вотъ я сына хочу женить....»

— Знаю, знаю. Часъ добрый! — сказалъ батюшка.

«Покорнѣйше благодаримъ. Прими-ка вотъ чѣмъ богатъ».

Ѳома поклонился и поставилъ на столъ штофъ водки.

— Спасибо, другъ, спасибо! Только напередъ тебѣ самому ее надобно отвѣдать. —

«Почему не такъ, коли будетъ на то твоя милость.» Батюшка налилъ стаканъ.

— Выпей-ка на здоровье. —

«Начинай, отецъ Иванъ. За мною дѣло не станетъ.»

— Я бы не отказался; ты знаешь, я не пью. —

«Ну, и просить не стану. Благослови.»

— Богъ тебя благословитъ. —

Ѳома выпилъ, крякнулъ и вытеръ усы рукавомъ своего сѣраго халата.

«За вѣнчанье-то, отецъ Иванъ, ты дорого ль съ меня положишь?»

— Сойдемся, другъ, сойдемся. —

«Вѣстимое дѣло. Все-таки мнѣ надо расчитать, что и какъ....»

Батюшка скоро съ нимъ условился.

«Ну, вотъ, сказалъ Ѳома: спасибо, что не прижимаешь; добрый ты, значитъ, человѣкъ, не то, что нашъ дьячокъ — этакая дрянь, и не глядѣлъ бы па него.»

— Богъ дастъ исправится. Ну каково убираетесь съ хлѣбомъ? —

«Убираемся помаленьку. Такъ спѣшимъ, что нà — поди!» И послѣ непродолжительнаго разговора объ уборкѣ хлѣба, Ѳома поклонился и вышелъ.

«Зачѣмъ, вы взяли это вино?» спросилъ я у батюшки.

— Затѣмъ, чтобъ не обидѣть старика. Таковъ обычай.

«Ну, а зачѣмъ вы его потчивали?»

— Опять таковъ обычай. Вотъ погоди, когда будешь попомъ, да придется тебѣ самому плесть плетни, чинить соху, чистить хлѣвъ, да ходить со двора на дворъ съ просьбою, нельзя ли, молъ, вотъ въ томъ мнѣ помочь, да въ этомъ пособить, тогда ко всему превыкнешь. — И батюшка грустно сѣлъ за столъ, какъ будто вопросы мои пробудили въ немъ тяжелыя мысли.

30.

Полевыя работы идутъ горячо по прежнему, и я почти къ нимъ привыкъ: руки и плечи болятъ у меня уже меньше. Въ прошлое

воскресенье мы всѣ порядочно поотдохнули. Время, проведенное мною въ церкви, при слушаніи Божественной Литургіи, показалось мнѣ особенно пріятнымъ. Мужички стояли такъ тихо, такъ благоговѣйно! Ни одинъ человѣкъ не улыбнулся, не смотря на то, что дьячокъ нашъ пѣлъ преотвратительно. При взглядѣ на толпу народа, въ головѣ моей мелькнула нелѣпая мысль: что если бы я былъ ученикомъ богословія? Я могъ бы надѣть стихарь, въ виду всѣхъ стать передъ налоемъ и сказать краснорѣчивое, поучительное слово.... По выходѣ изъ церкви, на паперти, меня встрѣтили двѣ чернички, одна старая, другая молодая и прехорошенькая. Онѣ занимаются печеніемъ просфиръ, посѣщаютъ богатыхъ купцовъ въ городѣ, которые надѣляютъ ихъ разными съѣстными припасами, иногда отправляются странствовать по Святымъ мѣстамъ, на счетъ какихъ доходовъ? — положительно сказать не могу. Старую черничку нѣкоторые мужички, въ особенности пожилыя бабы, почитаютъ за святую. Она носитъ на груди засаленную тетрадку: «Сонъ Пресятыя Богородицы» и читаетъ ее по складамъ набожнымъ бабамъ; тѣ слушаютъ, подпирая руками голову, вздыхаютъ, нерѣдко плачутъ и награждаютъ читальщицу кусками холстины. Батюшка смотритъ на нихъ подозрительно, но онѣ живутъ повидимому такъ безукоризненно, и такъ хорошо съумѣли себя поставить во мнѣніи всѣхъ прихожанъ, что бояться имъ рѣшительно нечего. Эти чернички съ такою настойчивостію и вѣжливостію просили меня къ нимъ зайти, удостоить ихъ, какъ выражались онѣ, моимъ посѣщеніемъ, что мнѣ совѣстно было отказаться. Въ горенкѣ у нихъ необыкновенная чистота. Окна вымыты и вытерты дотого чисто, что, при свѣтѣ солнца, кажутся зеркальными. Гладкій, сосновый полъ тоже вымытъ, выскобленъ ножомъ и на немъ не видно ни соринки. По угламъ нѣтъ ни одного клочка паутины. Стѣны недавно обѣлены. Столъ накрытъ бѣлою, какъ снѣгъ, скатертью. Передъ иконою, убранною искусственными розовыми цвѣтами и оправленною блестящею фольгою, ярко теплится лампадка. Рогачи поставлены у порога въ уголкѣ, вѣроятно съ тою цѣлію, чтобы не всякому бросались въ глаза. Ихъ деревянныя рукояти

такъ вычищены, что подумаешь, онѣ вышли изъ-подъ рукъ искуснаго столяра. Изъ простыхъ вопросовъ молодой чернички о томъ, что новаго въ городѣ, каково мнѣ тамъ живется, не скучаю ли я въ деревнѣ, я замѣтилъ, что она очень не глупа. Старуха достала, между тѣмъ, изъ маленькаго сундука графинъ краснаго вина и поставила его на столъ, на кругломъ зеленомъ подносѣ вмѣстѣ съ рюмкою. Не смотря на всѣ мои увѣренія, что я никогда не пилъ и не пью вина, я не могъ не исполнить желанія гостепріимныхъ хозяекъ, когда онѣ сказали, наконецъ, что я ихъ обижаю, что, слѣдовательно, я ими гнушаюсь, если не хочу выпить того, что предлагается мнѣ отъ души. Молодая черничка сидѣла напротивъ меня и такъ близко, что ея горячее дыханіе касалось моего лица. Черное платье, застегнутое на груди бѣлою перламутровою пуговкой, разстегнулось, и я горѣлъ отъ стыда и еще отъ другаго, доселѣ незнакомаго мнѣ чувства. Совѣсть моя говорила мнѣ, что я поступаю не хорошо, что мнѣ не слѣдовало долго оставаться въ этой уютной горенкѣ, между тѣмъ непонятная сила удерживала меня на мѣстѣ, случайно занятомъ мною противъ молодой чернички. Приближалась пора обѣда. Я опомнился, схватилъ фуражку, и поблагодарилъ хозяекъ за ихъ радушный пріемъ. — Онѣ пригласили меня передъ вечеромъ пить чай. Скажу чистосердечно, я былъ радъ этому приглашенію, хотя и отказывался отъ него изъ приличія.

31 утромъ.

Нѣтъ, я не былъ вчера у черничекъ. Вся эта ночь проведена мною безъ сна, въ странной, мучительной тоскѣ. Полураздѣтый, я ворочался съ боку на бокъ въ своей постели, творилъ молитвы, — и все напрасно: сонъ убѣгалъ отъ моихъ глазъ. Голова моя горѣла, какъ въ огнѣ. Подушка жгла мои щеки, простыня обдавала меня жаромъ. Около полуночи я вышелъ изъ терпѣнія и сѣлъ къ открытому окну, думая что ночная прохлада освѣжитъ мое пылающее лицо и приведетъ въ порядокъ мои мысли. Все было

напрасно.... Тускло сіяли звѣзды на синемъ небѣ. Въ саду лежалъ непроницаемый мракъ. Порою слышался шопотъ сонныхъ листьевъ, тревожимыхъ перелетнымъ вѣтромъ. Въ этомъ шопотѣ мнѣ чудилось звуки ласковой женской рѣчи. Въ темнотѣ ночи передъ моими глазами носился образъ красивой, молодой женщины. Она глядѣла на меня такъ привѣтливо, съ такою любовію манила меня къ себѣ своею бѣлою рукою. Я боялся, что сойду съума, вышелъ на крыльцо и началъ лить себѣ на голову воду изъ висѣвшаго тамъ, на веревочкѣ, глинянаго рукомойника. Эти строки я пишу при блѣдномъ свѣтѣ только-что занимающагося утра. На востокѣ загорается красная полоса. Клочки алыхъ, прозрачныхъ облаковъ быстро пролетаютъ въ голубой высотѣ. Въ росистомъ саду изрѣдка слышится шорохъ пробуждающейся птички. Батюшка теперь скоро проснется и мы всѣ отправимся на работу. Скорѣе бы нужно въ широкое поле; въ этой тѣсной комнатѣ душно, какъ въ разскаленной печи....

1 августа.

Перевозка сноповъ окончилась вчера рано. Я былъ дома еще засвѣтло. При наступленіи сумерекъ я умылся, почистилъ свое платье и пошелъ побродить по селу. Ужъ не знаю, какъ это случилось, только мнѣ скоро пришлось проходить предъ знакомымъ окномъ, у котораго сидѣла молодая черничка и вязала чулокъ (зовутъ ее, какъ я послѣ узналъ, Натальею Ѳедоровной). «Зайдите къ намъ на минутку», сказала она, съ улыбкой, кивая мнѣ головой. Сердце мое сильно забилось. Я остановился въ нерѣшимости — и зашелъ. «А я цѣлый день сижу все одна: старуха моя ушла къ знакомой, больной бабѣ, вѣрно и ночевать тамъ останется. Садитесь, пожалуйста. Разговоръ нашъ шелъ сначала довольно вяло. Но Наталья Ѳедоровна была такъ находчива, что я невольно оживился.

«Ахъ, какая жара!» сказала она, сбросивъ съ своей груди темный платокъ, и сѣла со мною рядомъ. Плечо ея касалось моего плеча.

«Я думаю, руки ваши отъ работы теперь сдѣлались грубѣе, чѣмъ были прежде. Вы были сегодня въ полѣ?»

Она взяла меня за руку и крѣпко ее сжала.

— «Да, былъ.» Отвѣчалъ я взволнованнымъ голосомъ и дрожа всѣмъ тѣломъ.

«Огонь надо зажечь», сказала она, и опустила занавѣску.

Въ комнатѣ стало темно.

«Помогите мнѣ сыскать свѣчу.... Никакъ ее не найду», говорила она со смѣхомъ. «Не тутъ ли она стоитъ за вами?...»

И лица моего опять коснулось горячее дыханіе, моего плеча коснулось полуобнаженное, горячее плечо. По всему моему тѣлу пробѣжалъ сладостный трепетъ. Дыханіе мое прерывалось. Я крѣпко обвилъ обѣими руками ея тонкій станъ и на губахъ моихъ, первый разъ въ моей жизни, загорѣлся огненный поцѣлуй....

8.

Нѣсколько дней я не брался за перо. Теперь горячка моя поутихла, и я могу спокойнѣе и глубже заглянуть въ свою душу. Отчего я не обратилъ вниманія на это тревожное чувство боязни, которое отталкивало меня въ минувшее, памятное мнѣ теперь, воскресенье отъ порога черничекъ? Зачѣмъ я скрылъ отъ своего отца мое первое съ ними знакомство? Ясно, что я умышленно закрывалъ свои глаза, чтобы не видѣть того, что я долженъ былъ видѣть заранѣе. Ясно, что я съ намѣреніемъ не давалъ воли своему разсудку.... Ну, любезнѣйшій Василій Ивановичъ, помни этотъ урокъ! Нѣтъ, братъ, шалишь!... Теперь каждый свой шагъ ты долженъ строго обдумывать. Изъ каждаго твоего намѣренія, готоваго перейти въ дѣло, ты напередъ обязанъ выводить вѣроятныя послѣдствія. Мнѣ кажется, въ эти дни я постарѣлъ нѣсколькими годами. Я горю со стыда, когда батюшка останавливаетъ на мнѣ свой умный, проницательный взоръ, будто хочетъ сказать: «Ахъ, Вася! не хорошее ты дѣло сдѣлалъ!..»

Какая здѣсь однако скука, Боже милостивый! Ни одной книжонки нѣтъ подъ рукою, не только порядочной, и дрянной нѣтъ.

Живутъ же тутъ добрые люди, да мало этого, и на жизнь свою не жалуются. На дняхъ я зашелъ къ нашему сосѣду. Сердце мое сжалось, какъ посмотрѣлъ я на его горемычное житье. Стѣны избушки покрыты копотью; темнота, сырость... Печь растрескалась. Разбитое окно заложено клочкомъ старой рогожи. Полъ земляной. На мокрой соломѣ хрюкаетъ свинья; хозяинъ говоритъ, что она заболѣла, такъ вотъ и взялъ онъ ее въ избу. Подлѣ животнаго ползаетъ маленькая дѣвочка, босоногая, въ изорванной рубашонкѣ. Другое, грудное дитя, лежитъ въ засаленной люлькѣ, повѣшенной на веревкахъ подлѣ печи; во рту у него грязная соска, наполненная жидкою пшенною кашею. Жена сосѣда, желтая и покрытая морщинами, ходитъ точно потерянная. Ротъ постоянно полуоткрытъ; глаза смотрятъ безсмысленно. Не то, чтобы она глупа была отъ природы, да нужда-то ужь слишкомъ ее заѣла. Еще одинъ мальчуганъ лѣтъ 10-ти, неумытый и оборванный, раскинулся на печи, безъ подушки и подстилки, наигрываетъ въ жилѣйку, утѣшая себя пронзительными звуками. Всю эту картину освѣщала дымная лучина. «Вотъ, сказалъ я между прочимъ сосѣду: сынъ-то у тебя болтается безъ дѣла. Не хочешь ли, я буду учить его грамотѣ, покамѣсть здѣсь поживу. Я скоро его выучу».

— Э-эхъ, касатикъ! Онъ свиней пасетъ, за это добрые люди хлѣбомъ его кормятъ, а грамота ваша насъ не накормитъ. На что намъ нужна ваша грамота? Богъ съ нею!..»

Противъ этого я не нашелъ возраженій и замолчалъ.

10.

Сегодня съ нашимъ батракомъ Өедуломъ, на трехъ телѣгахъ, я ѣздилъ въ лугъ за сѣномъ. Воза такъ были накручены, что лошади едва тащили ихъ по песку. Өедулъ шелъ со мною рядомъ, покуривая коротенькую трубку. Я никогда не видалъ такихъ крѣпко-сложенныхъ людей, какъ нашъ батракъ. Росту онъ небольшаго, но въ плечахъ необыкновенно широкъ. Черные курчавые волосы, черная, курчавая борода и густыя, нахмуренныя надъ сѣ-

рыми глазами, брови придаютъ лицу его угрюмое выраженіе. Говоритъ онъ вообще мало и никогда не смотритъ на того, съ кѣмъ говоритъ.

«А что, Василій Ивановичъ», неожиданно спросилъ онъ меня: «Скажи ты мнѣ на милость, чему васъ въ городѣ учатъ?»

Вопросъ этотъ меня удивилъ.

— Какъ же я тебѣ растолкую, чему насъ учатъ? Вѣдь ты не поймешь.

«Отчего жь не понять? Пойму».

— Ну, слушай. У насъ изучаютъ риторику, философію, Богословіе, физику, геометрію, разные языки...

«И будто вы знаете все это?»

— Кто знаетъ, а кто и не знаетъ. —

«Такъ. Ну, а прибыль-то какая же отъ вашего ученья?»

— Та прибыль, что ученый умнѣе неученаго. —

«Вотъ-что! Однако отецъ Иванъ коситъ и пашетъ не лучше моего. Опять ты вотъ говоришь, что у васъ разнымъ языкамъ учатъ. Отецъ Иванъ, какъ и ты, имъ учился. Отчего-жь онъ не говоритъ на разныхъ языкахъ? Я у васъ 10 лѣтъ живу, пора бы услышать»?

— Да съ кѣмъ же онъ станетъ тутъ говорить?—

«Вѣстимо не съ кѣмъ... Прибыли-то, значитъ, отъ вашего ученья не много. Вотъ, если бы вашъ братъ ученый пріѣхалъ къ намъ, да разсказалъ толкомъ: это вотъ-такъ надо сдѣлать, это вотъ-какъ, и стало бы нашему брату мужику отъ этого полегче, тогда вышло бы хорошо, а то.... Ну, карій! чего-жь ты сталъ?...»

Лошади подымались на гору. Карій рѣшительно отказывался итти. Өедулъ забѣжалъ ему впередъ. «Ты коли везти, такъ вези, не то я дамъ тебѣ такого тумака по лбу, что искры изъ глазъ посыплятся. Тумака ему однакожь онъ не далъ, а, упершись своимъ широкимъ плечомъ въ задъ телѣги, крикнулъ: «ну!..» и карій свободно потянулъ свой тяжелый возъ.

Попадавшіяся мнѣ на встрѣчу молодыя бабы и дѣвки смотрѣли на меня съ какою-то странною улыбкой, и мнѣ не разъ при-

ходилось слышать такого рода привѣтъ: «гляди, молодка, гляди! Поповичъ идетъ... Экой верзила!...» Правду сказать, наши лихачи-парни тоже отзываются обо мнѣ не слишкомъ вѣжливо и безъ особенной застѣнчивости находятъ во мнѣ кровное родство съ извѣстною породою молодыхъ, домашнихъ животныхъ, которыя обыкновенно бываютъ и красивы и бойки, покуда еще не знакомы съ упряжью. Мнѣ кажется, я никому и ничѣмъ не подавалъ здѣсь повода къ этимъ насмѣшкамъ и никому не сдѣлалъ зла; откуда же взялось это обидное пренебреженіе къ моей личности? Вѣроятно, оно является, благодаря существованію какого нибудь Кондратьича и ему подобныхъ. Жаль, что нашему брату отъ этого не легче..... Нѣтъ, скверно тутъ жить!..

13.

Скука моя растетъ день ото дня. Поутру сверху до̀-низу я перерылъ все въ своемъ сундучкѣ, думая найти въ немъ какую-нибудь забытую книжонку, или исписанную тетрадь. Ничего не отъискалъ! Развернешь одно — учебная книга; развернешь другое — знакомыя лекціи: логика, психологія, объясненія разныхъ текстовъ... все это извѣстно и переизвѣстно. Быть по сему. Буду отъ нечего дѣлать опять продолжать свой дневникъ. Но, если бы пришлось мнѣ пожить здѣсь долгое время, полагаю навѣрное, я ограничился бы тѣмъ, что вносилъ бы въ него слѣдующія, краткія замѣтки: сегодня мы были въ полѣ, или сегодня было тоже, что вчера, или сегодня ничего особеннаго не случилось и такъ далѣе, все въ этомъ же родѣ... Что прикажете дѣлать? Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.... Итакъ — продолжаю.

Въ домѣ нашемъ идетъ страшная возня: приготовленіе къ храмовому празднику, т. е. ко дню Успенія Пресвятыя Богородицы. Моютъ окна, двери, полы и прочее. Ѳедулъ хлопочетъ на дворѣ: зарѣзалъ нѣсколько куръ, зарѣзалъ трехъ гусей, зарѣзалъ барана, теперь приготовляется снимать кожу съ теленка и по поводу этой рѣзни находится въ отличномъ настроеніи духа, сыплетъ шутками

и съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ вонзаетъ свой острый ножъ въ теплое мясо животнаго, умирающаго въ судорогахъ передъ его глазами. Матушка безпрестанно сердится на кухарку, кричитъ, что она лѣнива и ничего не понимаетъ. «Ну, чтожь, лѣнива, такъ и лѣнива!» — отвѣтитъ кухарка, и съ такимъ ожесточеніемъ начнетъ скрести ножомъ сосновую дверь, что скрипъ желѣзныхъ петлей становится слышенъ на весь домъ. Или скажетъ: «ну что жь, глупа, такъ и глупа!» — и сунетъ съ необыкновенною скоростію въ устье печи горшокъ, или чугунъ, станетъ къ ней задомъ, и время отъ времени тяжело вздыхаетъ: «охъ, хо, хо! житье, житье!...» Батюшка не мѣшается ни во что. Молвитъ иногда матушкѣ: «потише. попадья, потише!» и пойдетъ къ своему дѣлу. Матушка тотчасъ же притихнетъ. Вообще она ему во всемъ безусловно покоряется. Теперь вопросъ: гдѣ взять вилокъ? Окончательно ее добиваетъ. У насъ вилокъ одна только пара, а гостей будетъ много. Для благочиннаго, приглашеннаго совершать литургію, рѣшено приготовить его любимое блюдо: жаренаго поросенка, начиненнаго грѣчневою кашею, съ гусинымъ жиромъ, съ перцемъ. съ лукомъ и еще съ чѣмъ-то, ужь право не знаю. Для гостей втораго разряда, за неимѣніемъ особой спальни, очищена баня, въ которой на полу и на полку постлано свѣжее, душистое сѣно. Что касается меня, никакъ не придумаю, на что бы употребить мнѣ свободное время. По крайней мѣрѣ хоть бы спалось поболѣе, все было бы лучше; такъ нѣтъ: лежишь до полночи съ открытыми глазами, и, радъ-не-радъ, слушаешь лай, или вой голодныхъ собакъ.

17 ночью.

Нашъ храмовой праздникъ окончился. Слава Тебѣ, Господи! Гости разъѣхались. Ворота затворены. Въ домѣ глубокая тишина. Ну, и было же съ ними хлопотъ! Первый обѣдъ, за которымъ присутствовали благочинный и человѣкъ 15 нашей родни, прибывшей съ разныхъ сторонъ, за нѣсколько десятковъ верстъ, про-

шелъ безъ особенныхъ исторій и шума. За обѣдомъ батюшка выбиралъ для благочиннаго самые лучшіе, самые жирные куски мяса, повторяя: «покорнѣйше прошу отвѣдать. Сдѣлайте одолженіе, коли что дурно, не осудите, все, знаете, свое домашнее....» и усердно потчивалъ его виномъ. «Отвѣдаю, отвѣдаю», говорилъ благочинный. «Пожалуйста меня не торопи. Тише ѣдешь, дальше будешь....» И въ самомъ дѣлѣ онъ не торопился: разсказывалъ разные анекдоты, отиралъ крупный потъ на своемъ лицѣ и медленно опоражнивалъ новое блюдо. Матушка измучилась, упрашивая и кланяясь за каждою рюмкою. Гостья пили, повидимому, единственно изъ приличія, съ большою неохотою. Но въ половинѣ стола сами начали просить вина разными намеками: гусь-то, молъ, по сухой землѣ рѣдко ходитъ, или утка-то безъ воды не любитъ жить.... и тому подобное. Всѣ эти свахи, двоюродныя и троюродныя сестры, и сватовы жены вели неумолкаемый, безтолковый разговоръ и, по окончаніи обѣда, нѣкоторыя изъ нихъ запѣли пѣсни, съ припѣвомъ:

Ай, люли! Ай, люли!
Ай, люшинки! Ай, люли!

Тогда какъ въ другомъ углу раздавалось хлопанье ладоней подъ веселую пѣсню:

У воротъ гусли вдарили,
Ой, вдарили, вдарили!
Ой, вдарили, вдарили!..

Батюшка чувствовалъ сильную усталость, а между-тѣмъ не смѣлъ свободно сѣсть, или облокотиться на столъ въ присутствіи своего начальника, внимательно слушалъ его разсказы и почтительно соглашался съ его приговорами: «это совершенная истина! или — какъ вамъ этого не знать! Вамъ лучше нашего это извѣстно....» Одинъ только мѣщанинъ, дальній родственникъ матушки, держалъ себя независимо и крѣпко ударялъ объ столъ кулакомъ, приговаривая: «мы знаемъ у кого гуляемъ! ну, вотъ и все.... и мое почтеніе!... такъ что ли, отецъ Иванъ? Вѣрно!....» По выходѣ изъ-за стола, благочинный осматривалъ наше гумно, ригу, огородъ,

на которомъ спѣютъ дыни, и прочія домашнія постройки. Батюшка сопровождалъ его съ открытою головою. Что прикажите дѣлать! Благочинный, говорятъ, самолюбивъ и не задумывается черпить того, кто ему не нравится. Лошади его были накормлены овсомъ до послѣдней возможности. Кучеръ едва ворочалъ языкомъ. Лицо его походило на красное сукно. Съ отъѣздомъ начальника батюшка повеселѣлъ и сдѣлался разговорчивѣе. Въ сумерки независимый мѣщанинъ такъ насытился, что упалъ середи двора и бормоталъ околесную: какой безмѣнъ? на безмѣнѣ не обвѣсишь.... а вотъ пенька твоя гнилая. Оттого и не доплачено.... вѣрно! ступай къ чорту!..» Батюшка терпѣть не можетъ, когда упоминается дьявольское имя. Онъ подошелъ къ полусонному гостю и сказалъ: «Эй, любезный! любезный! перекрестись!» — Проваливай къ чорту! — отвѣтилъ мѣщанинъ и перевернулся на другой бокъ. Ѳедулъ еще съ утра былъ на веселѣ — и все приставалъ къ батюшкѣ, чтобы онъ далъ ему денегъ.

«Пожайлуста, выйди вонъ», отвѣчалъ ему батюшка: «ты видишь, у меня чужіе люди.»

— Это ужь твое дѣло, — говорилъ Ѳедулъ, растопыривъ руки, какъ крылья. Я сказалъ, что хочу выпить, ну — и кончено!.. —

Батюшка далъ ему четвертакъ. Ѳедулъ положилъ его на свою широкую ладонь, подбросилъ вверхъ и такъ крѣпко ударилъ по ней другою ладонью, что одна старушка-гостья плюнула и сказала: «вишь какъ его окаяннаго разбираетъ!..» Вечеромъ я вышелъ на крыльцо, но, увы!.. сойти съ него не могъ. Ѳедулъ сдвинулъ съ мѣста большой, самородный камень, служившій ступенью, и каталъ его по двору. «Дуракъ! что ты дѣлаешь?» крикнулъ я на Ѳедула.

— Камень катаю. Человѣка ломать — грѣхъ: не вытерпитъ, а камень вытерпитъ, вотъ я его и ворочаю, да! Руки чешутся, оттого и ворочаю. —

«Положи его на мѣсто. Съума ты сошелъ!»

— Не спѣши. Покатаю и положу. Онъ такъ и сдѣлалъ.

На слѣдующіе дни повторилась та же исторія ѣды и питья съ небольшими измѣненіями. Очищенная для гостей баня оказалась

ненужною: они провели ночь какъ попало и гдѣ пришлось, т. е. на мѣстахъ, гдѣ кого убилъ на повалъ могучій хмѣль. Повторяю опять: слава Тебѣ, Господи! Всѣ разъѣхались!..

26.

Время однако идетъ, да идетъ своимъ чередомъ. Мнѣ уже не долго остается жить въ деревнѣ, бить, какъ говорится, баклуши. Да и пора отсюда. Вѣчно слышишь разговоры о пашнѣ, о посѣвахъ, заботы о томъ: упадетъ ли во время дождь, сколько мѣръ даетъ изъ копны рожь, сколько грѣча и прочее, и прочее. У того-то заболѣла овца. Сосѣда Кузьму видѣли въ новыхъ сапогахъ. Объ этомъ тоже разговариваютъ и нѣкоторые смотрятъ на Кузьму съ завистью. Тётка Матрена сушила на печи лёнъ и чуть не сожгла избы, — все это переходитъ изъ устъ въ уста и возбуждаетъ разные толки. Матушка опечалена предстоящей со мною разлукою, приготовляетъ мнѣ жирныя пышки, сдобные сухари и разные крендели. Отъѣздъ назначенъ завтра. Не смотря на скуку, которая на меня напала здѣсь въ послѣдніе дни, я съ грустью обошелъ знакомыя поля, побывалъ и въ лугу, и въ лѣсу и, — стыдно, сказать, — проходя мимо окна черничекъ, остановился въ раздумьѣ.... Окно было занавѣшено. Калитка была заперта. А что если бы Наталья Ѳедоровна сидѣла подъ окномъ и позвала меня въ свою свѣтлую горенку, ужели бы я отказался съ нею проститься? Признаюсь, во мнѣ все-таки таится задняя мысль, что эти страницы могутъ попасть въ чьи либо руки. Я не смѣю высказать того, что творится теперь и что творилось прежде въ моей душѣ... Дорого мнѣ стоило сдержать свое честное слово, много я вынесъ тоски и борьбы, но — я его сдержалъ: я уже не видалъ болѣе милой Наташи.... Только уѣхать отсюда нужно скорѣе, непремѣнно скорѣе, иначе силы мои упадутъ. Итакъ — въ городъ. И потянется снова однообразная семинарская жизнь. И пойдутъ безконечные уроки, замѣчанія, выговоры и... полно заранѣе горевать! До свиданія, родной мой уголокъ! Спасибо тебѣ за пріютъ, за

тотъ покой, которымъ ты меня окружалъ. Быть можетъ, по прошествіи года, снова приведетъ меня Богъ сидѣть у этого, отворённаго въ садъ, окна, смотрѣть на эту темную зелень и вдыхать запахъ росистой травы и, быть можетъ, снова войдетъ въ мою комнату, какъ входитъ она теперь, наша молчаливая кухарка и молвитъ, почесывая по привычкѣ спину; «Василій Иванычъ! самоваръ подали. Иди!..»

1 Сентября.

Ну, вотъ мы и въ городѣ. Стоимъ покамѣсть на прежней квартирѣ, въ старомъ домишкѣ сварливой, неопрятной мѣщанки, которая, узнавъ, что я не буду болѣе ея жильцомъ, насчитываетъ на батюшку лишніе два рубля. «Давай», говоритъ, «давай. Небось, не обѣднѣете! Вы сами дерете съ живаго и съ мертваго...» Батюшка уже былъ у профессора и условился съ нимъ въ цѣнѣ, но что-то хмуритъ брови; вѣрно моя новая квартира обойдется ему не дешево. Яблочкинъ ушелъ отъ меня недавно. Не знаю, потому ли, что я его нѣсколько времени не видалъ, лицо его показалось мнѣ страшно худо и блѣдно. Но какъ онъ бываетъ хорошъ, когда начинаетъ съ увлеченіемъ о чемъ-нибудь говорить! Голубые глаза горятъ, щеки покрываются яркою краскою, бѣлокурые, вьющіеся отъ природы волосы, — закидываются назадъ и открываютъ бѣлый широкій лобъ. Сообразно настроенію души, черты лица мѣняются ежеминутно. Во время разговора всѣ члены его приходятъ въ движеніе.

«А, Бѣлозерскій!» Воскликнулъ онъ, отворяя дверь въ мою комнату: «пріѣхалъ? ну, молодецъ! Давай руку. Эхъ, дружище! какъ тебя въ деревнѣ-то откормили; вотъ что значитъ батюшкинъ да матушкинъ сынокъ, не то что нашъ братъ сынъ пономаря и круглый сирота. Какъ поживаешь!»

— По прежнему. — Отвѣчалъ я.

«Съ одинаковымъ душевнымъ спокойствіемъ? Ну и прекрасно. Это въ тебѣ наслѣдственная добродѣтель. Отецъ твой, какъ ты самъ не разъ говорилъ, тоже ничѣмъ не возмущается. Главное,

ты умный и добрый малый, за что я отъ души тебя люблю. А знаешь ли что? На дняхъ я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, окончившимъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ; онъ служитъ здѣсь чиновникомъ. У него прекрасная библіотека. Хочешь, душа моя, читать? какъ сыръ въ маслѣ будешь кататься.»

— Еще бы не хотѣть! Давай только книгъ получше! —

«Охъ, ты! получше... вкусъ-то у тебя немножко испорченъ. Ну, да исправится со временемъ, ничего.

— Гдѣ ты провелъ каникулы? —

«Въ деревнѣ одного помѣщика. Училъ его ротозѣя-сынишку первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики. Ну, душа моя, помѣщикъ! Представь себѣ откормленнаго на убой быка, съ черными щетинистыми усами, съ угреватымъ расплывшимся лицомъ — вотъ его портретъ. Чѣмъ, ты думаешь, онъ занимается? Лежитъ на мягкомъ диванѣ, въ вязаной, красной ермолкѣ, въ шелковомъ халатѣ, въ пестрыхъ туфляхъ и насвистываетъ разные марши. «Гришка! Подай трубку!..» Замѣть: столъ стоитъ у его изголовья, на столѣ табакъ и трубка. Чего бы, кажется, кричать? Этотъ Гришка до того загнанъ и запуганъ, что совсѣмъ почти потерялъ даръ слова и движется съ потупленною головою и унылымъ лицомъ, какъ живая кукла. Такой проклятый быкъ, ни одного журнала не выписываетъ! Дочка у него тоже замѣчательное въ своемъ родѣ созданіе: раздавитъ кто-нибудь при ней муху, она чуть не падаетъ въ обморокъ, увидитъ на своемъ платьѣ козявку, поднимаетъ крикъ. Однажды вечеромъ влетѣлъ въ комнату жукъ. Барышня взвизгнула. Сѣнныя дѣвки, съ вѣниками и съ полотенцами въ рукахъ, начали метаться изъ угла въ уголъ за бѣднымъ насѣкомымъ. Наконецъ побѣда была одержана: жукъ вылетѣлъ въ окно. Барышня приняла лавровишневыхъ капель и легла въ постель. Въ домѣ все притаило дыханіе; даже быкъ на нѣкоторое время пересталъ насвистывать свои марши...»

— Ну, что жь ты не поссорился съ нимъ? —

«Нѣтъ, выдержалъ. А солоно было! На первыхъ порахъ барину угодно было посылать меня за водой. «Молодой человѣкъ, при-

несите-ка мнѣ воды!› Я ограничивался тѣмъ, что передавалъ его приказанія въ переднюю: Григорій! баринъ требуетъ воды. Или: ‹молодой человѣкъ, набейте мнѣ трубку!› Я опять отправлялся въ переднюю: Григорій! баринъ требуетъ трубку. И тому подоб. Съ этого времени барская спѣсь перестала разсчитывать на мою холопскую услужливость. Однажды я читалъ стихотворенія Шенье. Одно изъ нихъ произвело на меня такое впечатлѣніе, что я позабылся и сказалъ вслухъ: ‹что это за прелесть! ‹Чѣмъ вы восхищаетесь? спросила меня слабонервная барышня. Я показалъ ей прочитанныя мною строки. ‹Въ самомъ дѣлѣ, очень мило›. Переведи, Наташа, порусски, промычалъ быкъ: я послушаю›. Наташа попробовала перевести и не смогла. ‹А ну-ка вы, г. учитель›. Я перевелъ. Быкъ взбѣсился. ‹Какъ, чортъ возьми! Какой-нибудь кут... (онъ хотѣлъ сказать: кутейникъ, но поправился) какой-нибудь молодой человѣкъ, учившійся на мѣдныя деньги, свободно владѣетъ французскимъ языкомъ, а у насъ 5 лѣтъ жила француженка и ты не можешь перевести стихотворенія, а?.. Послѣ этого пусть дьяволъ возьметъ всѣхъ вашихъ гувернантокъ! Вотъ-что!›...

Барышня долго на меня дулась за то, что я будто бы хотѣлъ порисоваться передъ ея папашею... Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь покурить?›

— Ничего нѣтъ. Ты знаешь, я почти не курю.

‹Скупишся, душа моя, это скверно!›

— Чтожь дѣлать! Батюшка и безъ того жалуется на большіе расходы. Поздравь меня, Яблочкинъ: я буду жить у нашего профессора К.

‹Будто? Ты не шутишь?›

— Нисколько. Такъ угодно моему батюшкѣ. —

‹Жаль. Вѣрно старикъ твой еще не утратилъ раболѣпнаго уваженія къ бурсѣ и думаетъ, что всякій профессоръ есть своего рода свѣтило — vir doctissimus. —

— Что жь ты находишь тутъ дурнаго? —

‹А то, что въ квартирѣ своего наставника ты займешь должность камердинера, разумѣется, если ему понравишся, а не понравишся, займешь должность лакея.›

— Ну, далеко хватилъ! Увидимъ. —

«Увидишь, душа моя, увидишь! Во всемъ этомъ я вижу только одну хорошую сторону: квартира твоя какъ разъ противъ моей, стало быть, ты можешь навѣщать меня, когда тебѣ вздумается. У меня теперь пропасть дѣла. Старушка, чиновница, у которой я живу, и съ сыномъ которой приготовляюсь вмѣстѣ поступить въ университетъ, ежедневно мнѣ повторяетъ: «трудитесь, молодой человѣкъ, трудитесь! Поѣдете, Богъ дастъ, съ моимъ Сашенькою въ Москву, я и тамъ васъ не забуду». Такая добрая!»

— Итакъ ты навѣрное ѣдешь въ университетъ? —

«Навѣрное. Совѣтую и тебѣ тоже сдѣлать».

— Я бы не прочь. Батюшка не позволитъ. Онъ не хочетъ, чтобы я выходилъ изъ духовнаго званія. —

«Врешь! Доброй воли у тебя не достаетъ — вотъ и все! Проси, моли, плачь... что жь дѣлать! Не позволитъ!.. Я круглый сирота, а видишь, не вѣшаю головы! Горько иногда мнѣ приходится, но когда подумаю, что я пробиваю себѣ дорогу безъ чужой помощи, одинъ, собственными своими силами, что кусокъ хлѣба, который я ѣмъ, добытъ моимъ трудомъ, что перо, которымъ я пишу, куплено на мою трудовую копѣйку, что я никому не обязанъ и ни отъ кого не зависимъ, — и на глазахъ моихъ выступаютъ радостныя слезы.... развѣ это не отрадно?.. Однако прощай! Мнѣ некогда».

Послѣ этого разговора я долго сидѣлъ въ раздумьи и ничего не могъ придумать. Я знаю, что батюшка меня не послушаетъ. А такой непреклонной воли, такой энергіи, какъ у Яблочкина, у меня нѣтъ. Вѣрно мнѣ придется итти безпрекословно по той дорогѣ, которою идутъ другіе, подобные мнѣ, труженики.

2.

Утромъ, вмѣстѣ съ батюшкою, я былъ у профессора Ѳедора Ѳедоровича К. Признаюсь, сердце сильно забилось въ моей груди отъ какой-то глупой робости, когда въ первый разъ я переступ-

пилъ порогъ его передней. О насъ доложилъ мальчуганъ, одѣтый въ нанковый, съ разодранными локтями, бешметь. «Пусть войдутъ», послышалось за дверью. Мы вошли. Это былъ кабинетъ профессора. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и курилъ папироску. На колѣняхъ его мурлыкалъ сѣрый котенокъ. Съ жаднымъ любопытствомъ осматривалъ я эту комнату, это, недоступное мнѣ доселѣ, святилище. Надъ диваномъ висѣли, въ деревянныхъ рамкахъ, за стеклами, засиженными мухами, портреты неизвѣстныхъ мнѣ духовныхъ лицъ. Въ маленькомъ шкафѣ на одной только полкѣ стояло нѣсколько учебныхъ книгъ, двѣ остальныя полки были пусты. На столѣ лежали разбросанныя тетрадки и засохшія перья. Занавѣски на окнахъ потемнѣли отъ пыли. Вообще комната не отличалась особенною чистотою. «Садитесь, отецъ Иванъ, безъ церемоніи», сказалъ профессоръ, не трогаясь съ мѣста, не перемѣняя своего положенія, вѣроятно изъ опасенія потревожить дремавшаго котенка. Батюшка прежде нежели сѣлъ, указалъ на меня и поклонился въ поясъ профессору. «Отдаю его вамъ подъ ваше покровительство. Учите его добру и наблюдайте за его занятіями. Покорнѣйше васъ прошу!» и опять послѣдовалъ низкій поклонъ. — Хорошо, хорошо! Потакать не станемъ. Впрочемъ, онъ изъ лучшихъ учениковъ: слѣдовательно, при моемъ надзорѣ, вы можете быть спокойны насчетъ его дальнѣйшихъ успѣховъ. — «Покорнѣйше васъ благодарю!» отвѣчалъ батюшка и опять поклонился. Профессоръ всталъ и отворилъ дверь налѣво. Вотъ комната, которую будетъ занимать вашъ сынъ. Комната оказалась не болѣе 4-хъ квадратныхъ аршинъ, съ тусклымъ окномъ, выходившимъ на задній дворъ. Подлѣ стѣны стояла узенькая кровать, когда-то окрашенная зеленою краскою. Своею отдѣлкою она напоминала мнѣ кровати нашей семинарской больницы. Подъ задними ножками были подложены кирпичи, потому что онѣ были ниже переднихъ. Въ углу висѣлъ мѣдный рукомойникъ, подъ которымъ на черной табуреткѣ стоялъ глиняный тазъ, до половины налитый грязною водою. Стѣны были оклеены бумажками, которыя во многихъ мѣстахъ отклеились и висѣли клоками. «Приберется, хорошая бу-

детъ комната», сказалъ профессоръ: «Пусть только занимается дѣломъ. Мѣшать ему здѣсь никто не станетъ...» — Это главное, это главное! — повторилъ батюшка: — объ удобствѣ не безпокойтесь. Мы люди привычные ко всему. — «И прекрасно! пусть съ Богомъ переѣзжаетъ». — Когда прикажете? — «Хоть сейчасъ, мнѣ все равно. Скажите вашему сыну, чтобы онъ поприлежнѣе занимался, а голодать за моимъ столомъ онъ не будетъ: я люблю хорошо поѣсть. Что вы дѣлали во время каникулъ?» Послѣднія слова относились ко мнѣ. Я покраснѣлъ. Сказать прямо, что я возилъ снопы, казалось мнѣ какъ-то неловко. «Почти ничего», отвѣчалъ я. — Это дурно! Надо трудиться: безъ труда далеко не уѣдешь. — «И я ему тоже внушаю», сказалъ батюшка. — Такъ и слѣдуетъ. Вы думаете, мнѣ вотъ легко досталось, что я вышелъ въ люди? Нѣтъ, нелегко! 16 лѣтъ я не разгибалъ спины, сидя за книгами, и никакой твари не обидѣлъ ни словомъ, ни дѣломъ. У насъ заносчивостію не возьмешь. Это, молодой человѣкъ, вы примите къ свѣдѣнію. Иначе цѣлый вѣкъ будете перезванивать въ колокола и распѣвать на клиросѣ». Во время этой рѣчи профессоръ сидѣлъ и поглаживалъ рукою котенка. Мы почтительно стояли у порога. Батюшка тяжело вздыхалъ. «Прошу васъ не оставить его своимъ вниманіемъ». — Хорошо, хорошо! — Затѣмъ мы поклонились и вышли. На обратномъ пути батюшка внимательно разсматривалъ огромныя вывѣски на каменныхъ домахъ, читалъ ихъ и торопливо давалъ дорогу всякому порядочно-одѣтому человѣку. Мнѣ кажется, онъ немножко, какъ бы одичалъ, живя безвыѣздно въ своей деревнѣ. Отдохнувъ нѣсколько въ горенкѣ нашей старой квартиры, гдѣ кромѣ насъ не было ни одной души, онъ сказалъ мнѣ: «ну, Вася, тебѣ уже 19 лѣтъ, стало быть, ты можешь понимать, чтò хорошо и чтò дурно. Учись прилежно. Старшихъ слушай и береги деньги. Я ихъ не жалѣю и помѣщаю тебя къ профессору, желая тебѣ добра. Смотри же, не обмани моихъ надеждъ!» Мнѣ было что-то очень грустно. «Батюшка», сказалъ я: «Яблочкинъ ѣдетъ въ университетъ. Позвольте и мнѣ съ нимъ туда же приготовиться.» — Пусть онъ ѣдетъ. Часъ ему

добрый. А ты пребывай въ томъ званіи, для котораго ты призванъ и мечты свои оставь, если не хочешь меня обидѣть. — Я утеръ украдкою слезу и началъ собираться къ переѣзду на новую квартиру.

3.

Вотъ я и на новосельи. Батюшка отправился домой ночью, потому что спѣшилъ къ посѣву ржи. Сегодня въ первый разъ мнѣ пришлось обѣдать за однимъ столомъ съ профессоромъ. У меня не достаетъ словъ выразить, въ какое затрудненіе поставилъ меня этотъ обѣдъ! На столѣ стояли два прибора, и каждый былъ накрытъ особою салфеткою. Я рѣшительно не зналъ, что мнѣ съ нею дѣлать и куда мнѣ ее положить. Спасибо, что профессоръ вывелъ меня изъ замѣшательства своимъ примѣромъ. Далѣе дошло дѣло до серебряной ложки, похожей на лодочку, тогда какъ я привыкъ обходиться съ деревянною, круглою. Неловко безъ привычки, да и только! Того и смотри, что оболью щами или скатерть, или свой атласный черный жилетъ. Когда мнѣ пришлось взять на свою тарелку кусокъ жаренаго мяса и разрѣзывать его, я сдѣлалъ таки глупость: брызнулъ на бѣлую скатерть подливкою и окончательно потерялся. Мои длинныя ноги, казалось, стали еще длиннѣе. Я не зналъ, куда ихъ дѣвать. Попробовалъ протянуть ихъ свободно подъ столомъ, но, увы! толкнулъ ножку стола и коснулся ноги профессора. Подумалъ, подумалъ — и съ величайшею осторожностію помѣстилъ ихъ подъ свой стулъ. Къ счастію, въ продолженіе обѣда, профессоръ почти ничего не говорилъ, иначе какъ бы я могъ сообразить отвѣтъ и въ тоже время управляться съ ножомъ и вилкою... Прислуживала намъ старая кухарка, одѣтая опрятно и, какъ видно, хорошо знающая свое дѣло. Изъ-за стола я вышелъ голоднымъ, потому что не смѣлъ дать воли своему аппетиту, не желая показаться человѣкомъ никогда не видавшимъ порядочнаго куска. Проклятая застѣнчивость!,..

«Ну, Бѣлозерскій, дай-ка мнѣ папироску; онѣ вонъ на окнѣ лежатъ,» сказалъ мнѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, выходя изъ-за стола;

«да, пожалуйста, будь поразвязнѣе и ужь извини, братъ, что я начинаю съ тобою обращаться на *ты*. Смѣшно же намъ церемониться: ты проживешь у меня не одинъ день...»

Такъ, подумалъ я, вотъ и первое сближенiе ученика съ профессоромъ. Посмотримъ, что будетъ далѣе.

«Позвольте узнать, что вы посовѣтуете мнѣ прочитать по части философiи?»

Онъ рекомендовалъ мнѣ слѣдующее:

Опытъ науки философiи, Надеждина.

Опытъ системы нравственной философiи, Дроздова.

Опытъ философiи природы, Кедрова,

и нѣсколько разныхъ руководствъ по логикѣ и психологiи. Все это, сказалъ онъ, вы можете спросить въ семинарской библiотекѣ. Ну, подумалъ я: эта пѣсня потянется надолго. Библiотекарь, занимающiй вмѣстѣ съ тѣмъ и должность профессора, когда попросишь у него какую-нибудь книгу, или отзывается недосугомъ, или тѣмъ, что ключъ отъ библiотеки забытъ имъ дома, или, когда бываетъ не въ духѣ, просто откажетъ такъ: вы просите книги, а навѣрное урока не знаете.... Читатели!... Трепать берете, а не читать... ступайте, откуда пришли!...

Въ продолженiе этого дня у Ѳедора Ѳедоровича не мало перебывало лицъ нашего духовнаго сословiя. Онъ принималъ ихъ не одинаково. Однихъ приглашалъ въ гостиную и указывалъ на стулъ, говоря: «садитесь безъ церемонiи. Ну, что у васъ новаго? Каково уродился хлѣбъ?» (Послѣднiй вопросъ онъ предлагалъ почти всѣмъ. Желалъ бы я знать, что ему за дѣло до урожая?). Другiе останавливались на порогѣ гостиной и объясняли ему свои нужды въ такихъ робкихъ выраженiяхъ, сопровождая ихъ такими глубокими поклонами, принимали на себя такой уничиженный, раболѣпный видъ, что мнѣ вчужѣ становилось досадно и горько. Ѳедоръ Ѳедоровичъ ходилъ по комнатѣ, играя махрами своего шелковаго пояса (вѣроятно, онъ никогда не снимаетъ въ комнатѣ своего халата), нѣкоторымъ обѣщалъ свое покровительство; нѣкоторымъ говорилъ:» не могу, не могу! Тутъ не поможетъ мое хо-

датайство.» Остальныхъ выслушивалъ въ передней и, бросивъ быстрый взглядъ на какое-нибудь замасленное, потертое полукафтанье, отрывисто восклицалъ: «некогда! приходи въ другое время!» Наконецъ за однимъ дьячкомъ просто захлопнулъ дверь, сердито сказавъ: «надоѣли! всякая дрянь лѣзетъ!...» Заглянувъ случайно въ кабинетъ, я увидѣлъ подъ письменнымъ столомъ нѣсколько бутылокъ рому, голову сахару, а на столѣ два фунта чаю. Кстати о чаѣ. Послѣ вечерни, когда былъ поданъ самоваръ, Өедоръ Өедоровичъ послалъ меня за табакомъ. Вотъ, говоритъ, 30 к. сер. возьми четвертку 2 сорта турецкаго, только смотри — средняго, а не крѣпкаго. Табаку я купилъ, но возвратился промокшимъ до костей, потому что дождь поливалъ, какъ изъ ведра. —

«Ну, что, сказалъ онъ: промокъ?»

— Ничего. Отвѣчалъ я. —

«Выпей вотъ чашку чаю.»

Чай былъ уже холоденъ и такъ жидокъ, что походилъ на мутную воду; однакожь я не смѣлъ отказаться, выпилъ и опрокинулъ чашку. «Не хочешь ли еще?» Я поблагодарилъ и отказался. Өедоръ Өедоровичъ положилъ въ жестяную сахарницу возвращенный ему мною кусочекъ сахару, замкнулъ ее и приказалъ мальчику прибрать самоваръ.

Послѣ ужина, за которымъ я сидѣлъ уже нѣсколько смѣлѣе, Өедоръ Өедоровичъ вышелъ въ переднюю, остановилъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, чтобы онъ не безпокоилъ его ночью своимъ стукомъ, и далъ мнѣ мѣдный подсвѣчникъ и сальную свѣчу. «Если нужно, можешь зажечь.» Тутъ онъ замѣтилъ дремавшаго на стулѣ мальчугана, котораго зоветъ Гришкою, и дернулъ его за вихоръ.— «Пошелъ чертенокъ въ кухню. Видишь, нашелъ мѣсто, гдѣ спать!» Комната моя, при мѣсячномъ свѣтѣ сквозь тусклыя стекла, показалась мнѣ пустымъ, заброшеннымъ чуланомъ. Я попробовалъ отворить окно, съ задняго двора пахнуло навозомъ, и я съ досадою его закрылъ. Легъ на свою жесткую кровать, но заснуть не могъ: воображеніе мое работало неутомимо. Мнѣ вспомнились наши зна-

комыя поля, покрытыя желтою рожью, моя свѣтлая, уютная горенка и темный, кудрявый садъ. И вотъ яснѣе и яснѣе возникъ передо мною образъ улыбающейся женщины, забѣлѣлось ея открытое плечо и я почувствовалъ крѣпкое пожатіе нѣжной руки. Что со мною, подумалъ я, и приложилъ руку ко лбу, лобъ горѣлъ какъ въ огнѣ. Неужели я простудился? Нечего сказать, не весело мое новоселье. И медленно и тихо поднялся я съ кровати, чтобы не разбудить спавшаго профессора, зажегъ свѣчу и написалъ эти строки.

5.

Теперь снова за трудъ. Все начинаетъ входить въ свою обыкновенную колею. Сегодня поутру въ нашей семинарской церкви былъ торжественный молебенъ, на которомъ присутствовали профессора и почти всѣ ученики. Послѣ того, какъ дьяконъ провозгласилъ многолѣтіе всѣмъ учащимъ и учащимся, хоръ пѣвчихъ привелъ въ восторгъ большую часть слушателей своимъ чуть не сверхъестественнымъ крикомъ, въ особенности отличались басы. Изъ церкви ученики разошлись по классамъ. Вслѣдъ за толпою моихъ товарищей, вошелъ и я въ нашъ философскій классъ, дверь котораго отперъ намъ сѣдой сторожъ, отставной солдатъ съ лицомъ, изрытымъ оспою. Эти каменныя, громадной толщины, стѣны, покрытыя зеленою краскою, эти бѣлые, мѣстами растрескавшіеся, своды потолка, эта высокая печь, никогда не затопляемая въ зимнее время и существующая неизвѣстно для какой цѣли, эти окна съ желѣзными рѣшетками, эти черные, изрѣзанные перочинными ножами, столы съ обтертыми скамьями и широкая, черная доска, утвержденная отлого на трехъ ножкахъ, — все это показалось мнѣ такъ знакомо, будто я былъ здѣсь не болѣе двухъ дней. Воздухъ сырой, какъ въ подвалѣ, и все вокругъ покрыто слоями густой пыли. На доскѣ кому-то вздумалось вывести пальцемъ: терпѣніе великая добродѣтель, и слова эти вышли чрезвычайно отчетливо. Въ классѣ начались, по обыкновенію, толкотня, пересаживанье съ мѣста на мѣсто, прыганье черезъ столы, ходьба по

нимъ и смутный, безтолковый шумъ. Въ одномъ концѣ какая-то забубенная голова напѣвала въ полголоса: «Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить», въ другомъ кто-то выводилъ густымъ басомъ: «Многая лѣта! мно-га-я лѣ-ѣ-та!» Куда ты къ чорту лѣзешь? раздается громкій крикъ: ногу отдавилъ! «А ты не разставляй ихъ», отвѣчалъ сиплый голосъ. Я занялъ свое четвертое мѣсто на скамьѣ перваго стола. «Слышишь, Краснопольскій!» сказалъ ученикъ, перегнувшись черезъ мою спину. «Ты, братъ, зачѣмъ же увезъ въ деревню моего Поль-де-Кока?» — Забылъ отдать, ей-Богу, забылъ! — отвѣчалъ Краснопольскій, торопливо доѣдая мучную булку. «Дай-ка, братъ, мнѣ булки-то немножко. Есть что ли?»—Нà вотъ.—«А стоишь на прежней квартирѣ?»— Нѣтъ, хозяйка отказала. — «Отчего отказала?» — У меня, говоритъ, теперь дочь на возрастѣ. — Ученики захохотали. Краснопольскій обратился ко мнѣ: «Ты куда пойдешь послѣ класса?»— На квартиру, — сказалъ я. «Пойдемъ-ка лучше въ трактиръ чай пить, вотъ, что за нашею семинаріею, тамъ мало бываетъ народу.» — Нѣтъ, не пойду, — отвѣчалъ я. «Ну, какъ хочешь. Ты гдѣ стоишь? — У нашего профессора. — Краснопольскій вытаращилъ на меня глаза. «У Ѳедора Ѳедоровича? — Да. — Товарищъ мой почесалъ за ухомъ и молчаливо отвернулся въ сторону. Странно! вотъ что значитъ покровительство наставника... Этакъ, пожалуй, и всѣ станутъ посматривать на меня недовѣрчиво... «Тссс... по мѣстамъ!» сказалъ кто-то. И вдругъ все пришло въ порядокъ. Дверь отворилась и Ѳедоръ Ѳедоровичъ вошелъ. Одинъ изъ учениковъ, среди глубокаго молчанія, прочиталъ: «Царю Небесный», послѣ чего нашъ наставникъ кивнулъ слегка на всѣ стороны головою: «садитесь!» Смотря по выраженію его лица, на его манеры и поступь, я никакъ не могъ понять, откуда явилась въ немъ эта перемѣна. Ѳедоръ Ѳедоровичъ дома — и здѣсь — это двѣ совершенно-противоположныя личности. Тамъ онъ и говоритъ просто, и ходитъ, какъ мы всѣ ходимъ, и на лицѣ его нѣтъ чувства собственнаго достоинства, а въ классѣ и лицо у него другое, и манеры другія, и поступь другая, и даже голосъ рѣши-

тельно не его голосъ. Сію минуту видишь, что это профессоръ, а не простой человѣкъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. И вотъ, поднявъ голову и помахивая правою рукою, въ которой держалъ шляпу, онъ прошелся взадъ и впередъ по классу, взъерошилъ свои волоса; всѣ тотчасъ смѣтили, что будетъ сказана рѣчь и встали. Онъ началъ: «Господа! я не буду говорить вамъ объ отеческой заботливости и неусыпномъ попеченіи вашего начальства, благодаря которому вы такъ долго отдыхали послѣ учебныхъ занятій. Равнымъ образомъ я не буду говорить о той важной обязанности, которая ожидаетъ васъ впереди и къ которой можетъ привести васъ одно только безъукоризненное поведеніе, неразрывно соединенное съ постояннымъ трудомъ. Все это вамъ самимъ должно быть извѣстно. Скажу одно: силы ваши теперь освѣжились. Итакъ — вамъ предстоитъ съ новымъ рвеніемъ взяться за трудъ, ожидающій васъ на широкомъ полѣ науки. Что касается меня, я употреблю всѣ, зависящія отъ меня, средства, чтобы не пропало даромъ то время, которое вы проведете со мною въ этихъ стѣнахъ...» И онъ торжественно указалъ лѣвою рукою на стѣны. «Садитесь!» Мы сѣли. Сѣлъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ къ своему четырехъугольному столику и вынулъ изъ боковаго кармана своего сюртука небольшую тетрадку. Это были его собственныя, или лучше сказать, академическія записки о психологіи, по которымъ когда-то учился онъ самъ, и которыя передѣлываетъ и сокращаетъ теперь для насъ. Послѣдовало медленное чтеніе. Ѳедоръ Ѳедоровичъ взвѣшивалъ каждое слово, какъ иной купецъ взвѣшиваетъ на рукѣ червонецъ, пробуя, не попался ли ему фальшивый. «Самонаблюденіе, какого требуетъ психологія, повидимому, не представляетъ собою занятія труднаго, потому что предметъ самонаблюденія для каждаго человѣка есть онъ самъ. Но то самое обстоятельство, отъ котораго зависитъ, повидимому, легкость психологическихъ изслѣдованій, что каждый человѣкъ есть самъ для себя и предметъ и содержаніе психологическихъ наблюденій, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ трудностей въ дѣлѣ самонаблюденія; потому что человѣкъ меньше всего знаетъ то, что онъ есть. Чтобы наша душа могла наблюдать самоё себя,

для этого ея мысль, ея сознаніе должны быть обращены на нее же саму, между тѣмъ: А) познаніе, пріобрѣтаемое нами такимъ образомъ о нашей душѣ, совсѣмъ не такъ ясно, какъ познаніе о внѣшнемъ мірѣ и другихъ предметахъ. Познаніе объ этихъ предметахъ можетъ быть намъ яснымъ оттого, что они противупоставляются нашей душѣ, какъ отличное отъ нея; но наше я не можетъ противупоставить самого себя себѣ, какъ внѣшній предметъ. Правда, что при самонаблюденіи возможно развитіе нѣкоторымъ образомъ и самопротивопоставленіе нашего сознанія, потому что, кромѣ акта наблюденія, должны также продолжаться дѣйствія наблюдаемыя, но при такомъ раздѣленіи сознанія, обыкновенно ослабляется сила и живость наблюдаемыхъ имъ психологическихъ явленій. Тогда какъ во внѣшнемъ мірѣ предметы представляются намъ въ раздѣльности, міръ внутренній является предъ внутреннимъ окомъ въ совершонномъ смѣшеніи...»

Я привожу здѣсь этотъ отрывокъ изъ лекціи съ тою цѣлію, чтобы онъ поглубже, такъ сказать, засѣлъ въ мою голову. Объясненіе раздвоенія нашего сознанія и самопротивупоставленія нашего я, къ сожалѣнію, прервалось громкимъ смѣхомъ одного ученика, который не съумѣлъ удержаться, слушая какой-то уморительный анекдотъ потѣшавшаго его товарища. Ѳедоръ Ѳедоровичъ всталъ, изслѣдовалъ сущность дѣла до мельчайшихъ подробностей, виновныхъ поставилъ къ порогу на колѣни и, казалось, все кончено. Напротивъ. Началось безконечное разсужденіе объ обязанностяхъ воспитанниковъ вообще, воспитанниковъ духовнаго сословія въ особенности. Половина слушателей зѣвала, другая слушала своего наставника по привычкѣ его слушать. Стоявшіе на колѣняхъ ученики, едва онъ оборачивалъ къ нимъ свою спину, или показывали ему кулакъ, или дразнили его языкомъ. Раздался звонокъ — и у всѣхъ просіяли лица. Ѳедоръ Ѳедоровичъ указалъ въ тетрадкѣ на мѣсто, до котораго нужно было выучить къ слѣдующему дню урокъ и классъ окончился. Это свободное и не нужное ни на что время, отъ 10 до 11 часовъ, покуда явится новый профессоръ, — у насъ въ нѣкоторомъ родѣ антрактъ. Ученики выходятъ въ кор-

ридоръ, толкаются въ классѣ, словомъ происходитъ обычная неурядица. О профессорѣ исторіи, классъ котораго начался въ 11 часовъ, я скажу послѣ. Нельзя же вдругъ: хорошенькаго понемножку. Въ коридорѣ я встрѣтилъ Яблочкина. Онъ сердится, что я давно къ нему не захожу.

6.

Квартира Яблочкина не велика, но такая уютная и чистенькая, что прелесть! Стулья обиты новымъ ситцемъ. Столикъ полированный. Въ простѣнкѣ зеркало. На окнахъ разставлены цвѣты, которые, по словамъ Яблочкина, старушка-хозяйка любитъ до страсти. Когда я вошелъ въ переднюю, крѣпостной человѣкъ этой старушки снялъ съ меня шинель. Предупредительность его такъ меня смутила, что я покраснѣлъ до ушей. Мнѣ никогда не случалось пользоваться чужими услугами. Яблочкинъ что-то переводилъ изъ Горація. «Здраствуй, Вася!» сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку: «насилу обо мнѣ вспомнилъ.» И бросилъ въ сторону книгу. Лицо его, что случается рѣдко, было такое веселое и свѣтлое, что я не могъ удержаться и спросилъ, что это значитъ. «Да такъ, душа моя, ничего нѣтъ особеннаго. День ясный. Кругомъ тихо. Въ комнатѣ пахнетъ цвѣтами. На ногахъ у меня, видишь? Онъ поднялъ со смѣхомъ одну ногу — новые сапоги. Задачку я написалъ въ одинъ присѣстъ. Сталъ переводить Горація, переводится безъ труда, — вотъ я и радъ. Такъ-то, пріятель!» Яблочкинъ обнялъ меня и ударилъ ладонью по плечу. «Ну, каково поживаешь на новой квартирѣ?»

— Такъ себѣ, сказалъ я: ни хорошо, ни дурно. Дурно то, что нѣкоторые товарищи, благодаря моей новой квартирѣ, посматриваютъ на меня косо. —

«А ты этого не предвидѣлъ? Разумѣется, съ этого времени тебя будутъ бояться, какъ пересказчика, доносчика и тому под. Впрочемъ, это вздоръ!... Что жь ты просился у своего отца въ университетъ?»

— Проспился. Я напередъ тебѣ говорилъ, что онъ откажетъ. —

«Вотъ, ей-Богу, народъ! Видитъ пробитую дорогу и думаетъ, что лучше этой дороги и нѣтъ и не должно быть.... А все таки у тебя нѣтъ воли, ну отчего бы не сдѣлать по-своему?...»

— Это дѣло рѣшеное, отвѣчалъ я.... Поговоримъ о другомъ. —

«Т. е. о семинаріи? Изволь. Вчера, въ началѣ класса, было обращено къ намъ вступительное слово такого рода: «Теперь мы снова приступаемъ къ занятіямъ. На экзаменѣ передъ каникулами отцу ректору угодно было замѣтить, что нѣкоторые изъ васъ отвѣчали ему вяло. Набудущее время я требую, чтобы каждый, кого я ни спрошу, читалъ мнѣ лекцію безъ запинки. А кто во время чтенія будетъ посматривать на потолокъ, да выдѣлывать эти: гмъ, гмъ.... того, хотя бы онъ стоялъ въ первомъ десяткѣ, я сопхну въ 3-й разрядъ. Вотъ вамъ и все!...» Что ты на это скажешь?»

— Ужь мы не разъ это слышали. Приказано, стало быть, нужно исполнять. —

«Ну, нѣтъ, душа моя! Зубрить я не стану. И если бы въ самомъ дѣлѣ пришлось мнѣ во время отвѣта взглянуть на потолокъ или въ сторону — преступленіе было бы не важное. Экая бурса! Попала на одну ступень и окаменѣла: ни молодѣетъ, ни старѣется....»

Въ эту минуту, съ журналомъ въ рукѣ, вошелъ въ комнату гимназистъ, сынъ старушки. Яблочкинъ отрекомендовалъ ему меня, какъ своего лучшаго товарища. При постороннемъ человѣкѣ мнѣ тотчасъ сдѣлалось неловко и я ломалъ свою голову изъ-за пустѣйшаго вздора: опять ли сѣсть мнѣ на прежнее мѣсто, или приличнѣе будетъ постоять. Гимназистъ обратился къ Яблочкину. «Алексѣй Сергѣичъ! я прочиталъ вотъ въ этомъ нумерѣ Отечественныхъ Записокъ одну изъ статей: разборъ сочиненій Пушкина. Что за языкъ! Что за энергія! Только, знаете ли, я не довѣряю похваламъ, которыя разсыпаются здѣсь его антологическимъ стихотвореніямъ. Они мнѣ не нравятся. Я люблю болѣе всего то, что берется прямо изъ окружающей насъ жизни.»

— Въ васъ мало поэтическаго чутья. Что жь такое! Вамъ не нравится и ‹Каменный гость›, Пушкина.

Тутъ у нихъ начался споръ о художественномъ воспроизведенiи дѣйствительности въ поэзiи, объ образности, о пластикѣ. Изъ словъ ихъ я понималъ немногое, не хочу таиться; самолюбiе мое сильно страдало. Наконецъ старушка зачѣмъ-то кликнула своего сына и онъ ушелъ.

‹Этотъ господинъ, вѣрно, хорошо развитъ.› Замѣтилъ я Яблочкину.

— Ничего. Онъ отличный малый. Трудится много, читаетъ съ толкомъ. Развитiемъ своимъ обязанъ, конечно, не гимназiи, отъ которой пахнетъ мертвечиною, а самому себѣ. —

‹Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь почитать? Дай пожалуйста›, сказалъ я.

— Насилу ты надумался. Бери, душа моя, — книгъ достанетъ. Вотъ ‹Мертвыя души›, Гоголя, не читалъ? —

‹Нѣтъ.›

— Ну, возьми. —

7.

Скоро будетъ полночь. На дворѣ шумитъ дождь. За стѣною храпитъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ и гдѣ-то изрѣдка чирикаетъ сверчокъ. Я только что дочиталъ ‹Мертвыя души› и спѣшу сказать о нихъ нѣсколько словъ подъ влiянiемъ свѣжаго впечатлѣнiя. Я взялся за книгу еще съ утра. Нечего говорить, что я читалъ ее съ увлеченiемъ. Время, проведенное мною за обѣдомъ, казалось мнѣ безконечно-длиннымъ и я вертѣлся на стулѣ, придумывая, подъ какимъ бы предлогомъ выйти изъ-за стола, чтобы снова приняться за чтенiе. ‹Или ты нездоровъ?› сказалъ мнѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. — Нѣтъ, ничего. — ‹Что жь ты вертишся?› — Такъ. Ѣсть что-то не хочется. — ‹Ну, выходи. Кто жь мѣшаетъ.› И я вышелъ. Такъ вотъ кто этотъ Гоголь!.. И объ этомъ-то Гоголѣ одному изъ нашихъ наставниковъ угодно было выразиться, что произведенiя его пахнутъ кухнею и конюшнею, что имъ вы-

ведены на сцену какіе-то обжоры и разная сволочь, что все это уродливо и безобразно. Ну, нѣтъ, почтеннѣйшій наставникъ! Ужь на этотъ разъ позвольте съ вами не согласиться. Чичиковъ, Плюшкинъ, Собакевичъ, Ноздревъ... это такія личности, которыя никогда не выйдутъ изъ моей памяти. Читая книгу, мало того, что я ихъ вижу, — мнѣ кажется, я ихъ осязаю, мнѣ кажется, я чувствую ихъ дыханіе. Жизнь ключомъ бьетъ изъ каждой строки! Господи, да какой же я дуракъ! Прожить 19 лѣтъ и не прочитать ни одной порядочной книги!.. Все живое до того мнѣ чуждо, какъ будто я существую на другой планетѣ и нѣтъ у меня ни костей, ни плоти. Но, слава Богу! этотъ день не пропалъ у меня даромъ. Яблочкинъ далъ мнѣ еще нѣсколько книгъ. Но читать почти некогда: такъ много времени отнимаютъ классы и затверживанье наизусть разныхъ уроковъ, — право, досадно! Иногда сидишь, сидишь въ классѣ и задашь себѣ, ради скуки, вопросъ: «Изъ-за чего я тутъ сижу?» И никакъ не рѣшишь этого простаго вопроса. Сегодня, напримѣръ, въ 11 часовъ утра, явилась въ классъ высокая, тощая и блѣдная фигура, одѣтая, по своему обыкновенію, въ длиннохвостый фракъ со свѣтлыми пуговицами. Это былъ наставникъ, читающій намъ геометрію. Послѣ молитвы «Царю Небесный», черный фракъ двигался нѣсколько минутъ изъ угла въ уголъ по классу, затѣмъ послѣдовали старческій кашель, щелчокъ по табакеркѣ, нюханье табаку и вытираніе носа платкомъ. Мы ко всему этому привыкли и ждали, что будетъ далѣе. «Дайте мнѣ мѣлу!» Ученикъ подалъ ему кусокъ мѣлу и вытеръ грязною тряпкою черную доску. Такъ-какъ тряпки были въ мѣлу и выпачкали ему руки, онъ ударилъ ладонью объ ладонь и при этомъ, разумѣется, счелъ нужнымъ, на потѣху товарищей, скорчить рожу. И вотъ на доскѣ появились углы и треугольники. Геометрія не считается у насъ въ числѣ главныхъ предметовъ преподаванія и потому на черченіе наставника никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ останавливалъ время отъ времени свою работу, нюхалъ табакъ, поглядывалъ наискось на изображенные имъ круги и треугольники и снова продолжалъ: AB + AC =

AD + AC = S и притомъ уголъ BAC и такъ далѣе. Позади меня два ученика преспокойно играли въ три листика, искусно пряча подъ столомъ избитыя, засаленныя карты. Вдругъ одинъ изъ нихъ. вѣроятно въ порывѣ восторга, крикнулъ: «флюстъ!» Наставникъ вздрогнулъ и обернулся. «Какой флюстъ? Кто это сказалъ?» И подойдя къ нашему столу, ни съ того, ни съ сего, напалъ на сидѣвшаго подлѣ меня товарища. «А, въ карты играть?.. хорошо!.. Пойдемъ къ инспектору.» Бѣднякъ струсилъ и указалъ на виновнаго. «Это вотъ онъ что-то сказалъ.» — А, это ты! крикнулъ наставникъ: хорошо!.. Пойдемъ къ инспектору. — «Помилуйте, отвѣчалъ съ улыбкою ученикъ: я сказалъ: плюсъ, а не флюстъ.» — Пошелъ на середину класса!.. ну, стой тутъ. Гдѣ карты? — «У меня никакихъ нѣтъ картъ.» — А, нѣтъ... выворачивай карманъ. Такъ... Выворачивай другой... Гм... нѣтъ... разстегни жилетъ. — Картъ нигдѣ не нашлось: онѣ уже давно были переданы въ десятыя руки. «Ну, чортъ васъ разберетъ! Зачѣмъ ты нарушаешь порядокъ?» — Виноватъ! Я увлекся вашею задачею; вы, кажется, хотѣли поставить минусъ, а мнѣ показалось, что нужно плюсъ, я и крикнулъ: плюсъ! — «То-то увлекся.... Пошелъ на мѣсто!» Динь, динь, динь! Пробило 12 часовъ. «Уже?» спросилъ наставникъ. Обратился къ журналисту и подписалъ въ журналѣ свою фамилію. «Дайте-ка мнѣ геометрію.» Книга была подана. «Отъ сихъ до этихъ», сказалъ онъ, и провелъ своимъ острымъ ногтемъ на поляхъ страницы двѣ черты.

Я такъ спѣшилъ на квартиру, что рубашка моя взмокла отъ пота: мнѣ страшно хотѣлось ѣсть. Послѣ обѣда опять пришлось тащиться въ семинарію, чтобы перевести полстранички изъ Лактанція. И какой переводъ!.. Тянутъ слово за словомъ; иного хоть убей, не знаетъ, въ какомъ времени стоитъ глаголъ и не различитъ подлежащаго отъ сказуемаго. Только время пропадаетъ даромъ!

15.

Однако мнѣ невозможно вести дневникъ свой, какъ бы хотѣлось, т. е. заносить въ него впечатлѣнія свои ежедневно: и вре-

мени свободнаго у меня мало, и боюсь, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ нечаянно отворитъ дверь въ мою комнату и поймаетъ меня на мѣстѣ преступленія, съ поличнымъ въ рукахъ. Жаль! Знаю, что лица, которыя я здѣсь вывожу, очерчены блѣдно, что языкъ припахиваетъ бурсою, но все-таки эта работа доставляетъ мнѣ удовольствіе. Она нисколько меня не стѣсняетъ, она не походитъ на извѣстное разсужденіе изъ заданной темы, гдѣ необходимы приступъ, дѣленіе. доказательства, сравненія, примѣры и заключеніе. Пишу то, что вижу, что проходитъ у меня въ головѣ. что затрогиваетъ меня за сердце. Матеріаловъ у меня не слишкомъ много, потому что среда, въ которой я вращаюсь, ужь черезъ-чуръ тѣсна. Не спорю. что она имѣетъ свою физіономію, что на ней лежитъ своя оригинальная печать, но для меня-то нѣтъ въ ней новаго ни на волосъ. Какъ бы то ни было, буду писать. когда случится, безъ особенной послѣдовательности и строгой связи. Быть можетъ. кто нибудь прочтетъ эти строки черезъ 20 или 30 лѣтъ и скажетъ: такъ вотъ при какой обстановкѣ шло воспитаніе нашихъ отцовъ!.. прочтетъ, — и не броситъ въ насъ камня. Нынѣшній день была у насъ лекція французскаго языка, который. за неимѣніемъ профессора, читается ученикомъ Богословія, такъ называемымъ лекторомъ. Этотъ богословъ, въ пестрыхъ клѣтчатыхъ штанахъ и въ яркомъ, разноцвѣтномъ жилетѣ. Держитъ себя важнѣе, чѣмъ кто нибудь изъ нашихъ наставниковъ. «Ну-съ, говоритъ онъ подслѣповатому ученику, голова котораго покрыта золотушными струпьями, «переводите....» И стоитъ, покачивая своимъ вытянутымъ до невозможности корпусомъ. Лѣвая нога его картинно отставлена впередъ, одна рука занята книгою, другая играетъ бронзовою цѣпочкою. Ученикъ моргаетъ и посматриваетъ исподлобья на лѣво и направо: «подскажите, молъ, анаѳемы!..» И вотъ слышится шопотъ: человѣкъ, любящій добродѣтель... «Не подсказывать, господа!» замѣтилъ лекторъ. «Вы, я думаю, и склонять-то не умѣете, а?» Ученикъ молчитъ. «Склоняйте l'homme.»

— «Именительный l'homme,
Родительный...» —

‹Довольно, довольно! Какой тутъ ломъ? Экое произношеніе! Оно и видно, что вамъ приличнѣе держать ломъ въ рукахъ, а не книгу.› Въ классѣ раздается сдержанный хохотъ. Лекторъ радъ, что сказалъ острое словцо. ‹Слѣдующій!› — ‹Я нездоровъ›— пробасилъ плечистый верзило, лѣниво поднимаясь со скамьи съ заспаннымъ лицомъ и закрывая широкою ладонью зѣвающій ротъ. ‹Желудокъ, вѣрно, обременили?› Въ классѣ опять раздается хохотъ. И такимъ образомъ проходитъ время, съ пользою для учащихся, съ пріятностію для наставника.

20.

Вчера Өедоръ Өедоровичъ праздновалъ день своего рожденія. Къ этому событію онъ приготовлялся за недѣлю впередъ. Вотъ, молъ, и тотъ-то меня посѣтитъ, и такой-то у меня будетъ, и записывалъ для памяти, что ему нужно купить. Подъ-часъ, сидитъ съ латинскимъ лексикономъ въ рукахъ, приготовляя изъ христоматіи переводъ странички къ слѣдующему классу и вдругъ положитъ его въ сторону и скажетъ: ‹ахъ, паюсной икры еще надобно, чуть не забылъ!› И замѣтитъ на бумагѣ: 1 фунтъ паюсной икры. Икры, повторитъ онъ и задумается, потупивъ голову; посмотритъ на цифры, сдѣлаетъ сложеніе и плюнетъ: ‹вотъ оно что! Десяти руб. сер. не хватитъ, не смотря на то, что чай, сахаръ и ромъ у меня некупленные.› Даже со мною онъ заводитъ объ этомъ рѣчь: вотъ, молъ, каково теперь содержаніе! на все такая дороговизна, что смерть!› Ужь не намекаетъ ли онъ, что дешево взялъ съ меня за квартиру?.. Григорій, иначе называемый Гришкою, сбился съ ногъ, бѣгая на рынокъ и съ рынка. Покупка разныхъ разностей, по неизвѣстной причинѣ, не сдѣлалась разомъ. Потребовалось луку — и Григорій бѣжитъ; понадобилось горчицы — и Григорій опять бѣжитъ. Только что возвратится, облитый горячимъ потомъ, ‹Гришка!› раздается изъ кабинета: пошелъ сюда! Ступай, возьми уксусу на 10 коп.› И Григорій опять бѣжитъ, повторяя дорогою: ‹уксусу на 10 коп., уксусу на 10 коп.› Ве-

черомъ, подъ этотъ, въ нѣкоторомъ родѣ, торжественный день, Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ у всенощной и возвратился оттуда съ двумя большими просфирами и тотчасъ же вывелъ крупными буквами на одной: *за здравіе*, на другой: *за упокой*. Усталый мальчуганъ дремалъ въ передней. Ѳедоръ Ѳедоровичъ вошелъ въ нее и потянулъ въ себя воздухъ. «Вишь, какъ онъ тутъ навонялъ пóтомъ... Пошелъ, чертенокъ, въ кухню!» и дернулъ его за вихоръ. Не прошло двухъ минутъ, онъ уже стоялъ въ своемъ кабинетѣ на молитвѣ, съ кіевскими святцами въ рукахъ. Передъ иконою теплилась лампадка. Наступившее утро ознаменовалось тѣмъ, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ надѣлъ на себя новый сюртукъ. Постороннихъ лицъ съ поздравленіями не было никого. Приходили только три ученика изъ нашего класса, которые принесли ему въ подарокъ серебряную солонку, конечно, купленную ими на складчину. Знаю я этихъ ословъ, извѣстныхъ своимъ тупоуміемъ и проказами на квартирѣ, въ домѣ подозрительнаго поведенія хозяйки... впрочемъ, это не мое дѣло. Ѳедоръ Ѳедоровичъ ихъ обласкалъ и поблагодарилъ. Едва затворилась за ними дверь, онъ началъ вертѣть въ рукахъ подаренную ему вещь, разсматривалъ ее сверху, снизу, съ боковъ и наконецъ сказалъ въ слухъ: «84 пробы.» Въ передней кто-то кашлянулъ. «Кто тамъ?» — Я-съ. — Отвѣчалъ знакомый Ѳедору Ѳедоровичу сапожникъ: — честь имѣю поздравить васъ со днемъ рожденія. Вотъ не угодно ли-съ принять кренделекъ!.. — Крендель былъ испеченъ въ видѣ какого-то мудренаго вензеля и кругомъ осыпанъ миндалемъ. «Спасибо, братецъ, спасибо! Ну, что жь, выпьешь рюмку водки?» — Грѣшный человѣкъ! пью-съ. — И рюмка была выпита. — А вы, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, ужь того-съ... замолвите за меня слово въ вашей семинаріи, вы ужь тамъ знаете кому. На счетъ лаковыхъ сапоговъ не извольте сомнѣваться: я сказалъ, что ихъ сошью — и сошью-съ. Такіе удеру, — мое почтеніе! — «Хорошо, хорошо — я постараюсь.»

Вечеромъ собралось нѣсколько профессоровъ. Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза та самая черта, которую я замѣтилъ недавно въ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ: всѣ они вели себя здѣсь совершенно не

такъ, какъ ведутъ себя въ семинаріи. Величія не было ни тѣни. Смѣхъ, шутки, пересыпанье изъ пустаго въ порожнее — все это сильно меня изумляло. Отчего-жь, дамалъ я, эти люди на насъ, учащихся, смотрятъ съ такой-то недоступной высоты? Отчего ни къ одному изъ нихъ я не смѣю подойти съ просьбою: будьте такъ добры, потрудитесь мнѣ вотъ это растолковать?... Поневолѣ вспомнишь слова Яблочкина, который сказалъ мнѣ однажды, что молодости нужно дыханіе любви, что она не можетъ развиваться подъ холодомъ и грозою, или развивается медленно и уродливо, что она замираетъ отъ ледянаго прикосновенія непрошенныхъ объятій.

Мнѣ приказано было разносить чай. Мое новое положеніе въ качествѣ прислуги немножко меня смущало. На подносѣ всѣ чашки приходили въ движеніе, когда я проходилъ съ ними по комнатѣ. Послѣ раздачи чашекъ я молчаливо останавливался у притолки; порою, по приказанію кого-нибудь изъ гостей, набивалъ трубку, причемъ не одинъ разъ говорили мнѣ съ какою-то двусмысленною улыбкою: «а ваша милость вкушаетъ отъ этого запрещеннаго плода?» — Нѣтъ, — отвѣчалъ я. И въ груди моей пробуждалось чувство непонятной досады. Разговоръ оживлялся все болѣе и болѣе. Громче всѣхъ говорилъ профессоръ словесности, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, украшенный сѣдинами и лысиною.

«Что вы не женитесь, Θедоръ Θедоровичъ, а? Ну, что вы не женитесь? (У него, видите ли, дочь-невѣста, такъ нельзя же о ней не позаботиться: родительское сердце!)

Θедоръ Θедоровичъ пріятно улыбался. «Найдите хорошее мѣсто, порядочный приходъ, словомъ: вѣрное обезпеченіе въ будущемъ, — вотъ и женюсь.»

«Отчего-жь бы вамъ не остаться въ свѣтскихъ?»

— Это опять зависитъ отъ простой причины: найду выгоднымъ — и свѣтскимъ останусь, мнѣ все равно. —

«И семинарію, пожалуй, покинете?»

— Почему не такъ. Завиднаго тутъ не много. Что вы успѣли выиграть, преподавая 18 лѣтъ свою риторику? —

«Ничего-съ. Былъ сынъ дьякона, теперь надворный совѣтникъ — это, я вамъ скажу, не маковое зернышко. Потянемъ еще лямку, — пансіонъ дадутъ, — вотъ и выигрышъ. Ну-съ, а это бездѣлица! Вѣдь здѣсь сто глазъ на васъ смотритъ, сто ушей васъ слушаетъ. Вы имѣете вліяніе на молодые умы, даете имъ направленіе... вотъ вамъ еще выигрышъ. Да что вы думаете о семинаріи, а? Позвольте васъ спросить? Развѣ не изъ семинаріи выходятъ люди съ крѣпкою грудью, объ которую разбиваются всѣ житейскія невзгоды? Развѣ не семинарія выработываетъ эти желѣзныя натуры, которыя терпѣливо выносятъ всякій долголѣтній, усидчивый трудъ? Развѣ не въ семинаріи слагаются характеры, которые въ послѣдствіи дѣлаются предметомъ удивленія на всѣхъ поприщахъ общественной и государственной жизни? Кто былъ митрополитъ Платонъ, украшеніе трехъ царствованій? А митрополитъ Евгеній? А графъ Сперанскій — этотъ великій, государственный мужъ, это свѣтило умственнаго міра? То-то и есть! Вотъ вы и замолчали... Правду ли я говорю, Иванъ Ермоланчъ?»

Иванъ Ермоланчъ сидѣлъ за столомъ въ числѣ 4-хъ своихъ товарищей по службѣ, игравшихъ по $^1/_4$ коп. въ карты. Онъ выкуривалъ трубку за трубкою и запивалъ табачный дымъ крѣпкимъ пуншемъ. Лицо его носило на себѣ отпечатокъ какой-то внутренней боли, глаза смотрѣли задумчиво и тоскливо. Этому человѣку у насъ не очень посчастливилось. Вступивъ прямо изъ академіи въ должность профессора, онъ хотѣлъ было ввести въ своемъ классѣ новый методъ преподаванія, совѣтывалъ ученикамъ знакомиться съ русскою литературою и выписывать общими силами журналы. Ученики его полюбили. Начальство поставило ему на видъ, что онъ читаетъ не въ свѣтскомъ учебномъ заведеніи и приказало ему впередъ не умничать. Иванъ Ермоланчъ покорился не вдругъ. Ему снова сдѣлали замѣчаніе. Онъ рѣшился оставить семинарію и занять мѣсто гражданскаго чиновника; къ сожалѣнію, мѣста не нашлось и бѣдняга притихъ, сталъ запивать и заниматься дѣломъ, спустя рукава. Но бываютъ часы, когда онъ пробуждается отъ сна. И льется свободно его одушевленное, увлекательное слово;

въ классѣ наступаетъ такая тишина, что ухо слышитъ жужжанье бьющейся о стекло мухи; но вдругъ онъ приложитъ руку ко лбу, будто припоминаетъ что-то забытое, вздохнетъ и замолчитъ, какъ порванная струна.

«Такъ, такъ! Вы говорите правду», отвѣчалъ Иванъ Ермолаичъ: въ особенности меня утѣшаютъ ваши слова: мы даемъ направленіе молодымъ умамъ, что нисколько не мѣшаетъ мнѣ спрягать глаголъ сплю: я сплю, ты спишь....

— ‹Ну, ужь это извините! При нашемъ отцѣ ректорѣ не заснешь», — замѣтилъ сидѣвшій противъ него гость. Онъ еженедѣльно посѣщаетъ всѣ классы; примѣрный, можно сказать, начальникъ: на волосъ не позволитъ отступить отъ положеннаго имъ однажды навсегда правила. Вчера сижу я спокойно за своимъ столикомъ, глядь — онъ идетъ. Я вскочилъ, застегнулъ въ торопяхъ на всѣ пуговицы фракъ, и подошелъ къ нему подъ благословенье. «Продолжайте, сказалъ онъ, продолжайте...» — Не угодно ли вамъ кого-нибудь спросить? — говорю я. «Ну что-жь, пожалуй, пожалуй. Ну, ты.... читай! Онъ указалъ на одного ученика. Ученикъ-то попался бойкій, какъ бишь онъ прозывается?... да! Яблочкинъ. Всталъ онъ и началъ объяснять лекцію своими словами, и ничего, такъ знаете, свободно. Объяснилъ и стоитъ — улыбается. «Кончилъ?» спросилъ его отецъ ректоръ. — Кончилъ. — «Ну что жь, вотъ и дуракъ... И забудешь все черезъ полгода.» Яблочкинъ поблѣднѣлъ, я тоже немножко потерялся. Отецъ ректоръ обратился ко мнѣ. «У васъ въ классѣ 80 человѣкъ. Этакъ нельзя, нельзя! Если каждый изъ нихъ будетъ сочинять отвѣты изъ своей головы, вавилонское столпотвореніе выйдетъ, непремѣнно выйдетъ...» Я хотѣлъ оправдываться. «Нѣтъ, говоритъ, этакъ нельзя. Пусть основательно знаютъ то, что для нихъ напечатано, или написано; въ ихъ возрастѣ и этого достаточно, очень достаточно...» Повернулся, — и ушелъ. Я и остался, какъ оплеванный и съ досады такъ пробралъ Яблочкина, что у него брызнули слезы. (Бѣдный Яблочкинъ! подумалъ я: чего ему стоили эти слезы!) Вотъ вамъ и сонъ. Нѣтъ, у насъ, кого хочешь, разбудятъ.

«Такъ, такъ, отвѣчалъ Иванъ Ермоланчъ: вамъ бы слѣдовало наказать этого вольнодумца Яблочкина. Ѣшь, молъ, вареное, слушай говореное.»

— Знаемъ мы эти остроты! знаемъ!... Вотъ вы хотѣли сдѣлать по-своему, а что?... сдѣлали?... —

«Обо мнѣ нечего говорить. Все молодость: увлекся — и образумился.»

— «Эхъ, ну васъ!» раздалось нѣсколько голосовъ: изъ-за чего вы бились? Чего вы хотѣли?» —

Иванъ Ермоланчъ молчалъ и, облокотясь одною рукою объ столъ, задумчиво смотрѣлъ на свои карты. Болѣзненное выраженіе его лица ясно говорило, что думаетъ онъ вовсе о другомъ.

Сидѣвшій въ углу экономъ не принималъ почти никакого участія въ разговорѣ и вообще держался въ тѣни. Онъ у насъ ничего не читаетъ и, слѣдовательно, не имѣетъ никакого значенія, но личность его такъ оригинальна, что пріобрѣла себѣ популярность во всей семинаріи. Онъ положительно убѣжденъ, что всѣ мы такъ ужь созданы, что не можемъ чего-нибудь не украсть у своего ближняго, не можемъ не надуть его такъ, или иначе, а потому и говоритъ онъ объ этомъ — съ дровосѣкомъ, съ водовозомъ, съ поставщикомъ коноплянаго масла, словомъ, съ людьми всѣхъ сословій, лишь бы пришлось ему вступить съ ними въ какія либо сношенія по его экономической части. Голова его постоянно занята работой: кому и какъ сподручно украсть. Благодаря этой работѣ, онъ сдѣлался рѣдкимъ учителемъ воровства. Увидитъ, что водовозъ ѣстъ на дворѣ калачъ, — поди, говоритъ, сюда. Тотъ подойдетъ. «Ну, что, калачъ ѣшь?» — Калачъ. — «А гдѣ взялъ?» — Купилъ. — «Побожись.» Тотъ побожится, «Не вѣрю, братъ, — укралъ.» — Да какъ же я его укралъ? — «Извѣстно, какъ воруютъ. За водою рано ѣздилъ?» — На разсвѣтѣ. — «Ну, вотъ такъ и есть. Вотъ, значитъ, ты продалъ кому-нибудь бочки двѣ воды, а потомъ ужь привезъ ее и сюда. Вотъ и ѣшь теперь калачъ... А дровъ не воровалъ?» — Какія тамъ черти дрова! — скажетъ разсерженный водовозъ. — У воротъ-то день и ночь стоитъ сторожъ; какъ же

я ихъ украду? — «Да, да! Ты не придумаешь. какъ украсть!.. Накладешь въ бочку полѣньевъ и поѣдешь со двора, и обмѣняешь ихъ на калачи, или на что другое. Вотъ и вся хитрость. Ужь я тебя знаю!» Водовозъ почешетъ у себя затылокъ и пойдетъ прочь: ну, молъ, ладно! И послѣ въ самомъ дѣлѣ ѣстъ краденые калачи. Подобная исторія повторяется и съ другими.

«Господа! Кто получаетъ вѣдомости? Нѣтъ ли чего новаго?» спросилъ кто-то изъ гостей. Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Я просмотрѣлъ у отца ректора одинъ нумеръ, — отвѣчалъ экономъ: ничего нѣтъ особеннаго. Пишутъ, что умеръ стихотворецъ Лермонтовъ. «А, умеръ? ну, царство ему небесное. Мнѣ помнится, я гдѣ-то читалъ стихи Лермонтова, а гдѣ, — не припомню. —

Между тѣмъ началось приготовленіе къ закускѣ. На столѣ появились бутылки. Кухарка хлопотала въ другой комнатѣ: разрѣзывала холодный, говяжій языкъ, холоднаго поросенка, жаренаго гуся и прочее. Въ это время Иванъ Ермолаичъ, никѣмъ не замѣченный, вышелъ въ переднюю и сталъ отъискивать свои калоши. Я подалъ ему его шинель. «Вы семинаристъ?» спросилъ онъ меня. — Да, семинаристъ. — «А къ лакейской должности не чувствуете особеннаго призванія?» — Нѣтъ, — отвѣчалъ я съ улыбкою. «Ну, слава Богу. Что жь вы третесь въ передней? Шли бы лучше въ свою комнату и на досугѣ читали бы тамъ порядочную книгу... до свиданія.» Онъ надвинулъ на глаза свой картузъ — и ушелъ. Я не оставался безъ дѣла: помогалъ кухаркѣ перетирать тарелки, сбѣгалъ однажды за квасомъ, котораго оказалось мало и за которымъ кухарка отказалась итти въ погребъ, сказавъ, что по ночамъ она ходить всюду боится и не привыкла, и ломать своей шеи по скверной лѣстницѣ не намѣрена. Потомъ опять взялся перетирать тарелки и, по неумѣнію съ ними обходиться, одну разбилъ. Кухарка назвала меня разинею, а Ѳедоръ Ѳедоровичъ крикнулъ: «нельзя ли поосторожнѣе?» Наконецъ каждому гостю поочередно я розыскалъ и подалъ калоши, накинулъ на плечи верхнее платье и, усталый, вошелъ въ свою комнату. Сальная свѣча нагорѣла шапкою и едва освѣщала ея не-

привѣтныя стѣны. Ѳедоръ Ѳедоровичъ заглянулъ ко мнѣ въ дверь. Вотъ видишь, мы тамъ сидѣли, а тутъ цѣлая свѣча сгорѣла даромъ. Ты пожалуй-ста за этимъ смотри...»

Эхъ-ма! Vanitas vanitatum et omnia vanitas!

30.

Именно: omnia vanitas! На квартирѣ не весело, въ классѣ скучно, скучно не потому, что я не внимателенъ къ своему дѣлу, а потому, что товарищи мои слишкомъ со мною необщительны, слишкомъ холодны. Вотъ, ей Богу, чудаки! Неужели они думаютъ, что я въ самомъ дѣлѣ рѣшусь пересказывать Ѳедору Ѳедоровичу все, что я вокругъ себя вижу и слышу? Но тогда я презиралъ бы самого себя болѣе, нежели кто нибудь другой. Желалъ бы я однако знать, въ чемъ заключается наблюденіе Ѳедора Ѳедоровича за моими занятіями и что разумѣетъ онъ подъ словами: слѣдить за ходомъ моихъ успѣховъ? Ужь не то ли, что иногда отворитъ мою дверь и спроситъ: «чѣмъ занимаешься?» Вотъ тѣмъ-то, отвѣчу я. «Ну и прекрасно. Пожалуйста, не болтайся безъ дѣла.» И начнетъ разгуливать по своей комнатѣ, поигрывая махрами шелковаго пояса и напѣвая въ полголоса свой любимый романсъ:

Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ навсегда.

Или присядетъ на корточки средь пола и тѣшится съ сѣрымъ котенкомъ. «Кисинька, кисинька!... Эхъ-ты!...» И подниметъ его за уши. Котенокъ замяучитъ. «Не любишь, шельма, а? не любишь?» Положитъ его къ себѣ на колѣни, или прижметъ къ груди и ласково поглаживаетъ ему спину и даетъ ему разныя, нѣжныя названія. Котенокъ мурлычетъ, жмуритъ глаза, и вдругъ запускаетъ въ ласкающія его руки свои острые когти. «А чтобъ тебя чортъ побралъ!» крикнетъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, и такъ хватитъ объ полъ своего любимца, что бѣдное животное ошалѣетъ, пробе-

рется въ какой-нибудь уголъ и, растянувшись на полу, долго испускаетъ жалобное: мяу! мяу!

Я замѣтилъ, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ бываетъ въ наилучшемъ расположеніи духа въ праздничные дни, послѣ сытнаго обѣда, который оканчивается у него объемистою мискою молочной каши, немедленно запиваемой кружкой густаго, краснаго квасу. Въ прошлое Воскресенье, едва кухарка успѣла убрать со стола посуду и подмести комнату, Ѳедоръ Ѳедоровичъ легъ на диванъ, подложилъ себѣ подъ локоть пуховую подушку, приказалъ мнѣ подать огня для папиросы и крикнулъ: ‹Гришка!› — Ась! — отвѣчалъ Григорій изъ передней. ‹А, ну-ка, поди сюда.› Мальчуганъ вошелъ и остановился у притолки. Посмотрѣлъ я на него, — смѣхъ, да и только: волосы всклокочены, лицо не умыто, рубашка въ сальныхъ пятнахъ, концы старыхъ сапоговъ, подаренныхъ ему Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, загнулись на его маленькихъ ногахъ въ родѣ бараньихъ роговъ. Но молодецъ онъ, право: какъ ни дерутъ его за вихоръ, всегда веселъ! ‹Ну, что-жь ты былъ сегодня у обѣдни?› спрашиваетъ его Ѳедоръ Ѳедоровичъ. — А то будто нѣтъ. — ‹И Богу молился?› Григорій почесался о притолку и ухмыльнулся. — Какъ же не молиться, на то церковь. — ‹Ну, гдѣ жь ты стоялъ?› Григорій смѣется. ‹Чему ты смѣешься, stultus?› Звукъ незнакомаго слова такъ удивилъ мальчугана, что онъ фыркнулъ и убѣжалъ въ переднюю. ‹Ты не бѣгай, рыжая обезьяна! Пошелъ, сними съ меня сапоги!› Григорій повиновался. Между тѣмъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ лѣниво зѣвалъ и осѣнялъ крестомъ свои уста. ‹Ну, рыжій! хочешь взять пятакъ?› — Хочу, — отвѣчалъ рыжій и протянулъ за пятакомъ руку. ‹Э, ты думаешь — даромъ? Представь, какъ продаютъ черепенники, тогда и дамъ.› Мальчуганъ остановился средь комнаты, прищурилъ глаза и, медленно размахивая правою рукою, затянулъ тонкимъ голосомъ:

Эхъ, лей кубышка,
Поливай кубышка,
Не жалѣй кубышка
Хозяйскаго добришка:

За хозяйской головою
Поливаемъ, какъ водою.
Кто мои черепенники беретъ,
Тотъ здравъ живетъ.
Подходи!...

При послѣднемъ словѣ онъ бойко повернулся на каблукѣ и топнулъ ногою объ полъ. Вслѣдъ за тѣмъ я получилъ приказаніе остановить маятникъ часовъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ погрузился въ безмятежный сонъ.

Октября 6.

Заходилъ я, ради скуки, къ Яблочкину и засталъ его, какъ и всегда, за книгою. Онъ сидѣлъ передъ окномъ, подперевъ руками свою голову и такъ былъ углубленъ въ свое занятіе, что не слыхалъ, какъ я вошелъ. «Ты, братъ, все за книгами», сказалъ я, положивъ руку на его плечо. Онъ вздрогнулъ и быстро поднялся со стула. — Тьфу! какъ ты меня испугалъ! Отчего ты такъ рѣдко у меня бываешь? Или боишься своего наставника? — «Что за вздоръ!» отвѣчалъ я: «нашлось свободное время, вотъ я и пришелъ. Нѣтъ ли чего почитать?» — Я тебѣ сказалъ: только бери, книги найдутся. — Яблочкинъ вздохнулъ и прилегъ на кровать. «Грудь, душа моя, болитъ, сказалъ онъ, смотря на меня задумчиво и грустно: вотъ что скверно! Ахъ, если бы у меня было твое здоровье, чего бы я не сдѣлалъ! чего бы я не перечиталъ! Лѣнтяй ты, Вася! — «Нѣтъ, Яблочкинъ, ты меня не знаешь», отвѣчалъ я нѣсколько горячо: «я такъ зубрю уроки, что другой на моемъ мѣстѣ давно бы слегъ отъ этого въ могилу, или сдѣлался идіотомъ.» Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — Откуда же въ тебѣ эта любовь къ мертвой буквѣ? — «Тутъ нѣтъ никакой любви. Я смотрю на свои занятія, какъ на обязанность, какъ на долгъ. Я знаю, что этотъ трудъ со временемъ дастъ мнѣ возможность принести пользу тѣмъ, въ средѣ которыхъ я буду поставленъ. Знаешь ли, другъ мой, продолжалъ я, воодушевляясь:

санъ священника — великое дѣло. Эта мысль приходила мнѣ въ голову въ безсонныя ночи, когда, спрятавъ учебныя книги, усталый, я бросался на свою жесткую постель. Вотъ, думалъ я: наконецъ, послѣ долгаго труда, я удостоиваюсь сана священно-служителя. Падаетъ ли какой-нибудь бѣднякъ, убитый нуждою, я поддерживаю его силы словомъ Евангельской истины. Унываетъ ли несчастный, безчестно оскорбленный и задавленный, — я указываю ему на безконечное терпѣніе Божественнаго Страдальца, Который, прибитый гвоздями на крестѣ, прощалъ своимъ врагамъ. Вырываетъ ли ранняя смерть любимаго человѣка изъ объятій друга, я говорю послѣднему, что есть другая жизнь, что другъ его теперь болѣе счастливъ, покинувъ землю, гдѣ царствуетъ зло и льются слезы.... И, послѣ этого, быть можетъ, я пріобрѣтаю любовь и уваженіе окружающихъ меня мужичковъ. Устраиваю въ своемъ домѣ школу для дѣтей ихъ обоего пола, учу ихъ грамотѣ; читаю и объясняю имъ Святое Евангеліе. Эти дѣти становятся взрослыми людьми, разумными отцами и добрыми матерями.... И я, покрытый сѣдинами, съ чистою совѣстью ложусь на кладбищѣ, куда, какъ духовный отецъ, проводилъ уже не одного человѣка, напутствуя каждаго изъ нихъ живымъ словомъ утѣшенія....»

Яблочкинъ пожалъ мнѣ руку. «У тебя прекрасное сердце! Но, Вася, нужно имѣть желѣзную волю, мало этого, нужно имѣть свѣтлую, многостороннеразвитую голову, чтобы устоять удиноко на той высотѣ, на которую ты думаешь себя поставить, и гдѣ же? Въ глуши, въ какой-нибудь деревушкѣ, среди грязи, бѣдности и горя, въ совершенномъ разъединеніи со всякимъ умственнымъ движеніемъ. Вспомни, что тебѣ еще придется заработывать себѣ насущный кусокъ хлѣба своими руками...»

— На все воля Божія, отвѣчалъ я и молчаливо опустилъ свою голову.

«Отъ чего это жизнь идетъ не такъ, какъ бы хотѣлось?» сказалъ Яблочкинъ съ досадою и горечью.

Послѣ долгаго, взаимнаго молчанія, у насъ снова зашелъ разговоръ о семинаріи.

«Я слышалъ, сказалъ я, что тебѣ досталось за объясненіе лекціи. Помнишь?..»

— Еще бы не помнить! — Яблочкинъ вскочилъ съ кровати. — Это не бѣда, это въ порядкѣ вещей, что я былъ оскорбленъ и уничтоженъ моимъ наставникомъ. Ему все простительно. Его уже поздно передѣлывать. Но эта улыбка, которую я замѣтилъ на лицахъ моихъ товарищей въ то время, когда у меня брызнули неумѣстныя, проклятыя слезы, — эта глупая улыбка довела меня до послѣдней степени стыда и негодованія. Дѣло не въ томъ, что здѣсь пострадало мое самолюбіе, а въ томъ, что эта молодежь, которая, казалось бы, должна быть воспріимчивою и впечатлительною, успѣла уже теперь, въ стѣнахъ учебнаго заведенія, сдѣлаться тупою и безчувственною. Вотъ что мнѣ больно! Что же выйдетъ изъ нея послѣ, въ жизни? — «Охота тебѣ волноваться», сказалъ я: «а говоришь, что грудь у тебя болитъ.» — Какъ, Вася, не волноваться? Я опять попалъ было недавно въ бѣду: на дняхъ, въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ, я имѣлъ неосторожность высказать свое мнѣніе насчетъ одной, извѣстной тебѣ іезуитской личности, поставившей себѣ главною задачею въ жизни пресмыкаться предъ всѣмъ, что имѣетъ нѣкоторую силу и нѣкоторый голосъ и давить все безсильное и безотвѣтное... — «Инспектора?» прервалъ я его въ испугѣ. — Ну, да! Черезъ два часа слова мои были ему переданы и онъ позвалъ меня къ себѣ. — «Ты говорилъ вотъ то и то?» спросилъ онъ меня. Представь себѣ мое положеніе: отвѣтить *да*, — значило обречь себя на погибель, — я подумалъ, подумалъ и сказалъ рѣшительно: *нѣтъ!* «А если, продолжалъ онъ, я призову двухъ сторожей и заставлю тебя сказать правду подъ розгами?» Я молчалъ. Сторожа явились. «Признавайся», говорилъ онъ, «прощу...» замѣть, какая невинная хитрость: проститъ!.. «Не въ чемъ!» отвѣчалъ я, смотря ему прямо въ глаза и давъ себѣ слово скорѣе умереть на мѣстѣ, чѣмъ лечь подъ розги. «Позовите тѣхъ, при комъ я говорилъ.» Я чувствовалъ въ себѣ какую-то неестественную силу. Глаза мои, навѣрное, метали искры. Инспекторъ отвернулся и крикнулъ: «вытолкните

его, мерзавца, вонъ и отведите въ карцеръ...» И я просидѣлъ до вечера въ карцерѣ безъ хлѣба, безъ воды, едва дыша отъ нестерпимой вони... ну, ты знаешь нашъ карцеръ. Яблочкинъ снова прилегъ на свою кровать. Грудь его высоко поднималась. Лицо горѣло. Я понялъ, что мнѣ не ловко было упрекать его за неосторожныя слова. Мало ли мы что болтаемъ! и кто, спрашивается, отъ этого терпитъ? Ровно никто. Жаль, что онъ такъ впечатлителенъ, еще больше жаль, что у него такое слабое здоровье.

14.

Вотъ и рѣшай, кто тутъ правъ и кто виноватъ, и суди, какъ знаешь. Яблочкинъ сказалъ необдуманное слово и чуть не погибъ, а другіе доходятъ до безобразія, и все остается шито и крыто. Пошелъ я сегодня, послѣ вечерни, пошататься по городу; иду по одной улицѣ, вдругъ слышу — стучатъ въ окно: «зайди на минуту; дѣло есть», раздался голосъ знакомаго мнѣ философа Мелхиседекова, который учится вмѣстѣ со мною и принадлежитъ къ самымъ лучшимъ ученикамъ по своему поведенію и прилежанію. Я зашелъ. Гляжу — кутежъ! Мельхиседековъ стоитъ среди комнаты, молодцовато подпершись руками въ бока. Трое его товарищей, безъ галстуховъ, въ толстыхъ холстинныхъ рубашкахъ и въ нанковыхъ панталонахъ, сидятъ за столомъ. На столѣ — полштофъ водки, рюмка, груши въ тарелкѣ и какая-то старая, въ кожаномъ переплетѣ, книжка. Четвертый, уже упитанный, спитъ на лежанкѣ, лицомъ къ печкѣ. Подъ головою его, вмѣсто подушки, лежатъ творенія Лактанція и Латинскій лексиконъ Кронеберга. «Пей!» сказалъ мнѣ Мельхиседековъ, прежде нежели я успѣлъ осмотрѣться, куда попалъ. «Что у тебя за радость?» спросилъ я. «Деньги отъ отца получилъ и кстати имянинникъ. Посмотри въ святцы и увидишь: мученика Протасія. «Я не пью.» «Стало быть ты ханжа, а не товарищъ. Ну, ступай — донеси. кому слѣдуетъ о всемъ, что здѣсь видѣлъ.... Такъ поступаютъ подлецы, а не добрые товарищи. Знаемъ мы, у кого ты живешь!... Извини,

братъ, что я тебя позвалъ. Я думалъ о тебѣ лучше... У меня мелькнула мысль, что отказъ мой непремѣнно дастъ поводъ заподозрить меня въ наушничествѣ и поведетъ къ глупымъ розсказнямъ; я послушался и выпилъ. Мельхиседековъ меня поцѣловалъ. «Вотъ спасибо! Теперь садись въ рядъ и будемъ говорить въ ладъ.» «Такъ-то такъ, сказалъ я: а если, сохрани Боже, заѣдетъ сюда субъ-инспекторъ...» Мельхиседековъ засмѣялся и свистнулъ. «Видали мы эти виды!» — «Видали, братъ, видали!» подхватили ученики со смѣхомъ сидѣвшіе за столомъ: «пусть явится. Въ секунду все будетъ въ порядкѣ: возьмемся за тетрадки, за книги и встрѣтимъ его особу глубокими поклонами. Къ этой комедіи намъ не привыкать.»

«Слышишь Мельхиседековъ!» сказалъ рябой ученикъ, взъерошивая на головѣ рыжіе волосы: «я, братъ, еще выпью. Нельзя не выпить. Послушай, что вотъ напечатано въ поэмѣ: *Елисей.*»

— Ступай ты съ нею къ чорту! Ты 20 разъ принимался ее читать, отвѣчалъ Мельхиседековъ: и надоѣлъ, какъ горькая рѣдька. —

«Нѣтъ, не могу. Сердись, какъ угодно, а я прочту: мы обязаны читать все поучительное...» И онъ уткнулъ носъ въ книгу.

Когда печальный мужъ чарчонку выпиваетъ,
Съ чарчонкой всю свою печаль позабываетъ.
И воинъ водочку имѣючи съ собой,
Хлѣбнувши чарочку, смѣлѣе идетъ въ бой.
Но что я говорю о малостяхъ такихъ?
Спросите вы о томъ духовныхъ и мірскихъ,
Спросите у дьяковъ, спросите у подьячихъ,
Спросите у слѣпыхъ, спросите вы у зрячихъ,
Я думаю, что вамъ отвѣтствуютъ одно:
Что лучшій въ свѣтѣ даръ для смертныхъ есть вино.

«Вотъ что, братъ! Слышишь?»

— Такъ, сказалъ Мельхиседековъ: — а если дадутъ тебѣ тему: пьянство пагубно, я думаю, ты не станешь тогда приводить цитатъ изъ поэмы: *Елисей.*

«Кто, я-то? homo sum, ergo.... напишу такъ, что иная благочестивая душа прольетъ слезы умиленія. Приступъ: взглядъ на

пороки вообще, на пьянство въ частности. Дѣленіе: 1-е) пьянство низводитъ человѣка на степень безсловесныхъ животныхъ. 2-е) пьяница есть мучитель и стыдъ своей семьи. 3-е) вредный членъ общества, и наконецъ 4-е) пьяница есть самоубійца... Что, братъ, ты думаешь, мы сробѣемъ?»

— Молодецъ! а что ты напишешь на тему, которая дана намъ теперь: *можно ли что-нибудь представить внѣ формъ пространства и времени, какъ напримѣръ—ничто или вездѣсущество?* Ну-ка скажи!—

«Вдругъ не напишу, а подумавши, можно. Я, братъ, что хочешь напишу, ей-Богу, напишу! вотъ ты и знай!» И рыжій махнулъ рукою и плюнулъ.

Остальные два ученика не обращали ни малѣйшаго вниманія на этотъ разговоръ и продолжали горячій споръ:

«Ты погоди! Ты не тутъ придаешь силу своему голосу... да! Слушай!

Грянулъ внезапно
Громъ надъ Москвою...

Вотъ ты и сосредоточивай всю силу голоса на словѣ; *грянулъ*, а у тебя выходитъ громче слово: *внезапно*, — значитъ, ты не понимаешь дѣла. Далѣе:

Выступилъ съ шумомъ
Донъ изъ бреговъ.
Ай Донцы,
Молодцы!

Послѣднія два слова такъ пой, чтобы окна дрожали. У тебя все это не такъ.»

— И не нужно. Я больше не буду пѣть. Все это глупости. Ты, братъ, смотри на пѣсню съ нравственной точки зрѣнія. Но такъ какъ тебѣ эта точка недоступна, слѣдовательно, ты поешь чепуху и празднословишь. —

«Я тебѣ говорю: „пой!“»

— Не буду я пѣть! —

«Ну, твоя воля! Стало быть, ты глупъ...»

Эй, чижикъ!» крикнулъ Мельхиседековъ. Изъ темнаго угла вышелъ блѣдный, остриженный подъ гребенку мальчуганъ и несмѣло остановился среди комнаты. На плечахъ его былъ полосатый, засаленный халатишкс. Руки носили на себѣ признаки, извѣстной между нами, болѣзни, появляющейся въ слѣдствіе неопрятности и нечистоплотности. Это былъ ученикъ духовнаго училища. «Вотъ тебѣ посуда; вотъ тебѣ четвертакъ; ступай туда... знаешь... и возьми косушку.» Мальчуганъ повернулся и пошелъ. «Стой, стой!» сказалъ Мельхиседековъ: «знаешь свой урокъ?» — Знаю. — «Посмотримъ. Какъ сыскать общій дѣлитель?» Мальчуганъ поднялъ къ потолку свои глазенки и началъ однозвучно читать: «Должно раздѣлить знаменателя данной дроби на числителя, когда не будетъ остатка, то сей дѣлитель будетъ общій дѣлитель...» «Довольно.... Ты скажи, чтобы не обмѣривали; меня, молъ, приказный послалъ... Этотъ чижикъ отданъ мнѣ подъ надзоръ, вотъ я его и пробираю», сказалъ мнѣ Мельхиседековъ. Едва за мальчуганомъ затворилась дверь, въ комнату вошла хозяйка дома, дородная, краснощекая женщина и закричала, размахивая руками: «перестаньте, безстыдники, горло драть! Что вы покою не даете добрымъ людямъ!» «Не сердитесь, почтеннѣйшая женщина!» отвѣчалъ Мельхиседековъ: «вамъ это вредно при вашемъ полнокровіи...» — Гуляемъ, Акулина Ивановна! Гуляемъ! — сказалъ рыжій, и положилъ на столъ свои ноги. «Вотъ изволите ли видѣть? Свобода царствуетъ!..» «Ну, ты-то что еще безобразничаешь? Ахъ, ты, молокососъ, молокососъ! Погоди, — дай только твоему отцу сюда пріѣхать, ужь я тебя распишу!..» Я воспользовался тѣмъ, что вниманіе всѣхъ обратилось на хозяйку и незамѣтно ускользнулъ за дверь. Экіе кутилы!

Декабря 10.

Давно я не брался за перо. И слава Богу! Небольшая потеря... Итакъ, слова Яблочкина, что у насъ найдутся средства познакомиться со всѣми произведеніями нашихъ лучшихъ писате-

лей, сбылись вполнѣ. Въ продолженіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ я перечиталъ столько книгъ, что мнѣ самому кажется теперь непонятнымъ, какимъ образомъ достало у меня на этотъ трудъ и силы, и времени. Я читалъ въ классѣ украдкою отъ наставниковъ. Читалъ въ моей комнаткѣ украдкою отъ Ѳедора Ѳедоровича, который удивлялся, зачѣмъ я пожигаю такую пропасть свѣчъ, но свѣчи, тоже украдкою, я сталъ покупать на свои деньги и покамѣстъ все обстоитъ благополучно... Ну, мой милый, безцѣнный Яблочкинъ! Какъ бы ни легли далеко другъ отъ друга наши дороги, куда бы ни забросила насъ судьба, я никогда не забуду, что ты первый пробудилъ мой спавшій умъ, вывелъ меня на Божій свѣтъ, на чистый воздухъ, познакомилъ меня съ новымъ прекраснымъ, доселѣ мнѣ чуждымъ, міромъ... Какая теплая, какая чудная душа у этого человѣка! Мало того, что онъ давалъ мнѣ всѣ лучшія книги, онъ дѣлился со мною многими рѣдкими рукописями, которыя доставалъ съ величайшимъ трудомъ у своихъ знакомыхъ. И свѣтились передо мною разные темные закоулки нашего грѣшнаго міра, и развѣнчались и пали нѣкоторыя личности, и загорѣлись передо мною самоцвѣтными камнями доселѣ мнѣ невѣдомыя сокровища нашей народной поэзіи. Вотъ, напримѣръ, начало одной пѣсни, Не знаю, была ли она напечатана.

Ахъ, ты степь моя, степь широкая,
Поросла ты степь ковылемъ-травой,
По тебѣ ли, степь, вихри мычутся,
У тебя ль орлы на пескахъ живутъ,
А вокругъ тебя, степь родимая,
Синей ставкою небеса стоятъ!
Ахъ, ты степь моя, степь широкая,
На тебѣ ли, степь, два бугра стоятъ,
Безъ крестовъ стоятъ, безъ примѣтушки,
Лишь небесный громъ въ бугры стукаетъ!..

Да, вотъ это пѣсня! Она не походитъ на ту, которую распѣваетъ такъ часто Ѳедоръ Ѳедоровичъ:

Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ
Ты мнѣ милъ навсегда....

Въ моихъ понятіяхъ, въ моихъ взглядахъ на вещи, совершается теперь переворотъ. Давно ли я смотрѣлъ на грязную сцену кутежа моихъ товарищей спокойными глазами? Въ эту минуту она кажется мнѣ отвратительною. Воспоминаніе о робкомъ мальчикѣ, котораго посылали за водкою, возмущаетъ мою душу и поселяетъ во мнѣ отвращеніе къ жизни, среди которой могутъ возникать подобныя явленія. И все съ большею и большею недовѣрчивостію осматриваюсь я кругомъ, все глубже и глубже замыкаюсь въ самомъ себѣ. Съ этого времени я понимаю постоянное раздраженіе Яблочкина противъ дикаго мелочнаго педантизма, противъ всякой сухой схоластики и безжизненной морали, противъ всего коснѣющаго и мертваго. Не скажу, чтобы я сдѣлался лѣнивымъ оттого, что пристрастился къ чтенію. Уроки выучиваются мною по прежнему. Но все это дѣлается ex officio, а ужь никакъ не con amore. Ни одно слово изъ безчисленнаго множества остающихся въ моей памяти словъ не проникаетъ въ мою душу, ни одно слово не вѣетъ на меня освѣжительнымъ дыханіемъ жизни, близкой моему уму или моему сердцу...

Однако, волею-неволею, мнѣ опять нужно положить перо и взяться за урокъ. А Ѳедоръ Ѳедоровичъ спитъ безпробудно... Тяжело мнѣ мое одиночество въ чужомъ домѣ. Не съ кѣмъ мнѣ обмѣняться ни словомъ, ни взглядомъ. Молчаливо смотрятъ на меня невзрачныя стѣны. Тускло горитъ сальная свѣча. На дворѣ завываетъ вьюга. Бѣлые хлопья снѣгу, пролетая мимо окна загораются огненными искрами и пропадаютъ въ непроницаемомъ мракѣ. Тяжело мнѣ подъ этою чужою кровлею....

14.

Вотъ и экзамены наступили. Нашъ классъ принялъ на нѣкоторое время какъ бы праздничный видъ. По полу прошла метла, по столамъ тряпка. Печь истопили съ вечера и дровъ, рамумѣется, не пожалѣли. Впрочемъ, истопить ее въ годъ два-три раза расходъ не великъ, Для отца ректора стояло заранѣе приготовленное покойное кресло. Для профессоровъ были принесены стулья. Каза-

лось, все придумали хорошо, а вышло дурно: промерзшія стѣны отошли, и воздухъ сдѣлался нестерпимо тяжелъ и непріятенъ. На это обратили вниманіе и позвали сторожа съ курушкою. Сторожъ покурилъ — и воздухъ пропитался запахомъ сосновой смолы. Өедоръ Өедоровичъ, вѣроятно, чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко въ ожиданіи прихода своего начальника. Онъ торопливо ходилъ по классу, потирая руки, и, время отъ времени, поправляя па себѣ черный фракъ, хотя, правду сказать, поправлять его было нечего: онъ былъ застегнутъ по формѣ, отъ первой до послѣдней пуговицы. Сидѣвшій у порога на заднемъ столѣ ученикъ, съ лицомъ, въ половину обращеннымъ къ двери, съ безпокойнымъ выраженіемъ въ глазахъ, напрягалъ чуткій слухъ, стараясь уловить звуки, знакомой ему поступи, чтобы отворить вòвремя дверь, что удалось ему сдѣлать какъ нельзя лучше. «Гм... гм... У васъ тутъ что-то скверно пахнетъ...» сказалъ отецъ ректоръ, опираясь на свою камышевую трость и оборачивая голову налѣво и направо», и пододвинулъ къ столу спокойное кресло. Одежда отца ректора была на лисьемъ мѣху и на мѣху просторная обувь. Онъ отдалъ одному ученику свою трость, который поставилъ ее въ передній уголъ, и осторожно опустился въ кресло, придерживаясь обѣими руками за его выгнутые бока. «Удобно ли вамъ сидѣть? не прикажите ли поправить столъ?» сказалъ Өедоръ Өедоровичъ.» — Нѣтъ, ничего. Ну, что жь, начнемъ теперь, начнемъ. — Въ эту минуту пришли еще два профессора и, послѣ обычныхъ поклоновъ, скромно заняли свои мѣста. Отецъ ректоръ развернулъ списокъ учениковъ и положилъ на столъ билеты. Начались вызовы. Мнѣ пришлось отвѣчать третьимъ, именно: о памяти. Отличусь, думалъ я, взглянувъ на билетъ, и дѣйствительно отличился: прочиталъ нѣсколько строкъ такъ бѣгло, что отецъ ректоръ пришелъ въ изумленіе. «Погоди, погоди! Я ничего не разберу. Говори раздѣльнѣе.» Я повиновался. «Ну, что жь, хорошо, весьма хорошо!... Повтори о достоинствахъ памяти.»

— Достоинства памяти рѣдко соединяются между собою въ одинаковой мѣрѣ, особенно легкость съ крѣпостію и вѣрностію,

но постояннымъ упражненіемъ памяти они могутъ быть пріобрѣтаемы до извѣстной степени и часто доводимы до необыкновеннаго совершенства. Въ древнія и новыя времена встрѣчались примѣры... —

«Чей ты сынъ?»

— Священника. —

«Ну что жь, учись, учись. Хорошо! Вотъ и выйдешь въ люди. Ступай!»

Я повернулся.

«Погоди! Зачѣмъ у тебя волоса такъ длинны? Щегольство на умѣ, а? Такъ, такъ! Остригись, непремѣнно остригись. Сколько тебѣ лѣтъ?»

— 19 лѣтъ. —

«Такъ, щегольство. Ну, смотри, учись.»

Онъ обратился къ Ѳедору Ѳедоровичу и спросилъ его въ полголоса: «Каковъ онъ у васъ?»

— Поведенія и прилежанія примѣрнаго. Способностей превосходныхъ, — послѣдовалъ отвѣтъ въ полголоса. Я боялся, что улыбнусь и прикусилъ губы. Хвали, подумалъ я: понимаю, въ чемъ тутъ дѣло. Какъ бы-то ни было, сѣвъ на свое мѣсто, я порадовался, что отдѣлался благополучно.

Ученики выходили по вызову другъ за другомъ. И вотъ одинъ, малый, впрочемъ неглупый (относительно), замялся и сталъ въ тупикъ.

«Ну, что жь. Вотъ и дуракъ! Повтори, что прочиталъ.»

— Хотя творчество фантазіи, какъ свободное преобразованіе представленій, не стѣсняется необходимостію строго слѣдовать закону истины, однако жь показуясь представленіями, взятыми изъ дѣйствительности, оно тѣмъ самымъ примыкаетъ уже къ міру дѣйствительному. Оно только расширяетъ дѣйствительность до правдоподобія и возможности... —

«Что ты разумѣешь подъ словомъ: показуясь?»

— Слово: проявляясь. —

«Ну, хорошо. Объясни, какъ это расширяется дѣйствительность до правдоподобія?»

Ученикъ молчалъ. «Ну, что жь молчишь?»

— Забылъ. —

Өедоръ Өедоровичъ двигалъ бровями, дѣлалъ ему какіе-то непонятные знаки рукой. Ничто не помогало. Не утерпѣлъ онъ — и слоса два шепнулъ.

«Нѣтъ, что жь, подсказывать не надо.»

«— Вы напрасно затрудняетесь», сказалъ ученику одинъ изъ профессоровъ: «Юрія Милославскаго» читали?»

— Читалъ. —

«Что жь тамъ — дѣйствительность или правдоподобіе?»

— Дѣйствительность. —

«Почему вы такъ думаете?»

— Это историческій романъ. —

«Нѣтъ, что жь, дуракъ! Положительный дуракъ», сказалъ отецъ ректоръ и махнулъ рукою. —

Исторія въ этомъ родѣ повторилась со многими. Едва доходило дѣло до объясненій и примѣровъ, ученики становились въ тупикъ.

Къ концу экзамена отецъ ректоръ, какъ видно, утомился. Сталъ смыкать свои глаза и пропускать нелѣпые отвѣты мимо ушей. Ученики не преминули этимъ воспользоваться, однако одинъ попалъ въ просакъ: заговоривъ объ органахъ чувствъ, онъ приплелъ сюда и память и творчество и прочее и прочее, лишь бы не молчать. Вотъ, сколько мнѣ помнится, образчикъ на выдержку: «Органы чувствъ суть: глаза, уши. носъ, языкъ и вся поверхность тѣла. Заучиваніе бываетъ механическое и разумное... однако жь бываютъ случаи, фантазія можетъ создать крылатую лошадь, но только тогда, когда мы уже имѣемъ представленіе о лошади и крыльяхъ и сверхъ того... и... напрасно строгіе эмпирики отвергаютъ въ насъ дѣйствительность ума, какъ высшей познавательной способности...» Такъ, такъ, говорилъ отецъ ректоръ, безсознательно кивая головою. Өедоръ Өедоровичъ не перебивалъ этой галиматьи, что было очень понятно.

«Вы просто городите безобразную чепуху», замѣтилъ сидѣвшій налѣво профессоръ.

— А? что, что? Повтори! и отецъ ректоръ широко раскрылъ глаза. Ученикъ сталъ въ тупикъ.

— Ну, что жь, дуракъ! Вотъ я тебѣ и поставлю нуль. Пошолъ!...

Не смотря на эти маленькія непріятности, Θедоръ Θедоровичъ остался вообще нами доволенъ и, садясь со мною обѣдать, весело потеръ руки и сказалъ: «Ну, слава Богу! экзаменъ нашъ сошелъ превосходно... какъ ты думаешь?»

— Хорошо, — отвѣчалъ я съ улыбкою.

«Промахи, конечно были, но... пододвинь ко мнѣ горчицу.» Я пододвинулъ... «Гдѣ жь этого не бываетъ?»

И въ самомъ солнцѣ пятна есть...»

Экзамены продолжаются. Въ общихъ чертахъ они похожи одинъ на другой и только отличаются нѣкоторыми оттѣнками, смотря потому, кто экзаменуетъ — отецъ ректоръ или инспекторъ. Послѣдній не дремлетъ за своимъ столомъ, нѣтъ!... Лицо его выражаетъ какое-то злое удовольствіе, когда ему удастся сбить кого-нибудь съ толку. И, Боже сохрани, если онъ не благоволитъ къ наставнику экзаменующихся! Тогда вся его злоба обращается на учениковъ, которыхъ онъ мѣшаетъ съ грязью и въ тоже время язвитъ ихъ наставника разными ядовитыми намеками и двусмысленною учтивостію. Къ счастію, онъ не экзаменуетъ по главнымъ предметамъ, но по исторіи, языкамъ и т. д.

«Переводи!» говоритъ онъ ученику, который стоитъ передъ нимъ съ потупленною головою и съ Лактанціемъ въ рукахъ. «Переводи! что жь ты молчишь, какъ стѣна?...» И впивается въ него своими сѣрыми, сверкающими глазами.

— Душа, буду... будучи обуреваема страстями и... и...

«Далѣе!»

— Страстями... и...

«Что жь далѣе?»

— И не находя опо.. опоры. — Ученикъ чуть не плачетъ.

«Оселъ! У тебя и голосъ-то ослиный!» И онъ передразниваетъ ученика: «Обуреваема... гдѣ ты нашелъ тамъ обуреваема? Лѣнь,

тебя, осла, обуреваетъ, вотъ что! Почему ты цѣлую недѣлю не ходилъ въ классъ?»

— Боленъ былъ. —

«Видишь, какой у него басище... боленъ былъ...» Опять передразниванье. «Отчего жь ты не явился въ больницу?»

— Я полагалъ... я думалъ, что на квартирѣ мнѣ будетъ покойнѣе... —

У малаго навертываются слезы.

— Ей Богу, я былъ боленъ лихорадкою. Спросите у моихъ товарищей и, если я солгалъ, накажите меня, какъ угодно. —

«А! ты покой любишь... хорошо! Вотъ тебя исключатъ къ вакаціи, тогда насладишься покоемъ: цѣлый вѣкъ будешь перезванивать въ колокола.»

И вслѣдъ за этимъ предлагается вопросъ наставнику:

«Онъ у васъ всегда таковъ, или, можетъ быть, на него періодически находитъ одуреніе?»

— Что дѣлать! Осебенныхъ способностей онъ не имѣетъ, но трудится усердно и успѣваетъ сколько можетъ. Кажется, онъ сробѣлъ немного... —

«Все это прекрасно, т. е. вы очень великодушны, но все это ни къ чему не ведетъ. Мнѣ кажется (по крайней мѣрѣ, я такъ думаю, вы меня пожалуйста извините: можетъ быть, я ошибаюсь), мнѣ кажется, было бы сообразнѣе съ дѣломъ видѣть его въ началѣ не 2-го разряда, какъ онъ у васъ стоитъ, а въ концѣ 3-го. Впрочемъ, вѣроятно вы имѣете на это свое основаніе.

Наставникъ проглотилъ позолоченную пилюлю, и сталъ извиняться, что онъ ошибся и увѣрялъ, что на будущее время онъ постарается быть болѣе осмотрительнымъ.

Послѣ класса я заходилъ за книгою къ своему товарищу, который живетъ въ семинаріи на казенномъ содержаніи. Мнѣ случилось быть въ первый разъ въ нумерѣ бурсаковъ. Это огромная высокая комната, по наружности похожая на наши классы, съ тою разницею, что она, хоть и экономно, но все же ежедневно отапливается. Вокругъ обтертыхъ спинами стѣнъ стоятъ деревянныя,

топорной работы кровати. Простынъ на нихъ нѣтъ; подушки засалены; старые, сплюснутые матрацы прикрыты изношенными, разодранными одѣялами. На полу пыль и соръ. И какой полъ! Доски стерты каблуками, и только крѣпкіе суки упорно противятся сапогамъ и времени и подымаются со всѣхъ сторонъ бугорками. Между досокъ щели. Въ углу — отверстіе: смѣлыя голодныя крысы не побоялись прогрызть казенное добро!... Окна запушены снѣгомъ и такъ плотно, что самому зоркому глазу невозможно видѣть, что дѣлается на улицѣ и даже есть ли здѣсь улица. Сквозь разбитыя и кое-какъ смазанныя стекла порядочно подуваетъ холодомъ, но я не слышалъ, чтобы кто нибудь жаловался: кажется, здѣсь ко всему привыкли. Покамѣстъ мой товарищъ доканчивалъ выписку изъ моей книги, я присѣлъ на его кровать. Ничего! матрацъ не жестче доски, стало быть, на немъ еще можно спать. Ученики сновали взадъ и впередъ по комнатѣ. Одинъ полураздѣтый, въ толстомъ и грязномъ бѣльѣ, лежалъ на своей кровати съ глазами, устремленными на тетрадку и съ видимымъ удовольствіемъ доѣдалъ кусокъ чернаго хлѣба. Другому захотѣлось покурить. Курить не велятъ, поневолѣ подниметься на хитрости. Онъ подставилъ къ печкѣ скамью, открылъ вверху заслонку и, стоя на скамьѣ, пускалъ дымъ въ трубу. Вотъ я почувствовалъ что-то непріятное у себя на шеѣ, хвать—клопъ! Этакая мерзость! Воображаю, какъ было бы покойно провести здѣсь ночь...

«Ты докончилъ выписку?» спросилъ я своего товарища.

— Докончилъ. —

«Каково вы тутъ поживаете?»

— Ничего. Семья, братъ, большая: 20 человѣкъ въ одной комнатѣ. —

«А какъ у васъ распредѣлено время?»

— Утромъ бываетъ общая молитва и мы всѣ поемъ. Потомъ одинъ становится къ налою и нѣсколько молитвъ прочитываетъ. Послѣ класса позволяется немного отдохнуть. Уроки учимъ въ залѣ. Вечеромъ опять общая молитва. Кто хочетъ, и послѣ ужина можетъ заниматься, прочіе ложатся спать. Ты никогда не былъ у насъ въ столовой? —

«Никогда. Я думаю, тамъ почище, чѣмъ здѣсь?»

— Чистота одинакова. А воздухъ тамъ хуже: изъ кухни, вѣрно, чѣмъ пахнетъ. Просто — вонь! —

«Какъ же вы тамъ садитесь за столы?»

— Извѣстно какъ, по классамъ: словесники особо, мы особо, богословы тоже особо. Богословы ѣдятъ изъ каменныхъ тарелокъ, мы и словесники изъ оловянныхъ; ложки деревянныя, да такія, братъ, прочныя, что въ каждой будетъ полфунта вѣсу. Сторожа разносятъ щи и кашу. Вотъ тебѣ и все. —

«Кушанье, стало быть, всѣмъ достается поровну?»

— Ну, нѣтъ. У богослововъ бываетъ побольше говядины, у насъ поменьше, у словесниковъ чуть-чуть. Первые ѣдятъ кашу съ коровьимъ масломъ; у насъ она только пахнетъ коровьимъ масломъ; у словесниковъ ничѣмъ не пахнетъ. Каша да и только.

«А въ постные дни что же подаютъ?»

— Кислую капусту съ квасомъ. Щи изъ кислой капусты. Къ кашѣ выдается конопляное масло въ томъ же родѣ, какъ и коровье. —

«А блины на сырной бываютъ?»

— Иногда бываютъ. Крупны ужь очень пекутъ: однимъ блиномъ сытъ будешь. —

«И съ коровьимъ масломъ?»

— Съ конопляным. Иногда съ коровьимъ — для запаху. —

«Это вѣрно не то, что дома...»

— Ничего. былъ бы хлѣбъ, живъ будешь. У меня и дома-то ѣдятъ не больно сладко. Отецъ у меня пономарь; доходы извѣстные: копѣйка да грошъ, да и тотъ не сплошь.

Послѣ этого разговора я шелъ въ раздумьи вплоть до моей квартиры, и комната моя, послѣ нумера, въ которомъ я былъ, показалась мнѣ и уютною, и чистою.

21.

У насъ производится теперь раздача билетовъ, безъ которыхъ ученики не имѣютъ права разъѣзжаться по домамъ. Мнѣ всегда

бываетъ пріятно толкаться въ это время въ корридорѣ, въ толпѣ товарищей, всматриваться въ выраженіе ихъ лицъ и угадывать по немъ невидимую работу мысли. Получившіе билеты весело сбѣгаютъ по широкой, грязной лѣстницѣ отъ инспектора, который ихъ выдаетъ. Вотъ одинъ останавливается на бѣгу и съ безпокойствомъ ощупываетъ свой боковой карманъ: тутъ ли его дорогая бумага? не обложился ли онъ какъ-нибудь въ торопяхъ? И вдругъ оборачивается назадъ и вновь бѣжитъ на верхъ; вѣрно еще что-нибудь забыто. Другой спускается съ лѣстницы съ потупленною головою и нахмуренными бровями. «Ну что?» спрашиваетъ его товарищъ. «Послѣ велѣлъ притти. Говоритъ некогда...» «А за тобою прислали изъ дома?»—То-то и есть, что прислали. Работнику дано на дорогу всего 30 коп., вотъ лошадь и будетъ стоять безъ сѣна, если тутъ задержатъ.—Подлѣ меня разговариваютъ два ученика: «Что жь ты, пріятель, не ѣдешь домой?» — Зачѣмъ? Пьянства я тамъ не видалъ? Мнѣ и здѣсь хорошо. — «Нашелъ хорошее! Что жь ты будешь дѣлать?» — Спать — кромѣ ничего. У меня, братъ, на квартирѣ... — Онъ пошепталъ своему пріятелю что-то на-ухо. «Въ самомъ дѣлѣ?» — Честное слово. — «И хорошенькая?» — Ничего, не дурна. — «Вотъ онъ!» сказалъ Мельхиседековъ, показывая свой билетъ. — Часъ добрый, — отвѣчалъ я: а что инспекторъ не сердитъ? — «Ни то, ни се: говоритъ, какъ водится, напутственныя слова. Ты, дескать, лѣнтяй и часто не ходилъ въ классы; тебя нужно бы не домой отпустить, а посадить для праздника на хлѣбъ и на воду. Ты на прошлой недѣлѣ смѣялся въ классѣ. Помни это! я до тебя доберусь.» А меня назвалъ умнымъ малымъ. «Ты, говоритъ, ведешь себя скромно. Это я люблю. Смотри, не заразись дурными примѣрами.» Я выслушалъ его съ видомъ глубочайшаго почтенія, отдалъ низкій поклонъ, да и вонъ.

И поѣдутъ они теперь въ разныя стороны, въ разныя деревушки и села. Какъ-то невольно представляются мнѣ знакомыя картины. Широко, широко раскинулось снѣжное, безлюдное поле. По краямъ сѣрое, туманное небо. Въ сторонѣ чернѣется обнажен-

ный лѣсъ. На косогорахъ качаются отъ вѣтра сухія былинки. Надъ оврагами уродливыми откосами нависъ сугробъ. По лугамъ неправильными рядами поднимаются снѣжныя волны. Вокругъ печальная, безжизненная тишина. Слышенъ только скрипъ полозьевъ и тугонатянутой дуги. Среди этой пустыни ѣдетъ иной горемыка въ легкомъ и тонкомъ тулупишкѣ. Морозъ пробираетъ его до костей. На бровяхъ и рѣсницахъ наростаетъ иней. Жгучій вѣтеръ колетъ иглами открытое лицо. Сани медленно ныряютъ изъ ухаба въ ухабъ. Тощая кляча съ трудомъ вытаскиваетъ изъ глубокаго снѣга свои косматыя ноги. И вотъ наступаетъ холодная, холодная ночь. Синее небо усѣяно звѣздами. По снѣгу, при яркомъ свѣтѣ мѣсяца, перебѣгаютъ голубые и зеленые огоньки и видны свѣжіе слѣды недавно пробѣжавшаго зайца. Безконечная даль пропадаетъ въ туманѣ и сквозь этотъ туманъ тускло мерцаетъ одинокая красная точка: вѣрно еще не спятъ въ какой-нибудь дымной и сырой избенкѣ. Тпрр! говоритъ кучеръ и съ бранью оставляетъ свое мѣсто. «Что тамъ такое?» спрашиваетъ сѣдокъ. «Супонь лопнула...» — Ахъ, Господи! что это за наказаніе!.. — Бѣдняга выскакиваетъ изъ саней и бѣгаетъ около нихъ, похлопывая окостѣнѣвшими руками, покамѣстъ исправляется старая, истасканная упряжь.

Я остаюсь здѣсь потому, что ѣхать слишкомъ далеко. Книгъ у меня будетъ довольно, а съ ними я не соскучусь. И какъ бы сталъ я коротать въ деревнѣ праздничные дни? Батюшка, по обыкновенію, съ утра до ночи ходитъ со двора на дворъ съ крестомъ и святою водою и возвращается усталый съ собранными курами и чернымъ, печенымъ хлѣбомъ. Со стороны матушки немедленно слѣдуютъ вопросы: кто какъ его принялъ и что ему далъ. Куры взвѣшиваются на рукахъ и при этомъ, разумѣется, не обходится безъ нѣкоторыхъ замѣчаній. «Вотъ, молъ, смотри: что это за курица? Воробей воробьемъ!.. Матрена, говоришь, дала?»—Она, она,—отвѣчаетъ батюшка, насупивая брови. «Экая выжига! экая выжига!» Христославнаго хлѣба у насъ собирается довольно. Часть его обращается на сухари для собственнаго употребленія, часть идетъ на кормъ домашней скотинѣ.

Когда-то и я вмѣстѣ съ батюшкою ходилъ по избамъ мужичковъ въ качествѣ Христославца и бойко читалъ наизусть какія-то допотопныя вирши, Богъ вѣсть, когда и кѣмъ написанныя, со всевозможными грамматическими ошибками и переходящія изъ рода въ родъ безъ малѣйшаго измѣненія. «Вишь, какъ тачаетъ!» бывало скажетъ иной мужичекъ: «сей часъ видно, что поповичъ. Нечего дѣлать, надо и ему дать копѣечку...»

Впрочемъ, къ чему я объ этомъ говорю? Воспоминанія, изволите ли видѣть, воспоминанія... Это, что называется, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

29.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: я надѣялся провести свое праздничное время за книгами, а вышло не такъ. Григорій заболѣлъ наканунѣ Рождества простудою и слегъ въ постель, которую пришлось ему занять въ сырой, угарной кухнѣ на жесткой сосновой лавкѣ. На больнаго никто не обращалъ особаго вниманія. Кухарка тотчасъ послѣ обѣда наряжалась въ пестрое, ситцевое платье, завивала на вискахъ косички, уходила въ гости къ какому-нибудь свату или куму, и возвращалась уже вечеромъ румяною, веселою и разговорчивою. «Вставай!» говорила она мальчугану, который съ трудомъ переводилъ свое горячее дыханіе: «что ты все лежишь, какъ колода? Не хочешь ли щей?» Больной отрицательно качалъ головою и оборачивался къ стѣнѣ. «Ну, наплевать! была бы честь приложена, отъ убытку Богъ избавилъ...» И баба запѣвала вполголоса не совсѣмъ пристойную пѣсню. Ѳедоръ Ѳедоровичъ раза два посылалъ меня къ нему съ чашкою спитаго, жиденькаго чая. Пусть, говоритъ, выпьетъ. Это здорово. Скажи, что я приказываю. Но малый не слушался и со слезами на глазахъ просилъ у меня холоднаго квасу. Ключъ отъ погреба постоянно хранился въ кабинетѣ Ѳедора Ѳедоровича; я спѣшилъ къ нему съ докладомъ, вотъ, молъ, такъ и такъ. «Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ мой наставникъ, скажи ему, что онъ глупъ. Больному пить квасъ нездорово.» И этимъ оканчивалось все попеченіе о бѣдномъ

мальчуганѣ. Такимъ образомъ, волею-неволею, мнѣ пришлось замѣнить его должность, т. е. состоять на посылкахъ и исполнять разныя приказанія и прихоти моего наставника. Только-что я возьмусь за книгу, «Василій!» раздается знакомый мнѣ голосъ: «сходи-ка на рынокъ и купи мнѣ орѣховъ, да смотри, выбирай, какіе посвѣжѣе.» Орѣхи принесены, молотокъ, чтобы разбивать ихъ, поданъ, я опять берусь за книгу и читаю при громкомъ стукѣ молотка. «Василій! поди-ка собери скорлупу и вынеси ее на дворъ.» Скорлупа вынесена — я снова принимаюсь за книгу. «Василій! Поди-ка вычисти мнѣ сапоги.» И вотъ я развожу на старомъ чайномъ блюдечкѣ ваксу и чищу сапоги, а наставникъ мой покоится на диванѣ, заложивъ подъ голову свои руки, куритъ папироску и смотритъ на потолокъ.

Теперь я окончательно убѣжденъ, что онъ строго слѣдитъ за ходомъ моего развитія. Сегодня за обѣдомъ у меня съ нимъ былъ слѣдующій разговоръ:

«Чѣмъ ты занимаешься?» спросилъ онъ меня, накладывая себѣ на тарелку новую порцію жаренаго поросенка.

— Читаю Фонъ-Визина.

«Читалъ бы ты что-нибудь серьезное, если ужь есть охота къ чтенію, вотъ и была бы польза. Эти Фонъ-Визины съ братіею отнимаютъ у тебя только время. Что это за сочиненіе? Вымыселъ и больше ничего. Кажется, я говорилъ тебѣ, какія книги ты долженъ взять изъ нашей библіотеки.»

Да, подумалъ я: просьбою о выдачѣ мнѣ этихъ книгъ я надоѣлъ библіотекарю также, какъ надоѣдаетъ иной заимодавецъ своему должнику объ уплатѣ ему денегъ. Кончилось тѣмъ, что побѣда осталась на моей сторонѣ. Библіотекарь, выведенный изъ терпѣнія, плюнулъ и крикнулъ съ досадою: возьми ихъ, возьми! Отвяжись, пожалуйста!... Я читалъ опытъ философіи Надеждина. Сухо немножко, сказалъ я, стараясь по возможности смягчить вертѣвшійся у меня въ головѣ отвѣтъ: темна вода во облацѣхъ.

«Смыслишь мало, оттого и выходитъ для тебя сухо. А ты дѣлай такъ: если прочиталъ страницу и ничего не понялъ, опять ее

прочитай, опять и опять... вотъ и останется что-нибудь въ памяти и не будетъ *сухо*. На послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ удареніе. Очевидно, отвѣтъ мой ему не понравился.

«Чтеніе журналовъ», продолжалъ онъ: «тоже напрасная трата времени». Ты видишь, я самъ ихъ не читаю, а развѣ проигрываю отъ этого! Тебѣ, напримѣръ, дается тема: *знаніе и вѣдѣніе суть ли тождественны*, или: *въ чемъ состоитъ простота души*, ну, что же ты почерпнешь изъ журналовъ для своихъ разсужденій на обѣ эти темы? Ровно ничего. Нѣтъ, ты читай что-нибудь дѣльное, а не занимайся пустяками.

Послѣ этого разговора передо мною яснѣе обрисовалась личность моего почтеннаго наставника. Я мысленно поблагодарилъ себя за то, что пряталъ отъ него почти всякую книгу и рѣшился, для устраненія между нами какихъ бы то ни было недоразумѣній, никогда не заводить съ нимъ разговора о томъ, на что онъ имѣетъ свой особенный взглядъ. Этотъ взглядъ и эта должность прислуги, которую здѣсь несу, до того мнѣ надоѣли, что я писалъ къ своему батюшкѣ, чтобы онъ, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, перемѣнилъ мою квартиру, говоря, что я настолько выросъ и настолько понимаю все бѣлое и черное, что могу обойтись безъ посторонней нравственной опеки.

Января 6.

Здоровье Григорья поправилось. Онъ вынесъ тяжелую горячку и всталъ, не смотря на всѣ, такъ сказать, благопріятныя условія къ переселенію въ лучшій міръ, какъ-то: скверное помѣщеніе, дурную пищу и отсутствіе необходимыхъ лекарствъ... «Отвалялся!» говоритъ о немъ наша кухарка, и это слово я нахожу очень умѣстнымъ и вѣрнымъ. Однакожь онъ еще такъ слабъ, что не можетъ исполнять своей обязанности, и я до сихъ поръ занимаю его мѣсто. Богъ съ нимъ, пусть поправляется! Мнѣ пріятно думать, что мои хлопоты доставляютъ ему покой.

Передняя и гостиная моего наставника снова оживлены присутствіемъ извѣстныхъ личностей... Не знаю, какъ ихъ точнѣе наз-

вать... просителями, посѣтителями или гостями, — право не знаю. Иной вовсе ни о чемъ не проситъ: скажетъ только, что сынъ его прозывается Максимъ Часовниковъ, а онъ, отецъ его, принесъ вотъ пару гусей и это короткое объясненіе закончитъ глубочайшимъ поклономъ: «извините, что, по своей скудости, не могу васъ ничѣмъ болѣе возблагодарить.» Ему отвѣтятъ: «спасибо.» Мѣсто удалившейся личности заступаетъ другая, которая подобострастно склоняетъ свою лысую голову и робко и почтително протягиваетъ мозолистую руку, изъ которой выглядываетъ на Божій свѣтъ тщательно сложенная бумажка. «Осмѣливаюсь васъ безпокоить, благоволите принять....» — Напрасно трудились. Впрочемъ, я не забуду вашего вниманія, — равнодушно говоритъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, и въ свою очередь протягиваетъ руку. Онъ дѣлаетъ это такъ естественно, какъ будто о бумажкѣ тутъ нѣтъ и помину, а просто пожимается рука доброму знакомому, при словахъ: мое почтеніе! какъ ваше здоровье? Мое присутствіе нисколько не стѣсняетъ моего наставника; и какъ же иначе? Все это дѣло обыкновенное, не притязательное: хочешь — давай, не хочешь — не давай, по шеѣ тебя никто не бьетъ. Притомъ мнѣніе ученика (если бы, сверхъ всякаго чаянія, онъ осмѣлился имѣть какое-либо мнѣніе) слишкомъ ничтожно. Иногда меня забавляетъ нелѣпая мысль: что, думаю я, если бы въ одну прекрасную минуту я предложилъ моему наставнику такой вопросъ: въ какую силу принимаются имъ всѣ эти приношенія и указалъ бы ему на разное *яствіе* и *питіе*? Мнѣ кажется, весь съ ногъ до головы онъ превратился бы въ живой истуканъ, изображающій изумленіе и, увы! потомъ разразились бы надо мною молнія и громы...

Съ наступленіемъ сумерекъ передняя опустѣла. Я вошелъ въ свою комнату и взялся за книгу.

«Василій!» крикнулъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Что вамъ угодно? —

«Прибери эти бутылки подъ столъ... знаешь, тамъ — въ моемъ кабинетѣ, а гусей отнеси въ чуланъ, запри его и ключъ подай мнѣ.»

Я все исполнилъ въ точности и снова взялся за свое дѣло, а мой наставникъ, въ ожиданіи ужина, занялся игрою съ своимъ сѣрымъ котенкомъ. За ужиномъ, между прочимъ, онъ спросилъ меня:

«Что ты теперь читалъ?»

Этотъ, часто повторяемый, вопросъ, ей Богу, мнѣ надоѣлъ.

— Слова и рѣчи на разные торжественные случаи, — отвѣчалъ я удерживая улыбку, потому что безсовѣстно лгалъ! я читалъ, по указанію Яблочкина, переводъ Венеціанскаго купца — Шекспира, напечатанный въ Отечественныхъ Запискахъ, а Слова и Рѣчи лележали и лежатъ у меня на столѣ, служа своего рода громостводомъ.

«Это хорошо. Однако ты любишь чтеніе!»

— Да, люблю. —

Онъ обратился къ кухаркѣ: «завтра къ обѣду приготовь въ жаркомъ гуся. Сало, которое изъ него вытопится, слей въ горшочекъ и принеси сюда. Мы будемъ ѣсть его съ кашею.»

Авось хоть теперь Өедоръ Өедоровичъ успокоится, думалъ я, ложась на свою кровать и продолжая чтеніе Венеціанскаго купца. Но за стѣною еще слышалась мнѣ протяжная зѣвота и полусонныя слова: Господи помилуй! что это на меня напало?... И вотъ я пробѣгаю эти потрясающія душу строки, когда жидъ Шейлокъ требуетъ во имя правосудія, чтобы вырѣзали изъ груди Антоніо фунтъ мяса. По тѣлу пробѣгаетъ у меня дрожь, на головѣ поднимаются волосы... «Василій! Василій! Или ты не слышишь?» раздается за стѣною громкій голосъ моего наставника.

— Слышу! — отвѣчалъ я съ тайною досадою: — что вамъ угодно? —

«Ты куда положилъ гусей?»

— Въ чуланъ. —

«Да въ чуланѣ-то куда?»

— На лавку. —

«Ну, вотъ, я угадалъ. Это выходитъ на съѣденіе крысамъ. Возьми ключъ и, все, что тамъ есть, гусей и поросятъ, развѣшай по стѣнамъ. Тамъ увидишь гвозди. Съ огнемъ, смотри, поосторож-

нѣе. И положилъ я Шекспира и пошелъ развѣшивать гусей и поросятъ. Не правда ли, хорошъ переходъ?...

9.

Наша семинарія опять закипѣла жизнью, или, по рѣзкому выраженію Яблочкина, шестисотоголовая, одаренная памятью, машина снова пущена входъ. Все это прекрасно, не хорошо только то, что стѣны классовъ, стоявшихъ нѣсколько времени пустыми, промерзли и покрылись инеемъ, а теперь, согрѣтыя горячимъ дыханіемъ молодаго люда, заплакали холодными слезами. Пусть плачутъ! Отъ этого не будетъ легче ни имъ, ни тѣмъ учащимся толпамъ, которыя приходятъ сюда въ извѣстный срокъ и въ извѣстный срокъ, въ послѣдній разъ, уходятъ и разсыпаются по разнымъ городамъ и селамъ....

И вотъ я сѣлъ и обращаю вокругъ задумчивыя взгляды.

Опять всѣ скамьи заняты плотно-сдвинутыми массами народа. На столахъ разложены тетрадки и книги; едва отворится дверь — изъ класса бѣлымъ столбомъ вылетаетъ влажный паръ и медленно рѣдѣетъ подъ сводами корридора. Холодно, чортъ побери! Бѣдныя ноги такъ зябнутъ, что сердце щемитъ отъ боли и послѣ двухчасоваго, неподвижнаго сидѣнья, когда выходишь изъ-за стола, онѣ движутся подъ тобою, какъ будто какія-нибудь деревяшки.

Я помню, что въ училищѣ мы до нѣкоторой степени облегчали свое горькое положеніе въ этомъ случаѣ такимъ образомъ: когда продрогшіе ученики теряли уже послѣднее терпѣніе и замѣчали, что наконецъ и самъ учитель, одѣтый въ теплую енотовую шубу, потираетъ свои посинѣвшія руки и пожимаетъ плечами, — изъ отдаленнаго угла раздавался несмѣлый возгласъ: «позвольте погрѣться!...» Позвольте погрѣться! вторили ему въ другомъ углу, и вдругъ все сливалось въ одинъ громкій, умоляющій голосъ! «позвольте погрѣться!...» И учитель удалялся иногда въ корридоръ, а чаще въ комнату своего товарища, который занималъ казенное помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ. Вслѣдъ за нимъ сыпались дружные звуки оглу-

шительной дроби. Это-то и было согрѣваніе: ученики, сидя на скамьяхъ, стучали во всю мочь своими окостенѣлыми ногами объ деревянный, покоробившійся отъ старости полъ. Между-тѣмъ какой-нибудь шалунъ, просунувъ въ полуотворенную дверь свою голову, зорко осматривалъ корридоръ. «Гдѣ учитель? Въ корридорѣ?» спрашивали его позади. «Нѣтъ. Ушелъ внизъ.» «Валяй, братцы! Валяй!..» И ученики прыгали черезъ столы на середину класса.

«Ну, ты! мокроглазый! Становись на поединокъ...» восклицаетъ одна голо-остриженная, бойкая голова и размахиваетъ кулаками передъ носомъ своего товарища.

— Становись! — говоритъ мокроглазый, притопывая ногой, — становись! —

Разъ-два! разъ-два! и пошла кулачная работа.

Къ нимъ присоединяется новая пара горячихъ бойцовъ, еще и еще — и вотъ валитъ уже стѣна на стѣну. Неучаствующіе въ бою и тѣ, которые успѣли получить подъ свои бока достаточное число пироговъ, стоятъ на столахъ и тѣлодвиженіями и крикомъ одушевляютъ подвизающихся среди класса рыцарей. Избранный часовой стоитъ у дверей и сторожитъ приходъ учителя. «Тсс... тсс...» говоритъ онъ, и ученики бѣгутъ на свои мѣста.

Учителя встрѣчаетъ въ дверяхъ облако густой пыли.

«А!» восклицаетъ онъ: «опять бились на кулачки!» и внимательно смотритъ по сторонамъ и замѣчаетъ у одного подбитый глазъ.

«А какъ ты смѣлъ биться на кулачки? А?»

— Я не бился, ей Богу, не бился! — отвѣчаетъ плаксивый голосъ.

«Врешь, бестія! Пошелъ къ порогу.»

И виновный безъ дальнѣйшихъ объясненій отправляется, куда ему приказано, распоясывается, разстегиваетъ свой нанковый сюртучишко и такъ далѣе, и ложится на холодный полъ. Сидѣвшій у порога ученикъ, такъ называемый, *секуторъ*, съ гибкою лозою въ рукѣ, усердно принимается за свою привычную работу.

«Простите! простите!» разносится на весь классъ жалобный крикъ.

— Прибавь ему, прибавь! —

И *секуторъ* прибавляетъ.

Операція кончилась, и наказанный, какъ ни въ чемъ не бывало, встаетъ, утираетъ слезы, подпоясывается, отдаетъ по заведенному порядку своему наставнику низкій поклонъ — благодарность за поученіе — и отправляется на мѣсто, замѣчая мимоходомъ одному изъ своихъ товарищей: я говорилъ тебѣ, такой-сякой, не бей по лицу: синякъ будетъ... вотъ и выдрали.

Таже самая потѣха повторяется и на слѣдующіе дни съ предварительнымъ условіемъ: «смотрите, братцы: по лицу чуръ не бить!» У насъ этого, благодареніе Богу, нѣтъ.

Но, возвращаюсь къ дѣлу.

Что это за милый человѣкъ, нашъ Яковъ Ивановичъ, профессоръ, читающій намъ русскую исторію!

Онъ смотритъ на исполненіе своей обязанности, какъ на что-то священное и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ безукоризненную похвалу. Въ классъ онъ приходитъ своевременно, спустя двѣ-три минуты послѣ звонка, при чтеніи молитвы молится усердно, и, плотно запахнувъ свою поношенную шубу, скромно садится за столъ. И вотъ развязываетъ свой клѣтчатый платокъ и мы видимъ его неизмѣннаго спутника, можно сказать, его вѣрнаго друга, — старую, почтенной толщины книгу, въ прочномъ кожаномъ переплетѣ, съ краснымъ обрѣзомъ. Яковъ Ивановичъ вынимаетъ изъ кармана очки, дышитъ на нихъ, протираетъ платкомъ и осторожно надѣваетъ на свой носъ. Все это дѣлается не спѣша, не какъ-нибудь: сейчасъ видишь, что человѣкъ приступаетъ къ исполненію трудной обязанности, къ рѣшенію великой задачи. «Гм... гм...» откашливается мужъ, посѣдѣвшій въ наукѣ, и развертываетъ книгу именно тамъ, гдѣ нужно. Ошибиться ему нельзя, потому что недочитанная страница каждый разъ закладывается продолговатою, нарочно для этого вырѣзанною, бумажкою; мѣсто же, гдѣ ударомъ звонка было закончено чтеніе, отмѣчается слегка карандашемъ, который вытирается потомъ резиною. Какъ видите, все разсчитано благоразумно и строго. И начинается тихое, мѣрное чтеніе. Читаетъ онъ

полчаса, читаетъ часъ, порою снова протираетъ очки, вѣроятно, глаза несчастнаго подергиваются туманомъ и опять безъ умолку читаетъ. И нѣтъ ему никакого дѣла до окружающей его жизни, точно также, какъ никому изъ окружающихъ его нѣтъ до него ни малѣйшей нужды. Ученики занимаются тѣмъ, что имъ нравится, или что они считаютъ для себя болѣе полезнымъ. Нѣкоторые ведутъ разсказы о своихъ взаимныхъ похожденіяхъ и проказахъ, нѣкоторые переписываютъ лекціи по главному предмету, а нѣкоторые сидятъ за романами. Тутъ вы увидите разные романы, напр. «Шапка юродиваго», «Таинственный монахъ», «Фра-діаволо», «Янанча— Татарскій наѣздникъ» и т. под., но чаще всего увидите Поль-де-Кока и Дюма. Они пользуются у насъ особенною извѣстностію. Если чей-нибудь неосторожный возгласъ или смѣхъ прерветъ мѣрное чтеніе почтеннаго наставника, онъ поднимаетъ свои вооруженные глаза на окружающую его молодежь и громко скажетъ: «пожалуйста, не мѣшайте мнѣ читать!...» И продолжаетъ: «Ахъ! странно и дивно есть, ежели или братъ на брата, сынове противо отцовъ, рабы на господъ, другъ друга ищутъ умертвить и погубить, забывъ законъ Божій и преступя заповѣди, Его единаго ради властолюбія, ища братъ брата достоянія лишить не вѣдуще, яко премудрый глаголетъ: ищай чужаго о своемъ возрыдаетъ! Изшедши же Юрій съ Ярославомъ и меньшими братіями, сталъ на рѣкѣ Гзѣ» (Рос. Истор. Татищева, изд. 1774 г., кн. III, стр. 389).

Если шумъ не унимается, наставникъ покраснѣетъ и громче прежняго повторитъ. «Не шумите! пожалуйста, не шумите! Не то, честное слово, я пущу кому-нибудь въ голову своею книгою...» Эта угроза, конечно, никого не пугаетъ, тѣмъ болѣе, что она никогда не приводится въ исполненіе. Но Яковъ Иванонічъ все-таки достигаетъ своей цѣли, т. е. въ классѣ наступаетъ непродолжительная тишина. Его боятся потому, что своимъ смиреніемъ и безотвѣтностію онъ успѣлъ себѣ снискать расположеніе нашего инспектора.

20.

Бѣдный Иванъ Ермоланчъ! Онъ совсѣмъ спился съ кругу. Грустно было смотрѣть, въ какомъ видѣ пришелъ онъ сегодня вечеромъ къ Ѳодору Ѳедоровичу. Шинель истаскана, просто — дрянь! Подкладка порвалась, изъ-подъ изношеннаго коленкора выглядываютъ клочки грязной ваты. Сапоги на немъ — безъ калошъ. Этого мало: одинъ сапогъ лопнулъ и оказывается, что онъ въ трескучіе морозы носитъ нитяные чулки. Какъ онъ терпитъ эту нужду — ей Богу, не понимаю!

Ѳедоръ Ѳедоровичъ принялъ его чрезвычайно холодно, или лучше сказать, грубо, нетолько не подалъ ему руки, даже не пригласилъ его сѣсть, и ходилъ изъ угла въ уголъ, поигрывая махрами своего пояса и напѣвая себѣ подъ носъ какую-то пѣсню, какъ будто въ комнатѣ, кромѣ его, не было ни одной живой души.

«Знаете ли что̀, Ѳедоръ Ѳедоровичъ», сказалъ незваный гость, потирая свои синія, озябшія руки: «дайте мнѣ пожалуйста рюмку водки. Я, мочи нѣтъ, озябъ!»

— У меня ни капли нѣтъ водки. Я почти никогда ее не имѣю. — Иванъ Ермоланчъ подошелъ къ печкѣ, прикладывалъ свои руки къ теплымъ кафлямъ и, обернувшись, прислонился къ ней спиною.

«Что же у васъ есть? Дайте хоть одну рюмку. Авось убытку будетъ немного.»

— Рому пожалуй я дамъ: есть немножко. Вѣдь вы ужь гдѣ-то выпили... довольно бы, кажется: —

«Да ну, — ради Бога, безъ наставленій! Давать — такъ давай, нѣтъ — Богъ съ тобою.»

Ѳедоръ Ѳедоровичъ пошелъ въ свой кабинетъ и вынесъ оттуда рюмку рому. Иванъ Ермоланчъ ее выпилъ и сѣлъ, облокотившись на столъ. Нѣсколько времени прошло въ молчаніи.

«Глупая исторія», сказалъ Иванъ Ермоланчъ: глупѣйшая исторія!»

— Что такое? — спросилъ Өедоръ Өедоровичъ.

«А вотъ что: на дняхъ я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ отцомъ ректоромъ и — остался въ дуракахъ.»

— Я думалъ, случилось что-нибудь особенное, — отвѣчалъ Өедоръ Өедоровичъ, закуривая папиросу и растягиваясь во весь свой ростъ на мягкомъ диванѣ.

«Теперь я все спрашиваю себя: за какимъ чортомъ я къ нему ходилъ?»

— Совершенно справедливо. Онъ уже не разъ намыливалъ вамъ голову; пора бы оставить его въ покоѣ. —

«Нопомилуйте! что жь это такое? Чѣмъ я виноватъ?» вскричалъ Иванъ Ермолаичъ, поднимаясь со стула и вдругъ воодушевляясь. «Вотъ слушайте: ученики собрали 30 руб. сер. и просили меня, что бы я составилъ имъ по своему выбору библіотеку, которою они могли бы постоянно пользоваться и, отъ времени до времени, ее увеличивать. Мысль прекрасная, не правда ли? Я пошелъ къ отцу ректору и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

«Вы, сказалъ онъ, спросились бы прежде у того, кто постарше васъ, тогда и собирали бы деньги.»

— Деньги, отвѣчалъ я, мнѣ принесли собранными. —

«Такъ, такъ. Ну, что жь вы хотите купить?»

— Конечно, говорю я, что-нибудь для легкаго чтенія, напр. соч. Пушкина, романы Вальтеръ-Скотта, Купера... —

«Ну, вотъ-вотъ! Пушкина... стишки, больше ничего, стишки. Опять вотъ Купера... Кто это такой Куперъ? О чемъ онъ писалъ? Нѣтъ, нѣтъ! романы намъ не годятся.»

— Да вѣдь у насъ читаютъ Поль-де-Кока и т. под. Вѣдь это помои! Не лучше ли дать ученикамъ что-нибудь порядочное. —

«Нѣтъ, что жь... Намъ это не годится. Вы ужь, пожалуйста, не ходите ко мнѣ впередъ съ такими пустяками. А деньги отдайте назадъ, непремѣнно отдайте.»

— Помилуйте! возразилъ я, устройство библіотеки... —

«Занимайтесь своимъ дѣломъ, вотъ-что! Мнѣ некогда пересыпать съ вами изъ пустаго въ порожнее. До свиданія!.»

«Скажите по совѣсти, что жь это такое?» заключилъ Иванъ Ермоланчъ.

— Не мое дѣло, — отвѣчалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. — Всякъ Еремей про себя разумѣй. —

«И только?»

— Больше ничего. —

Гость постоялъ въ раздумьи и сказалъ, какъ-то принужденно улыбаясь: «Честь имѣю кланяться, Ѳедоръ Ѳедоровичъ!..»

— Будьте здоровы... — Иванъ Ермоланчъ ушелъ.

«Гришка!» крикнулъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Ась, — отвѣчалъ мальчуганъ изъ передней.

«Ты видѣлъ вотъ этого барина, что сейчасъ отсюда вышелъ?»

— Видѣлъ. —

«Если когда-нибудь онъ опять придетъ, скажи ему, что меня нѣтъ дома. Слышишь?»

— Слышу. —

О, мой мудрый наставникъ! Еслибъ ты зналъ, какъ ты упалъ теперь въ моихъ глазахъ!..

25.

Я сейчасъ получилъ отъ батюшки письмо. Вотъ что, между прочимъ, онъ пишетъ: «Ты поменьше предавайся мечтательности. О перемѣнѣ своей квартиры до твоего перевода въ Богословіе, думать не смѣй; ибо наставникъ твой приметъ сію перемѣну за обиду и тебѣ придется тогда плохо. Ты пишешь, что онъ скупится давать тебѣ свѣчи, посылаю тебѣ денегъ; купи на нихъ свѣчъ, но по пустому ихъ не трать, пустяковъ не читай и веди себя такъ, чтобы я былъ тобою доволенъ и чтобы худаго о тебѣ ни отъ кого не слышалъ. На счетъ того, что ты ему прислуживаешь, я тебѣ скажу, что это еще не бѣда; ибо старшимъ себя повиноваться ты обязанъ...»

Итакъ терпѣніе и терпѣніе. Объ этомъ говорятъ мнѣ нетолько всѣ окружающіе меня люди, но книги и тетрадки, которыя я учу

наизусть, и кажется, самыя стѣны, въ которыхъ я живу. Будемъ терпѣть, если нѣтъ другаго исхода.

Далѣе батюшка пишетъ, что дьячокъ нашъ, Кондратьичъ, выѣхавшій куда-то со двора, подъ хмѣлькомъ, во время мятели, — пропалъ и два дня не было о немъ ни слуху, ни духу. Лошадь его возвратилась домой съ пустыми санями. На третій день Кондратьича нашли въ полѣ, въ снѣгу. Онъ замерзъ и лежалъ на боку, подогнувъ подъ себя ноги. Спину его занесло снѣгомъ. Изъ-за пазухи его тулупа вынута стклянка съ виномъ и недоѣденный блинъ. Миръ его праху! говоритъ батюшка и прибавляетъ: впрочемъ, худая трава изъ поля вонъ...

Миръ его праху! И я скажу въ свою очередь. Какъ знать? Можетъ быть, и онъ былъ бы порядочнымъ человѣкомъ, если бы его окружала другая обстановка, другія лица. Умѣлъ же онъ сработать отличную телѣгу, выстругать раму, связать красивую, узорчатую клѣтку, никогда не учившись этому ремеслу....

Февраля 1.

И когда этотъ Яблочкинъ отдохнетъ хоть на минуту отъ своего безпрестаннаго, горячаго труда? Онъ изучаетъ теперь нѣмецкій языкъ и началъ уже переводить Шиллера.

«Что ты, братъ, дѣлаешь», говорю я ему: «пожалѣй хоть немного свое здоровье...»

— Ничего, — отвѣчалъ онъ, медленно поднимаясь со стула. Лицо его было блѣдно и грустно. — А грудь, душа моя, у меня все болитъ да болитъ. Боль какая-то глухая. Не понимаю, что это значитъ. — И онъ прилегъ на свою кровать.

«Давно ли ты сталъ заниматься нѣмецкимъ языкомъ?» спросилъ я его, перелистывая отъ нечего дѣлать книгу Шиллера, въ которой не понималъ ни одного слова.

— Мѣсяца три. Выучилъ склоненія и глаголы и прямо взялся за переводъ. Трудно, Вася. По правдѣ сказать, мы не избалованы

судьбою. Потомъ и кровью приходится расплачиваться намъ не-только за каждый шагъ, но и за каждый вершокъ впередъ.

«А какъ идутъ твои занятія по семинаріи?»

— Можно бы сказать — не дурно, если бы къ нимъ не примѣшивались исторіи о тросточкахъ и тому подоб. Какъ ты думаешь? Ужъ не написать ли мнѣ по этому поводу, конечно, въ видѣ подражанія нашимъ темамъ, разсужденіе на тему своего собственнаго изобрѣтенія: «Зависитъ ли любовь къ занятіямъ отъ рода и обстановки самыхъ занятій, или можетъ быть возбуждаема исторіями разныхъ тросточекъ и тому подоб?..»

«Какая тросточка?» спросилъ я съ удивленіемъ: «что это за исторія?»

— Исторія очень простая. Одинъ изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ заходилъ ко мнѣ за своею книгою, заговорился и забылъ у меня свою тросточку. Что ему за охота ходить зимою съ тростью, это ужь его дѣло. На другой день я пошелъ къ нему за новою книгою и кстати захватилъ съ собою забытую имъ у меня вещь. Какъ видишь, все случилось весьма естественно. Только иду я по улицѣ, вдругъ на встрѣчу мнѣ попадается субъ-инспекторъ, въ своемъ неизмѣнномъ засаленномъ картузѣ и въ старенькихъ саняхъ. «Стой!» сказалъ онъ, толкнувъ въ спину своего кучера и подошелъ ко мнѣ величественнымъ шагомъ. «Что это у васъ въ рукѣ?» спросилъ онъ меня, указывая перстомъ на несчастную тросточку. Я улыбнулся и пожалъ плечами. «Это камышевая трость», отвѣчалъ я. «Чему ты смѣешься?» сказалъ онъ, нахмуривая брови и перемѣняя множественное число личнаго мѣстоименія на единственное. «Чему? Развѣ ты не знаешь, что ты не смѣешь съ нею ходить? что это запрещено, а?» Дѣлать нечего: я разсказалъ ему, почему эта трость очутилась въ моей рукѣ. «Отчего жь ты не завернулъ ее въ бумагу, чтобы отнести ее просто подъ мышкою? Ясно, что ты врешь.» Я извинился, что не догадался это сдѣлать, онъ нѣсколько успокоился. И мы разстались. Что ты на это скажешь?» спросилъ меня Яблочкинъ въ заключеніе своего разсказа.

«Что жь тутъ такое?» отвѣчалъ я: «случай весьма обыкновенный...»

— Нѣтъ, ты представь себѣ подробности этой сцены! сказалъ Яблочкинъ, вскочивъ съ своей кровати и на щекахъ его загорѣлись два красныя пятна. — Вѣдь это происходило на тротуарѣ, по которому шелъ народъ. Во все продолженіе нашего разговора я долженъ былъ стоять съ открытою головой и говорить почти шепотомъ, чтобы не привлечь на себя вниманія зѣвакъ. Неужели все это ничего не значитъ? —

«Довольно, довольно!» сказалъ я съ улыбкою: «перестань горячиться»,и незамѣтно склонилъ разговоръ на его будущую, университетскую жизнь. Лицо Яблочкина просіяло. Онъ сталъ говорить мнѣ, съ какою любовію онъ возьмется тогда за новый трудъ; какъ весело и быстро будетъ пролетать его рабочее время; какъ усердно займется онъ уроками, которые обезпечатъ его существованіе и которыхъ навѣрное найдется у него много: съ какимъ удовольствіемъ, послѣ этихъ уроковъ, сядетъ онъ въ своей маленькой квартирѣ за кипящій самоваръ, съ стаканомъ чая въ одной рукѣ, съ книгою — въ другой. «А когда, продолжалъ онъ: окончу курсъ и поступлю на службу (куда и чѣмъ, — я самъ еще не знаю, но все равно); когда у меня будутъ хоть какія-нибудь средства для жизни, первое, что я сдѣлаю — составлю себѣ прекрасную, избранную библіотеку. У меня будутъ свои собственные Пушкинъ и Гоголь, у меня будутъ Гёте и Шиллеръ въ подлинникѣ, лучшіе французскіе поэты и прозаики. Если останутся свободныя минуты отъ службы, выучусь по-англійски и у меня будутъ въ подлинникѣ Байронъ и Шекспиръ.. А главное, душа моя, даю тебѣ мое честное слово, куда бы я ни попалъ, гдѣ бы я ни служилъ, никогда не буду мерзавцемъ. Останусь безъ хлѣба, умру нищимъ, но сдержу это честное слово. Вася! заключилъ онъ, крѣпко стиснувъ меня въ своихъ объятіяхъ: вѣдь это будетъ рай, а не жизнь! понимаешь ли?..» Онъ говорилъ, глаза его сіяли, на рѣсницахъ навертывались слезы. Я подумалъ о своемъ будущемъ, — вспомнилъ слова Яблочкина: «нужно имѣть желѣзную волю, чтобы одиноко

устоять на той высотѣ и прочее...» и стало мнѣ грустно, грустно! И вотъ давно уже ночь, а я все еще не могу сомкнуть своихъ глазъ и не могу взяться за какое-нибудь дѣло.

2.

Пословица говоритъ: утро вечера мудренѣе. Такъ или нѣтъ, но въ минувшую ночь я многое перечувствовалъ и многое передумалъ. Отчего жь и мнѣ не ѣхать въ университетъ? Неужели отецъ мой не уважитъ моей справедливой, моей горячей мольбы?... Ну, мой милый Яблочкинъ, примѣръ твой на меня подѣйствовалъ. Кончено! будь что будетъ! Благослови меня Господи на честный трудъ. За дѣло, Василій Бѣлозерскій, за дѣло! Наверстывай теперь потерянное за зубреньемъ время безсонными ночами! А ты, мой безсвязный и прерывчатый дневникъ, бѣдная отрада моей скуки, покойся впредь до усмотрѣнія. «Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра...» Приведется ли мнѣ увидѣть въ тебѣ болѣе веселыя строки?. . . . .
. . . .

27 Апрѣля.

Весна, весна! Зимнія рамы вынуты. Въ моей комнаткѣ, проходя въ окно и упираясь въ подошву стѣны, горитъ золотая полоса яркаго солнца. По стеклу ползетъ и жужжитъ проспавшая всю зиму муха. На дворѣ громко чирикаютъ воробьи... но, увы! изъ окна, съ этого проклятаго задняго двора все-таки пахнетъ навозомъ. Вблизи нѣтъ ни кусточка зелени. Только у сосѣда, склонивъ надъ досчатымъ заборомъ свои гибкія вѣтви, распускается одинокая старая ива.

Занятія мои подвигаются впередъ. Книгъ я прочиталъ много. Перевожу съ французскаго довольно свободно. Разумѣется, всѣмъ этимъ я обязанъ моему безцѣнному Яблочкину, который безпрестанно помогалъ и помогаетъ мнѣ своими совѣтами. Но, какъ онъ, бѣдный, худъ! у него блѣдное, истомленное лицо!

Къ батюшкѣ я написалъ, что готовлюсь въ университетъ, что уже достаточно для этого сдѣлалъ. Просилъ у него благословенія на продолженіе начатаго мною дѣла, денегъ на покупку нѣкоторыхъ учебныхъ руководствъ и на письмо это уронилъ двѣ крупныхъ слезы. Посмотримъ, что онъ скажетъ.

1 Мая.

Утромъ ученики ходили къ отцу ректрору просить рекреаціи. Эти рекреаціи существуютъ .у насъ съ незапамятныхъ временъ. Въ коррпдорѣ обыкновенно собираются по одному или по два ученика изъ каждаго отдѣленія (классы раздѣляются на два отдѣленія, въ словесности иногда на три) и держатъ совѣтъ: какъ умнѣе приступить къ дѣлу? Черезъ кого бы узнать — въ какомъ расположеніи духа находится теперь отецъ ректоръ? И вотъ какой-нибудь богословъ отправляется развѣдывать, что̀ и какъ, узнаетъ отъ келейника отца ректора, или отъ другаго близкаго къ нему лица, что все обстоитъ благополучно, что онъ веселъ и кушаетъ теперь чай. Богословъ съ сіяющимъ лицомъ сообщаетъ объ этомъ во всеуслышаніе толпы и она подвигается впередъ. Богословы, какъ люди, имѣющіе болѣе вѣса, идутъ во главѣ: смиренные словесники образуютъ хвостъ. Отцу ректору доложили. Онъ вышелъ въ переднюю и съ улыбкою выслушалъ просьбу учениковъ. «Ну, что? Май мѣсяцъ наступилъ, а? Погулять хочется, а? Хорошо, хорошо! Не будетъ ли дождя? все разстроится....» Онъ обертывается къ своему келейнику. «Посмотри-ка въ окно.» — Небо ясное, отвѣчаетъ келейникъ: дождя, кажется, не будетъ. — «Позвольте, отецъ ректоръ, погулять въ рощѣ...» говоритъ съ поклономъ курчавый богословъ. «Позвольте...» съ поклономъ повторяетъ за нимъ нѣсколько голосовъ. «Ну, что жь. Хорошо, хорошо! Только вы того.... въ рощѣ не шумѣть, пѣсенъ не распѣвать... Вотъ и я пріѣду. А мячь-то есть у васъ, а? и лапта есть?» — Есть, есть, — съ улыбкою отвѣчаютъ ученики. «Ну, ступайте съ Богомъ, погуляйте. Май наступилъ, а? Такъ, такъ! Хорошо!»

Мѣстность, на которой у насъ бываетъ рекреація, довольно живописна. На горѣ зеленѣетъ, старая, дубовая роща. Внизу выгнутыми колѣнами течетъ свѣтлая рѣка. За рѣкою раскидываются луга, блестятъ окаймленныя камышемъ озера, въ которыхъ лозникъ купаетъ свои зеленыя вѣтви. Далѣе, поднимаясь надъ соломенными кровлями сѣрыхъ избушекъ, бѣлѣется каменная церковь. Ярко сверкаетъ на солнцѣ ея позолоченный крестъ и весело блеститъ обитый бѣлою жестью шпиль. Это пригородное село. За селомъ широко развертываются ровныя, покрытыя молодою рожью, поля; волнистою необъятною скатертью уходятъ онѣ въ даль и сливаются съ синевою безоблачнаго неба. Подлѣ рощи, со стороны города, мѣстность совершенно открыта. Подъ ногами песокъ, или мелкая трава. Въ сторонѣ тамъ-и-сямъ поднимаются кусты и мшистые пни срубленныхъ деревъ, но они такъ далеко, что мячъ, посланный самою сильною и ловкою рукою, никогда до нихъ не долетаетъ и падаетъ на виду. Здѣсь то и бываетъ у насъ рекреація.

Словесники являются на мѣсто дѣйствія ранѣе всѣхъ, нѣкоторые тотчасъ послѣ обѣда. Къ 4-мъ часамъ по полудни вы видите уже цѣлую толпу, которая разсыпается по всѣмъ направленіямъ, и въ молчаливой доселѣ рощѣ перекликаются громкіе голоса. «Многая лѣта»! гремитъ протяжно въ одномъ концѣ и эхо отвѣчаетъ въ далекой, темной чащѣ: «*лѣта!*» Ахъ, что жь это за раздолье, семинарское житье!.. слышится съ противоположной стороны, и пробужденное эхо снова отвѣчаетъ: *житье!* А небо такое безоблачное такое синее и глубокое. Солнце льется золотомъ на вершины деревъ, по которымъ перелетаютъ испуганныя людскими голосами птички. Старые дубы перешептываются другъ съ другомъ и бросаютъ отъ себя узорчатую тѣнь. Вотъ одинъ ученикъ становится на избранное мѣсто, лѣвою рукою подбрасываетъ слегка мячъ и ударяетъ по немъ со всего размаха увѣсистою лаптою. «Лови!» кричитъ онъ своимъ товарищамъ, которые стоятъ онъ него саженъ на сто. Нѣсколько ловцовъ бросаются на полетъ мяча, который, описавъ въ синемъ небѣ громадную дугу, быстро опускается внизъ. «Поймаемъ!» от-

вѣчаетъ голо-остриженная голова, поднимая на бѣгу свои руки и.... мячъ падаетъ за его спиною. «Эхъ, ты, розиня!» упрекаютъ его сзади: и тутъ-то не умѣлъ поймать. «Чортъ его знаетъ! Мячъ вѣрно легокъ: его относитъ вѣтромъ.» Направо, между кустами, краснѣется рубаха молодаго парня, который въ ожиданіи поживы, явился сюда изъ города съ кадкою мороженаго. Его низенькая шляпенька надѣта на бекрень. За поясомъ виситъ мѣдный гребешокъ и бѣлое полетенце. Парня окружаютъ ученики. «А-нука, братъ, давай на копѣйку серебромъ. Да ты накладывай верхомъ... скупъ ужь очень...» — Кваску, кваску! — и торопливо подошедшій квасникъ бойко снимаетъ съ своей головы наполненную бутылками кадку и утираетъ грязнымъ платкомъ свое разгорѣвшееся, облитое пòтомъ лицо. Число играющихъ въ мячъ постепенно увеличивается и раздѣляется на нѣсколько кружковъ, каждый съ своею лаптою и своимъ мячемъ. Но вотъ на дорогѣ, сопровождаемый облакомъ сѣрой пыли, показался знакомый намъ экипажъ. Его неуклюжій кузовъ, что-то среднее между коляскою и бричкою, неровно качался на высокихъ, грубой работы рессорахъ. Это былъ экипажъ отца ректора. Плечистый, бородатый кучеръ, крѣпко натянувъ ременныя возжи, едва удерживалъ широкогрудыхъ вороныхъ, которые, съ пѣною на удилахъ, быстро неслись по отлогой равнинѣ. На запяткахъ, при всякомъ толчкѣ колеса, подпрыгивалъ бѣлокурый богословъ, любимецъ отца ректора, бездарнѣйшее существо. Онъ впрочемъ добрый малый и не ханжа, что въ его положеніи большая рѣдкость. Позади, на трехъ дрожкахъ, ѣхали профессора. Отецъ ректоръ вышелъ изъ экипажа, опираясь на руку своего любимца, который откинулъ ему подножку, и направился къ ближайшей группѣ учениковъ. Профессора слѣдовали за нимъ въ почтительномъ разстояніи. «Ну, что? играете, а? Играете? Это хорошо. Вотъ и деревья тутъ есть, и травка есть... такъ, такъ. Играйте себѣ — это ничего. Онъ обернулся съ улыбкою къ профессорамъ: «Развѣ подать имъ примѣръ, а? Примѣръ подать?» — Удостойте ихъ... это не мѣшаетъ... — отвѣчало нѣсколько голосовъ. «Хорошо, хорошо! Давайте лапту.» Кто-то изъ

учениковъ бросился за лежавшею въ сторонѣ лаптой и такъ усердно торопился вручить ее своему начальнику, что, разбѣжавшись, чуть не сбилъ его съ ногъ. «Радъ, вѣрно, а? Ну, ничего, ничего...» сказалъ начальникъ и взялъ лапту. «Извольте бить. Я подброшу мячъ!» сказалъ одинъ изъ профессоровъ, и мячъ былъ подброшенъ. Послѣдовалъ неловкій ударъ — промахъ! другой — опять промахъ. Въ третій разъ лапта ударила по мячу, но такъ не искусно, что онъ принялъ косое направленіе, полетѣлъ внизъ, сдѣлалъ нѣсколько безтолковыхъ прыжковъ и успокоился на желтомъ пескѣ. «Нѣтъ, нѣтъ! вы мячъ нехорошо подбрасываете, не хорошо... А бить я могу, право могу.» — Не угодно ли еще попробовать? — отвѣчалъ профессоръ. «Нѣтъ, что жь... пусть молодежь играетъ. Мы лучше походимъ по рощѣ. Играйте, дѣти, играйте...» и вмѣстѣ съ профессорами онъ скоро скрылся за стволами старыхъ дубовъ. «Многая лѣта!» грянулъ въ рощѣ чей-то басъ и опять отвѣчало эхо: «лѣта!» Это непремѣнно Поповъ оретъ... экое горло! Достанется ему за это, замѣтилъ стоявшій подлѣ меня, ученикъ: побѣгу его предупредить...» И смѣтливый, добрый товарищъ полетѣлъ, какъ стрѣла въ ту сторону, откуда пронесся звукъ, знакомый его слуху. Кучеръ одного изъ профессоровъ, переваливаясь съ боку на бокъ и загребая песокъ своими пудовыми сапогами, лѣниво шелъ къ опушкѣ рощи. Въ рукахъ онъ держалъ, завернутый въ бѣлую скатерть, самоваръ и большой кулекъ съ закусками. Ученики продолжали игру въ мячъ, бѣгали въ запуски, хохотали, спотыкались и падали, стараясь другъ-друга посалить *), и, за неимѣніемъ лучшаго, находили во всемъ этомъ большое удовольствіе. Съ наступленіемъ сумерокъ усталая толпа побрела въ разныя стороны домой. Яблочкина на рекреаціи не было. Въ эти дни онъ особенно жаловался на боль въ своей груди.

---

*) *Посалить* — ударить. Ударившій лаптою мячъ бѣжитъ въ сторону; поймавшій его, или просто поднявшій съ земли, наноситъ бѣглецу ударъ во что придется, — это и называется *посалить*. Случается, что подъ этотъ ударъ подвертывается и какой-нибудь профессоръ.

5.

Яблочкинъ лежитъ въ больницѣ. Докторъ сказалъ, что жить ему остается недолго. Кажется, немного сказано, но... нѣтъ, я не могу продолжать! Наконецъ и моя крѣпкая натура не выдержала. Черною кровью облилось мое бѣдное сердце и сижу я, поникнувъ головой, и плачу, какъ ребенокъ. Жить ему остается недолго... За чѣмъ я не могу отогнать отъ себя этой мысли? Нѣтъ, я не долженъ ее отгонять! Я былъ бы не человѣкъ, если бы позабылъ скоро это нежданное, неисправимое горе. Дитя, начавшее лепетать, дитя, страстно привязанное къ своей матери и брошенное ею въ темномъ лѣсу, не можетъ такъ плакать, какъ я теперь плачу. Оно не можетъ такъ ясно понять свое безпомощное положеніе, сознать и представить себѣ весь ужасъ своего одиночества, какъ я теперь все это сознаю и понимаю. Вѣдь Яблочкинъ — моя нравственная опора! Это — свѣтъ, который сіялъ передо мною во мракѣ, свѣтъ, за которымъ я подвигался впередъ по моей тяжелой и узкой тропѣ. Это — любовь, которая вѣяла на мою душу всѣмъ, что есть на землѣ прекраснаго и благороднаго... Господи! какъ же мнѣ не плакать!

Вотъ что вчера случилось: Яблочкинъ уже давно подалъ прошеніе, и на дняхъ долженъ былъ получить увольненіе изъ духовнаго званія. Эта мысль заставила его держать себя нѣсколько независимѣе ко всѣмъ его окружающимъ. Вчера во время перемѣны классовъ, онъ закурилъ въ корридорѣ папиросу и стоялъ, облокотившись рукою на перила лѣстницы, которая ведетъ въ комнаты инспектора. Меня тамъ не было. Говорятъ, что инспекторъ его увидалъ и позвалъ къ себѣ. Черезъ четверть часа Яблочкинъ вышелъ отъ него блѣдный, какъ полотно. «Принеси мнѣ, ради Бога, немножко воды»... сказалъ онъ первому попавшемуся ему на глаза товарищу и прислонился головою къ стѣнѣ, и все кашлялъ, кашлялъ, наконецъ ноги его подкосились, изъ горла показалась кровь. Его взяли подъ руки и отвели въ больницу.

Я узналъ объ этомъ только сегодня, попросилъ у Ѳедора Ѳедоровича позволеніе оставить классъ и бросился къ моему другу. Онъ лежалъ на кровати въ бѣлой рубашкѣ. Ноги его были прикрыты сѣрымъ, суконнымъ одѣяломъ. Глаза смотрѣли печально и тускло. Бѣлокурые волосы въ безпорядкѣ падали на блѣдный лобъ.

«Здравствуй Вася! Вотъ я и боленъ»... сказалъ онъ, усиливаясь улыбнутся, и медленно протянулъ ко мнѣ свою ослабѣвшую руку. Голосъ его звучалъ какъ разбитый.

— Что жь такое! Богъ дастъ, выздоровѣешь, отвѣчалъ я, чувствуя, что слезы подступали къ моимъ глазамъ и сознавая, что говорю глупость. Я давно подозрѣвалъ въ немъ чахотку и рѣшительно не зналъ что сказать ему въ утѣшеніе. А развлечь его чѣмъ нибудь я не умѣлъ, и къ чему? Яблочкинъ безконечно умнѣе меня и навѣрное лучше всѣхъ знаетъ свое положеніе. Мы молчали. Въ комнатѣ лежало нѣсколько больныхъ. Одинъ изъ нихъ, съ пластыремъ на ногѣ читалъ вслухъ «Выходъ сатаны» и громко смѣялся. На прочихъ и вообще на обстановку больницы я не обратилъ вниманія: не до того мнѣ было.

Яблочкинъ поднялъ на меня свои грустные глаза: «У меня уже три раза шла горломъ кровь,» и снова опустилъ свою голову и о чемъ-то задумался. Я хотѣлъ было остановить этого дурака, хохотавшаго за книгою, но побоялся, что онъ заведетъ со мною какой-нибудь пошлый, грубый споръ и потревожитъ этимъ моего больнаго друга и потому оставилъ свое намѣреніе.

Вошелъ докторъ, добрый и умный старикъ, котораго, за исключеніемъ наставниковъ, уважаетъ и любитъ вся семинарія. Онъ пощупалъ у Яблочкина пульсъ. Больной поднялъ на него вопросительный взглядъ. «Ничего, молодой человѣкъ. Все пройдетъ! бростьте на нѣкоторое время свои занятія — и будете молодцомъ.» Онъ что-то ему прописалъ и отдалъ рецептъ фельдшеру. «Что прописано? спросилъ я у послѣдняго. «Лаврово-вишневыя капли.» Лекарство самое невинное, подумалъ я: видно, нѣтъ никакой надежды. Докторъ сталъ осматривать другихъ больныхъ и, проходя мимо меня, уронилъ свою перчатку. Давъ ему время удалиться въ сто-

рону, я поднялъ ее и, приблизившись къ нему, едва слышно сказалъ, указывая глазами на Яблочкина: «позвольте узнать, каково положеніе вонъ этого больнаго?» — Ему жить не долго, отвѣчалъ онъ, принимая отъ меня перчатку и слегка кивая мнѣ головой. Организмъ его слишкомъ истощенъ, да кромѣ того, вѣроятно съ нимъ было какое-то потрясеніе»... «Что тебѣ говорилъ докторъ?» спросилъ меня Яблочкинъ, внимательно всматриваясь въ выраженіе моего лица, которое измѣняло моему спокойному голосу. «Говоритъ, отвѣчалъ я, что болѣзнь твоя не опасна»... «Солгалъ ты, Вася, да все равно... Зайди, душа моя, на мою квартиру и попроси старушку, чтобы она прислала мнѣ немножко чаю и сахару. Ѣсть я ничего не хочу; все пить хочется. А ты будешь меня провѣдывать?»

«Буду, буду...» отвѣчалъ я и спѣшилъ отвернуться, чтобы скрыть отъ него текущія по щекамъ моимъ слезы.

16.

Болѣзнь Яблочкина развивается быстро. Онъ едва, едва поднимаетъ отъ подушки свою голову. Сегодня я поилъ его чаемъ изъ своихъ рукъ. Бѣдняга шутилъ, называя меня своею нянею. «Только говорилъ онъ, ты не смотри такъ тоскливо; больные не любятъ печальныхъ лицъ. Видишь, здѣсь и безъ того не весело.» Онъ указалъ мнѣ на грязный полъ, на мрачныя, Богъ вѣсть когда, покрытыя зеленою краскою стѣны и на тусклыя, засиженныя мухами окна.

Я получилъ отъ батюшки письмо. «Ты, пишетъ онъ, со мною не шути! (Эти слова имъ подчеркнуты.) Какъ я ни добръ, но исполнять твоихъ прихотей не стану. И никогда тебѣ не дамъ моего родительскаго благословенія ѣхать въ университетъ. Какой дуракъ внушилъ тебѣ эту мысль и что ты нашелъ въ ней хорошаго? Я тебѣ сказалъ: ты долженъ пребывать въ томъ званіи»... и такъ далѣе и такъ далѣе... Батюшка, батюшка!.. Ты говоришь: призванъ... А если, у меня не достанетъ силъ на исполненіе мо-

его святаго долга? Если по чему бы то ни было, я утрачу сознаніе своего высокаго назначенія, заглохну и окаменѣю въ окружающей меня горькой средѣ? Чей голосъ тогда меня ободритъ? Чья рука меня подниметъ? На чью голову ляжетъ отвѣтственность за мои проступки?... я не могу ни за что взяться: голова моя идетъ кругомъ. Между-тѣмъ у насъ начались повторенія къ годовому экзамену. Что со мною будетъ — не знаю.

23.

«Тебя зоветъ Яблочкинъ», сказалъ мнѣ фельдшеръ, вызвавъ меня изъ класса: «иди скорѣе!..» Сердце мое дрогнуло, я побѣжалъ въ больницу и осторожно подошелъ къ постели больнаго.

«Ты здѣсь?» сказалъ онъ, открывая свои впалые глаза, подъ которыми образовались синіе круги. «Умираю, Вася... все кончено!» Онъ хотѣлъ протянуть мнѣ свою руку, но безсильная рука, какъ плеть, упала на постель. Я сѣлъ подлѣ него на табуретку. Въ комнатѣ была тишина. Пасмурный день слабо освѣщалъ ея мрачныя стѣны. На дворѣ шелъ дождь и его крупныя капли, заносимыя вѣтромъ, звонко ударялись объ стекла. Яблочкинъ дышалъ тяжело и неровно.

«Коротка была, сказалъ онъ, моя жизнь и эта бѣдная жизнь обрывается въ самую лучшую пору, какъ недопѣтая пѣсня на самомъ задушевномъ стихѣ. Прощай, университетъ! Прощайте, мои молчаливые друзья, мои дорогія, любимыя книги!.. Ахъ, какъ мнѣ тяжело!.. Дай мнѣ, Вася, свою руку...»

Я понялъ, что приближается страшная минута.

«Другъ мой», сказалъ я, не удерживая болѣе своихъ слезъ и тихо пожимая его холодные пальцы: «теперь тебѣ не время думать о земномъ. Видно такъ угодно Богу, что выпадаетъ намъ та, или другая доля. Его безконечная любовь имѣетъ свои цѣли...»

«Помоги мнѣ сѣсть.» Я приподнялъ его и подложилъ ему сзади подушку.

«Хорошо», сказалъ онъ: спасибо... Вася, Вася! У меня нѣтъ даже матери, которой я послалъ бы свой прощальный вздохъ. Я

круглый сирота! На что мнѣ они — эти лица, которыя меня здѣсь окружаютъ? Какая у меня съ ними связь?»

«А развѣ я тебя не люблю? развѣ я не буду тебя помнить и за тебя молиться?»

«Я знаю, знаю. У тебя добрая душа...» Голова его была свѣшена на грудь, неопредѣленный взглядъ устремленъ въ сторону. Онъ говорилъ:

Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы,
Но, Боже! и вѣрѣ
Могила темна....

«Алёша! другъ мой! сказалъ я: зачѣмъ это сомнѣніе?»

Онъ посмотрѣлъ на меня задумчиво. «Что ты сказалъ?»

«Зачѣмъ это сомнѣніе?» повторилъ я.

«Это такъ. Грустно мнѣ, мой милый! Слышишь, какъ шумитъ вѣтеръ? Это онъ поетъ мнѣ похоронную пѣсню... Скажи моей доброй старушкѣ, что я ее любилъ и за все ей благодаренъ. Тоже скажи ея сыну. Пусть онъ учится. Тебѣ я дарю всѣ мои книги и тетрадки. Ахъ, какъ мнѣ грустно!.. Дай мнѣ карандашъ и клочекъ бумаги.» У меня было въ карманѣ то и другое и я ему подалъ и положилъ на его колѣни какую-то попавшуюся мнѣ подъ руки книгу, чтобы ему удобнѣе было писать. Онъ сталъ неразборчиво и медленно водить карандашемъ. Послѣ пяти или шести написанныхъ имъ строкъ, на бумагу упала съ его рѣсницы крупная слеза. Больной отдохнулъ немного и снова взялся за карандашъ.

«Усталъ я... сказалъ онъ, прикладывая ко лбу свою руку. Возьми себѣ это на память о моихъ послѣднихъ минутахъ. Прочтешь дома.»

«Спасибо тебѣ», отвѣчалъ я и положилъ бумагу въ карманъ.

Вдругъ Яблочкинъ вздрогнулъ и остановилъ на мнѣ испуганный взглядъ.

«Кто это сюда вошелъ? Выгони его!»

— Здѣсь никого нѣтъ, мой милый. — Я сѣлъ къ нему на кровать и обнялъ его одною рукой. — Здѣсь никого нѣтъ... —

«Какъ нѣтъ? Видишь стоитъ весь въ черномъ... выгони его!» Больной дрожалъ съ головы до ногъ. Я всталъ, прошелся до двери и снова сѣлъ на свое мѣсто. «Я его вывелъ», сказалъ я.

«Ну, хорошо.» Яблочкинъ положилъ ко мнѣ на плечо свою голову. Бредъ его усиливался.

«Горитъ!...» вдругъ онъ крикнулъ во весь голосъ и протянулъ впередъ свои исхудалыя руки. «Спасите!..»

— Что ты, что ты? успокойся!.. — отвѣчалъ я, прижимая его къ своей груди.

«Стѣны горятъ... Мнѣ душно въ этихъ стѣнахъ!.. Спасите!»

— Опомнись, опомнись! — говорилъ я, и грудь моя надрывалась отъ рыданій.

— Здѣсь все мирно. И чужихъ здѣсь никого нѣтъ. Это я сижу съ тобою, я Василій Бѣлозерскій, другъ твой, готовый за тебя лечь въ могилу. —

Дыханіе Яблочкина становилось все тише и тише. Руки холодѣли, но глаза приняли болѣе опредѣленное выраженіе.

«Это ты, Вася?»

— Я, мой милый. —

«Ступай въ университетъ, а здѣсь...»

Голова его упала ко мнѣ на плечо. Я послушалъ — не дышитъ. И тихо я опустилъ его на подушку, перекрестилъ, закрылъ ему глаза и склонился на колѣни у изголовья его кровати. И долго, долго текли изъ глазъ моихъ горькія слезы.

Вотъ что онъ написалъ мнѣ на память:

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.

Что же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится...

Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!..

Вотъ она — слышится пѣснь беззаботная, —
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. О жизни покончёнъ вопросъ.
Больше не нужно, ни пѣсенъ ни слезъ!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

24 Августа.

Сейчасъ между моими учебными книгами мнѣ попался случайно забытый мною дневникъ. Первою моею мыслію было сжечь эти страницы, напомнившія мнѣ столько горькаго. Но когда я пробѣжалъ нѣсколько строкъ, когда подумалъ, что въ нихъ положена часть моей жизни, — рука моя не поднялась на истребленіе этой бѣдной измятой тетради. Много протекло времени съ той минуты, когда умеръ мой незабвенный Яблочкинъ. Этотъ человѣкъ имѣлъ на меня непостижимое вліяніе. Онъ заставлялъ меня жить напряженною, почти поэтическою жизнію. Умолкли его огненныя рѣчи, положили его въ могилу и, кажется, навсегда улетѣла отъ меня поэзія моей внутренней, духовной жизни. Все пришло въ обыкновенный порядокъ: мечты мои остыли, желанія не переходятъ за извѣстную черту. Успокойся! сказалъ я своему сердцу, — и оно успокоилось. Только на лбу у меня осталась рѣзкая морщина, только голова моя клонится теперь ниже прежняго.

Въ домѣ у насъ не весело. Поля выжжены палящимъ зноемъ; всѣ хлѣба пропали. Неурожай въ полномъ смыслѣ этого слова.

По улицѣ не скрипятъ, какъ бывало, съ снопами воза. При вечерней зарѣ никто не поетъ беззаботной пѣсни. Батюшка ходитъ печальный и угрюмый.

По пріѣздѣ моемъ сюда, я заговорилъ съ нимъ о моемъ намѣреніи поступить въ университетъ. «Видишь?» сказалъ онъ, указывая мнѣ на обнаженныя поля и на пустое наше гумно. «А до будущаго урожая еще далеко. Пожалуйста, не серди меня пустяками: безъ тебя тошно...»

Переводный экзаменъ въ Богословіе я выдержалъ не совсѣмъ хорошо. Вдругъ, послѣ смерти Яблочкина, мнѣ трудно было взяться за дѣло. Батюшка остался мною недоволенъ. «Жилъ ты, говоритъ, подъ надзоромъ профессора и едва удержался въ первомъ разрядѣ.» Однако жь я переведенъ. Прощаніе мое съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, у котораго жить болѣе я уже не буду, было довольно холодно. Онъ, конечно, ожидалъ отъ меня глубочайшей благодарности за всѣ его заботы о моихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ, но благодарить его право не стоило.

Моя будущая судьба теперь окончательно опредѣлилась. Пройдутъ еще два года трудовой однообразной жизни и я приму на себя званіе духовнаго врача. Видитъ Богъ, намѣренія мои всегда были чисты. Если я заблуждался, мечтая о другой дорогѣ, заблужденіе мое было безкорыстно, мысль не заходила далеко и...

Я слышу голосъ батюшки, который зоветъ меня заплетать плетень, говоря: «все равно—ты сидишь безъ дѣла».

Довольно! Дневникъ мой оконченъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1857 г.

Примѣчаніе къ 1-му стихотворенію. Въ первый разъ напечатано въ изданіи 1869 г.

Примѣчаніе ко 2-му стихотворенію. Стихотвореніе это напечатано было въ «Отеч. Запискахъ» 1857 г. № 2, подъ названіемъ: «Прогулка» (отрывокъ), — и, вмѣсто послѣднихъ пяти стиховъ, оканчивалось такъ:

Путь къ дому мѣсяцъ мнѣ укажетъ....
Я знаю, что меня тамъ ждетъ,
Что камнемъ на сердце мнѣ ляжетъ....
Какъ мраченъ дикій боръ стоитъ
Какъ листъ болѣзненно дрожитъ!
Мой врагъ и тутъ не разстается —
Забота вѣчная со мной...
Пришла, пугаетъ и смѣется,
И гонитъ на горе домой.

Примѣчаніе къ 3 и 4-му стихотвореніямъ. Напечатано въ первый разъ въ изданіи 1869 г.

Примѣчаніе къ 5-му стихотворенію. Это и слѣдующія два стихотворенія, говоритъ г. Курбатовъ, по свидѣтельству А. Р. Михайлова, издавшаго сочиненія Никитина въ 1869 г., относятся ко времени поѣздки Никитина на его хуторъ, т. е. къ Іюлю 1857 г.

Примѣчаніе къ 8-му стихотворенію. Г. Курбатовъ говоритъ, что въ подлинникѣ, который онъ имѣлъ подъ руками, это стихотвореніе представляетъ значительные варіанты. Вторая и третья строфы читались такъ:

Не излѣчить мнѣ ранъ чужихъ....
Мой братъ! какъ ты, и я молился, —
Увы! источникъ слезъ моихъ
Безплодной злостью изсушился.

Теперь и горько, и смѣшно, —
Хоть желчь кипитъ, а надо вѣрить,
Что намъ во вѣкъ не суждено
Могучихъ силъ съ судьбою мѣрить.

Послѣдняя строфа также совершенно измѣнена, и первоначально читалась такъ:

Молчи, мой братъ! такъ Богъ велѣлъ...
Съ судьбой намъ биться невозможно,
Къ чему таиться? Нашъ удѣлъ —
Удѣлъ печальный и ничтожный.

Примѣчаніе къ 10-му стихотворенію. Оно значится подъ заглавіемъ «Бѣдность».

Примѣчаніе къ 13-му стихотворенію. Въ «Рус. Бесѣдѣ», 1858 г. кн. II, это стихотвореніе озаглавлено: «Пѣсня».

Примѣчаніе къ 14-му стихотворенію. Смотри примѣчаніе къ 3 и 4-му стихотвореніямъ.

Примѣчаніе къ 15-му стихотворенію. Отъ первой, ненапечатанной, редакціи этого стихотворенія, сохранившейся, какъ свидѣтельствуетъ г. Курбатовъ, у Второва, осталось безъ измѣненія только три строфы: 1-я, 5-я и 6-я. Вотъ эта первая редакція стихотворенія:

Новой жизни заря —
И тепло и свѣтло:
О добрѣ говоримъ,
Негодуемъ на зло.

Раздаются, ростутъ
Золотыя слова,
Засыхай — пропадай
Ты, худая трава.

Дождался ты, порокъ,
Приговора — суда,
Не уйдешь ты теперь
Отъ клейма, отъ стыда....

Полно такъ ли, друзья?
Не притихъ ли онъ гдѣ?
Не взялся ли ловить
Рыбу въ мутной водѣ?

Нашъ разумный порывъ,
Нашу честную рѣчь
Надо въ кровь претворить,
Надо плотью облечь.

Надо твердой ногой
Новый путь проложить,
Да всѣ силы на немъ,
Да весь умъ положить.

Какъ повѣрить словамъ, —
Чудеса настаютъ,
Прозираютъ слѣпцы
И больные встаютъ.

Какъ приходитъ пора
Трудъ тяжелый подъять, —
Начинаетъ нашъ жаръ
Остывать, потухать;

Гдѣ жь вы, слуги добра?
Выходите впередъ,
Подавайте примѣръ!
Поучайте народъ!

Тутъ и робость найдетъ,
Тутъ и лѣнь, и дрема, —
У разумныхъ головъ
Нѣтъ ни силъ, ни ума!

Примѣчаніе къ 16-му стихотворенію. Два послѣдніе стиха этой піесы, по свидѣтельству г. Курбатова, въ первоначальной рукописи читались такъ:

Ужь и кто же его пожалѣетъ!
Ужь и скоро ль онъ помощь найдетъ!

Примѣчаніе къ 18-му стихотворенію. См. примѣчаніе къ 3 и 4-му стихотвореніямъ.

1858 г.

Примѣчаніе къ 22-му стихотворенію. Въ первый разъ появилось въ изданіи 1869 г.

Примѣчаніе къ 23-му стихотворенію. Въ «Рус. Бесѣдѣ,» 1858 г. это стихотвореніе, названное «Ночь», имѣетъ такой варіантъ:

Звѣзды сыплются. Ткань облаковъ
Серебрится при лунныхъ лучахъ;
Ночь глядитъ изъ-за старыхъ дубовъ,
Свѣтъ играетъ на сонныхъ листахъ.
Синій воздухъ волнами плыветъ,
Онъ прохладенъ, и свѣжъ, и душистъ.
Ухо слышитъ, едва упадетъ
Насѣкомымъ подточенный листъ.
Подъ кустомъ въ травѣ искра горитъ.
Чей-то свистъ замираетъ вдали,
Кто-то въ чащѣ весь въ бѣломъ стоитъ...
Сказки дѣтства на умъ мнѣ пришли.
Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ
У тебя милый очеркъ лица!
Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я бъ продлилъ безъ конца, безъ конца....

Примѣчаніе къ 29-му стихотворенію. Вотъ, со словъ г. Курбатова, исторія этого стихотворенія, написаннаго Никитинымъ въ Ноябрѣ (7-го) 1858 года, по поводу обвиненій его въ сочиненіи пасквиля на одно изъ тогдашнихъ вліятельныхъ лицъ въ Воронежѣ. Никитинъ былъ глубоко возмущенъ не самымъ обвиненіемъ, ложно и неизвѣстно кѣмъ, взведенномъ на него, а умышленно распространенною нѣкоторыми лицами клеветою, что

онъ пьяница, пьетъ-де мертвую чашу. Не надо забывать, что поэтъ былъ тогда еще дворникомъ и *мѣщаниномъ*, и, что это событіе происходило въ 1858 г. Прибавимъ, что IV книжка «Русской бесѣды», въ которой помѣщены превосходныя стихотворенія Никитина: «Разговоры» и «Опять знакомыя видѣнья», получена была вскорѣ послѣ этого обвиненія и произвела потрясающее впечатлѣніе. Честный и благородный тонъ стихотворенія заставилъ тотчасъ же клевету умолкнуть. Никитинъ былъ въ восторгѣ, — и съ этой поры смѣло можно считать начало того періода его стихотворческой дѣятельности, въ которомъ онъ оставилъ яркій слѣдъ за собою.

Примѣчаніе къ 30-му стихотворенію. Вотъ первоначальная, неизданная редакція этого стихотворенія, приводимая г. Курбатовымъ, въ изданіи 1869 г.

РАДОСТЬ и КРУЧИНА.

Ахъ, у радости быстрыя крылья,
Золотыя да яркія перья!
Навѣститъ она — ночь просіяетъ,
Полумертвый встаетъ — оживаетъ!

Мудрено съ нею, рѣзвою, ладить:
Косо взглянешь, — она испугалась;
Полетитъ — и стрѣлой не догонишь.
Призывай-умоляй — не воротишь.

Тяжела, чернѣй тучи кручина,
Подойдетъ, — бѣлый свѣтъ помутится;
Прогонять. — непослушная злѣетъ,
Съ нею жить-богатырь захирѣетъ.

Нападетъ она — сердце измучитъ,
Изожжетъ огонькомъ-невидимкой;
Не залить его крупной слезою:
Онъ замретъ подъ доской гробовою...

1859 г.

Примѣчаніе къ 34-му стихотворенію. Никитинъ, въ одномъ изъ писемъ, выразился объ этомъ стихотвореніи такъ: «Стихотвореніемъ «Старый слуга» я самъ, какъ и вы, недоволенъ, да ужь такъ!... Хотѣлось пустить его въ одномъ выходѣ вмѣстѣ съ прочими.»

Примѣчаніе къ 38-му стихотворенію. «Оно внушено мнѣ», писалъ по поводу этого стихотворенія Никитинъ Н. И. Второву, «на кладбищѣ, гдѣ похороненъ вашъ Николинька.»

1860 г.

Примѣчаніе къ 39-му стихотворенію. Напечатано въ «Русскомъ Словѣ» 1860 г., № 2-й: нами напечатано оно, говоритъ г. Курбатовъ, съ автографа, находящагося въ Воронежской Публичной Библіотекѣ.

Примѣчаніе къ 40-му стихотворенію. Напечатано тамъ же. Тоже.

Примѣчаніе къ 41-му стихотворенію. Объ этомъ стихотвореніи можно сказать приводимыми ниже (см. примѣч. къ стихотворенію 43-му) словами поэта: «Это фактъ,» только изъ нашихъ литературныхъ нравовъ, глубоко возмутившій Никитина, когда онъ узналъ, незадолго передъ тѣмъ, нѣкоторыя его подробности.

Примѣчаніе къ 42-му стихотворенію. Въ первый разъ напечатано въ изданіи 1869 г.

Примѣчаніе къ 43-му стихотворенію. Вотъ что, по свидѣтельству г. Курбатова, говоритъ самъ Никитинъ въ письмѣ къ Второву, по поводу этого стихотворенія: «*Портной*» — это фактъ, случившійся на дняхъ.— Я зналъ его лично; но я, къ сожалѣнію, не зналъ о его страшномъ положеніи. Вотъ что бываетъ на свѣтѣ, а нашъ братъ еще смѣетъ жаловаться!» Портной этотъ — Тюринъ — находился, поясняетъ г. Курбатовъ, въ сватовствѣ съ Никитинымъ, и былъ послѣ смерти похороненъ имъ на его счетъ. Дочь этого Портнаго, Екатерина, по духовному завѣщанію Никитина, получила сороковую часть его имущества, т. е. 191 р. 62 к.

1861 г.

Примѣчаніе къ 47-му стихотворенію. Читано на литературномъ вечерѣ, въ залѣ Дворянскаго собранія, 9-го Апрѣля, 1861 г. Это — послѣднее произведеніе Никитина, напечатанное уже послѣ его смерти.

Примѣчаніе къ поэмѣ «Кулакъ.» Поэму эту Никитинъ писалъ въ теченіи почти двухъ лѣтъ—съ Октября 1854 г. по Сентябрь 1856 г.— включительно. «Мысль поэмы, *кажется*, говоритъ г. Курбатовъ, Никитину была внушена Второвымъ и Придорогинымъ, вскорѣ послѣ ихъ знакомства.» Мы же имѣемъ сказать, что тему эту дали Никитину гг. Н. И. Второвъ и К. О. Александровъ — Дольникъ. Кулакъ имѣетъ три редакціи кромѣ небольшихъ передѣлокъ. Вотъ главнѣйшіе варіанты второй редакціи

День гаснетъ Облаковъ громада
Покрыта краской золотой
И пурпуромъ; недавній зной
Смѣняетъ вечера прохлада;

Вдоль гати тянется обозъ,
Въ бараньихъ шапкахъ, за волами
Плетутся чумаки съ кнутами.
Кипитъ народомъ перевозъ,
Тяжелый, прочно осмаленный,
Паромъ, возами нагруженный,
Идетъ, рабочіе кричатъ,
И плещетъ по водѣ канатъ.
Рѣка какъ зеркало: избушки,
Плетни и церковь, ивъ макушки,
Прибрежной кузницы станокъ,
Съ перинами и сундуками,
Придвинутый къ нему возокъ
Безъ колеса, кузнецъ съ клещами,
Съ народомъ лодки, и паромъ
Въ ней опрокинуты вверхъ дномъ.
Назадъ озера. Свѣтлой сталью
Они блестятъ сквозь камыши,
Дремой объятыя въ-тиши.
Лежатъ луга зеленой гладью,
Приподнялись по берегамъ
Палатки моекъ тутъ и тамъ;
Вдали лѣсокъ, кусты, заливы,
Деревня, огороды, нивы,
Да чуть примѣтный, сквозь туманъ,
Средь поля чистаго курганъ.

Тому давно. Въ глуши суровой
Шумѣлъ тутъ лѣсъ, и степь кругомъ
Была покрыта ковылемъ.
И, свой маякъ зажечь готовый,
Казакъ набѣгъ татарскихъ силъ,
За валомъ сидя, сторожилъ,
Да вихорь темными столбами
По степи мыкался... И вдругъ
Все пробудилося вокругъ;
Рабочій людъ кишитъ толпами.
Нашъ царь, нашъ плотникъ и матросъ
Нежданно жизнь сюда занесъ,
И падалъ лѣсъ подъ топорами,
Визжали пилы, и росли,
Гроза Азова, корабли.

2) Старикъ отъ этого названья
Приходитъ въ гнѣвъ, и подѣломъ!
На рынкѣ просто Лукичемъ
Его зовутъ: именованья

Совсѣмъ нѣтъ нужды измѣнять,—
И мы такъ будемъ называть.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

На обветшалой крышѣ драњ,
Натасканная воробьями,
Изъ-подъ дырявой пелены
Торчитъ солома, и клоками
Повисла пакля вдоль стѣны.

---

³) «Охъ, Саша! То-то вотъ сокруха!
Сказала мать: пусть я, старуха,
Не вижу краснаго денька,
Ты горюешь...»

— Будетъ горько:
И всходитъ и заходитъ зорька, —
Кто веселъ, кто въ постели спитъ,
А у меня смола кипитъ
На сердцѣ... —

«Вѣдомо, что жалко
И тяжело: столяръ — сосѣдъ
Женихъ хорошій, слова нѣтъ,
Къ тебѣ привыкъ... Да, вѣрно, палкой
Намъ старика не понуждать;
Вишь тянетъ дѣло!»

—Срамъ сказать:
Три раза сваха приходила,
Отвѣта батюшки просила;
«Все отвѣчаетъ: погоди,
Подумаю, на дняхъ приди.
Ужь видно мнѣ такая доля!—
«Дружочекъ мой! моя ли воля?
Просила честью, умоляла,
Сосѣдъ, молъ, трезвый, молодецъ,
Ты знаешь самъ его съ-измала,—
Смѣшаетъ съ грязью,—и конецъ..!

⁴) Дочь спѣшила,
Оставивъ варежку съ чулкомъ,
Готовитъ столъ. И вотъ на немъ
Явились: ложки, хлѣбъ ломтями,
Изъ глины съ острыми зубцами

Солонка, въ чашкѣ квасъ и лукъ
И тряпка чистая для рукъ.

—

5) И молча онъ окончилъ ужинъ.
Дочь чашку со стола взяла
И въ кухню мыть ее пошла.
Старушка пристально глядѣла
На мужа. Вишь, молъ, рѣдко такъ:
И трезвъ и смиренъ... добрый знакъ...
И постепенно просвѣтлѣло
Ея лицо. Такъ солнца лучъ
Блеститъ привѣтно изъ-за тучъ
Въ осенній день.

—

6) Въ окно прохладою несло,
И пахло сочною травою,
И было чисто и свѣтло
Въ бездонной синевѣ. Порою
Катилась яркая звѣзда
И пропадала безъ слѣда.
Въ саду широкими кругами
Лежала тѣнь подъ деревами;
Веселый мѣсяцъ, сквозь кусты,
Смотрѣлъ на сонные цвѣты, —
И тамъ-и-сямъ роса блестѣла,
А въ чащѣ вишенъ ночь чернѣла,
И одиноко межъ вѣтвей,
Въ потемкахъ щелкалъ соловей.

—

7) Сынокъ таскался по горамъ,
Таская за собой салазки,
Иль бойко на конькахъ леталъ,
Или на льду кубарь пускалъ.
«Зачѣмъ ты утромъ не являлся?»
Ему учитель говорилъ.
— Я все отъ живота валялся... —
«Ты до обѣда гдѣ ходилъ?»
Кричалъ отецъ: «часъ цѣлый ждали!..»
— Учитель не пускалъ домой;
Зады сидѣли — повторяли...
Двухъ чуть не высѣкъ... вонъ какой! —
Бывало лѣтомъ въ садъ чужой
Залѣзетъ, яблокъ наворуетъ.

—

8) Игралъ ли въ бабки, первый въ дракѣ,
И сразу хвостъ отсѣчь собакѣ,
Иль крысу опалить огнемъ,
Карпушкѣ было ни-по-чемъ.
А сколько перевелъ иголокъ!
Бывало, въ стрѣлы ихъ вонзитъ,
Стрѣлу на лукъ — и сторожитъ
Сосѣдскихъ кошекъ. «Больно ловокъ
Я росъ!.. Онъ часто вспоминалъ:
Отецъ-то, жаль, не замѣчалъ,—
На рынкѣ больше занимался...»

Парнишка на ноги поднялся,
Покуда вздумалось отцу
Въ науку мудрую къ купцу
Его отдать. Тутъ всѣ разсчеты—
Торговыхъ плутней извороты
Онъ въ совершенствѣ изучилъ.
Хозяинъ молодца хвалилъ:
«Торговецъ, смѣтливъ, не зѣваетъ
Вишь, въ восемь лѣтъ онъ все узналъ!
Продастъ,—руки не замараетъ...»
И точно, малый не зѣвалъ:
Карманъ свой плотно набивалъ.
Межь-тѣмъ отецъ его скончался—
Пошла и мать за старикомъ
Въ сырую землю. Сынъ остался
Одинъ. Поссорился съ купцомъ
И наконецъ его оставилъ;
Снялъ лавку съ дегтемъ и мукой,
Женился, домикъ свой оправилъ...

---

9) И загорѣлому лицу.
Онъ покупалъ ягнятъ, щетину,
Пеньку, и нитки, и холстину,
Коня знакомому купцу,
Овесъ, — что пóдъ руку попалось,
На деньги рѣдко покупалось:
Пришлось, — покупку продавалъ;
Не шло, — владѣльцу возвращалъ:
«Ступай, молъ, съ Богомъ! Это скверно!
Продать обманомъ наровишь!»
— Какой обманъ? — «Не видишь, вѣрно!
Порокъ вонъ есть, а ты молчишь!»

---

10) День ясный. Солнце припекаетъ.
Кишитъ на ярмаркѣ народъ,
Тѣснится, движется, снуетъ,
И продаетъ, и покупаетъ.
Едва пройдешь между возовъ,
Коней, и бабъ, и мужиковъ.
На шляпахъ парней позументы,
Подолы красные рубахъ,
На загорѣлыхъ шеяхъ ленты
И ленты въ дѣвичьихъ косахъ,
Понявы, кушаки съ махрами
И кички съ острыми углами.

—

11) —Пораспрескались, говоритъ:—
Сложи полтину. — Вонъ сверкаетъ
Въ дегтярной бочкѣ мѣдный кранъ,
Подъ нимъ стоитъ широкій чанъ,
Вокругъ чернѣются мазницы...

—

12) Подъ кровлею изъ парусины,
Пріютъ разгула и кручины,
Бѣлѣясь, высится кабакъ.
За нимъ кривляясь на подмосткахъ,
Весь въ розовомъ, въ мишурныхъ блесткахъ,
Бьетъ въ бубенъ рыжій шарлатанъ,
А мимо молодой цыганъ,
Нечесанный, въ рубашкѣ красной,
Труситъ на тощемъ вороном,
Что силы бьетъ его кнутомъ
И божится: да лгешь напрасно!

—

13) «Я говорилъ вамъ — не далеко,
Лукичъ помѣщику сказалъ
И съ мезониномъ домъ высокой
Ему аршиномъ показалъ:
Вотъ кстати кучеръ...»

Кучеръ плотный,
Въ рубашкѣ красной, у воротъ
Стоялъ, глазѣя на народъ.
Онъ былъ дѣтина беззаботный,
Курчавъ и рыжъ, во взглядѣ лѣнь,
Картузъ немного на бекрень.
«Ну что, курчавая головка,
Лукичъ у кучера спросилъ:

Чай на жару стоять неловко?
Здоровъ ли?»

— Коли бъ боленъ былъ,
Не вышелъ бы. Здоровъ, пріятель. —

—

14) И кучеръ скрылся.

«Да, постой!..
Хоть баринъ человѣкъ пустой,
Въ нуждѣ... Снаровка не мѣшаетъ...»
— Что за снаровка? —

«Точно такъ:
На водку кучеру... годится,
Бываетъ время и дуракъ

—

15) Развелъ. Поди, дескать, хитритъ!
Меня-то чѣмъ онъ наградитъ,
Цѣна, къ примѣру, не бездѣлка.
Скобѣевъ крѣпко увѣрялъ

—

Я желаю
16) Узнать васъ, господинъ Долбинъ,
Поближе. Вы вотъ дворянинъ,
Я знаю... Есть и родовое?»
— Гм... было... есть, да небольшое. —
«Служили гдѣ-нибудь?»

— Въ полку. —
«Не захотѣли?»

— Надоѣло. —
«Ну въ штатскую! съ перомъ за дѣло!
Въ тепло... А въ тепломъ уголку
И благодать васъ не забудетъ.»
— Да лѣнь беретъ, и нѣтъ нужды. —
«Какъ водится... а если будетъ?»
Тогда, конечно, за труды...
Ну, вы? Вамъ не знакома лѣность? —
«Знакома злоба! Я служилъ:
Въ коммисіи подъ лямкой былъ...
Оставилъ. Что это за дерзость!
Невѣжество и плутовство,
Мошенничество, воровство!»

Поди, на чести помѣшался!
Лукичъ подумалъ: вѣрь ему;
Небось, не скажетъ никому,
За что и какъ подъ судъ попался...

---

17) Но городъ пыль покрыла.
Народъ по улицамъ снуетъ.
Гремятъ пролетки. У воротъ
Кухарки, кучера сошлися
И сплетничаютъ про господъ.
Вотъ звуки пѣсни понеслися,
Все громче, громче... — «Носъ большой!
Свиное ухо съѣлъ,.. постой!»
Жида съ шарманкой догоняя,
Мальчишка съ хохотомъ кричитъ.
Вотъ дворникъ, ставни закрывая,
На шаткой лѣстницѣ стоитъ,
Закрылъ, почесываетъ плечи,
И съ лѣстницей отходитъ прочь;
Дома освѣщены, и свѣчи
На небѣ зажигаетъ ночь.

---

18) Опять поетъ, не умолкая,
При свѣтѣ звѣздъ, въ тѣни вѣтвей,
Заботамъ чуждый, соловей.
Опять, труда не покидая,
Арина съ дочерью сидитъ.
Онѣ молчатъ. Огонь горитъ.
Неугомонный и проворный,
Усатый котъ, какъ уголь, черный,
Клубкомъ старушки на полу
Подъ стуломъ тѣшится въ углу.

---

19) Огарокъ сальный потушенъ.
Лукичъ храпѣлъ. Но все сидѣли
И мать и дочь въ саду густомъ.
И звѣзды трепетнымъ огнемъ
Надъ головами ихъ горѣли.
Вокругъ, подъ зеленью кустовъ,
Вершины сонныя деревъ
Кудрями черными висѣли.
Среди глубокой тишины,
Лишь, гостья робкая весны,
На вѣткѣ вздрагивала птичка,

Или порою по дворамъ.
Разсвѣта вѣсть, и тамъ-и-сямъ
У пѣтуховъ шла перекличка.
Но въ чащѣ хмурилася ночь,
Смотря, какъ плачетъ мать и дочь,

«Зарей я зябнуть начинаю,
Старушка молвила, кряхтя:
Старикъ хранитъ теперь, я чаю...
Вставай, пойдемъ, мое дитя!
Вотъ мы его поутру спросимъ,
За что мы горе переносимъ...»

Веселый день сіялъ давно,
Въ душистый садъ открывъ окно,
Старушка варежку вязала
И воздухъ утренній вдыхала
Въ больную грудь. А самоваръ,
Подъ потолокъ пуская паръ,
При свѣтѣ солнца красовался
И, грѣя чайникъ, потѣшался:
То, какъ рабочая пчела,
Жужжалъ, на мигъ не умолкая,
То, словно жукъ, гудѣлъ баскомъ.
Поспѣшно чашки вытирая,
Сидѣла Саша за столомъ.

---

20) «Что дѣлалъ ночью: такъ и быть!»
— Вѣстимо, бунтовалъ напрасно...
Не стать прощенія просить... —
«Вставать не хочется старуха!

21) «Я никогда изъ вашей воли
Не выхожу. Теперь не въ мочь!
За что свою родную дочь
Вы губите?»

— Да ты въ умѣ ли?
Ты съ кѣмъ изволишь разсуждать? —
«Простите!.. Рада бъ я молчать, —
На сердцѣ слезы накипѣли!
Вы принимали столяра,
Какъ сына. Вы ли не видали,
Какъ мы другъ къ другу привыкали?»
— — Теперь раздумалъ, — и поди!
Отнынѣ моего порога
Не смѣй онъ знать! Вишь рѣчь нашла!

Благодари, къ примѣру, Бога,
Что у тебя коса цѣла!..—

---

22) Ихъ раздѣляла дверь одна.
«Смотрушки завтра... Ночь осталась...
Нарядятъ, выведутъ, а тамъ...»
И кровь ей въ голову бросалась;
Нѣтъ, лучше умереть! къ моимъ слезамъ
Не будетъ жалости.

На цыпочкахъ переступая,
Она прокралась по сѣнямъ
Къ крылечку шаткому, а тамъ
Въ зеленый садъ.

Въ саду жужжанье,
Веселый свистъ и пискотня,
Чиликанье и щебетанье.
Бурьянъ разросся у плетня;
По яркой зелени сирени
Перебѣгаютъ свѣтъ и тѣни;
Приподнялся сквозной стѣной
Межъ яблонь вишенникъ густой.
Вонъ стволъ березы серебрится,
Она пряма и высока,
Отъ вѣтра шапка шевелится
И вдоль протянута рука.
И тутъ и тамъ поникли ивы;
Кругомъ трава, въ травѣ цвѣты,
Дорожекъ узкіе извивы,
На нихъ поблеклые листы.

---

23) — Ты рвешь мнѣ сердце пополамъ!
Ну, что за горе! Бѣдность наша?..
Все перемелется... Пустякъ!
Богъ милостивъ, отецъ — не врагъ:
Ну, покричитъ и посердится, —
Перенесешь... Мы подождемъ!
Вѣдь онъ не камень. Чуть смягчится,
Вотъ и поставимъ на своемъ. —
«Дай Богъ!.. Прощай! Спѣшу съ водою.»
— Ну вотъ! Да я пойду съ тобою. —
«Нѣтъ! Онъ увидитъ неравно.»

---

24) Бѣлѣетъ утро. Небо чисто,
Въ огнѣ и въ золотѣ востокъ.

Подъемлетъ надъ травой росистой
Головку мокрую цвѣтокъ.
Осины листъ едва трепещетъ.
Воркуетъ голубь средь двора
И ласточка въ гнѣздѣ щебечетъ...
Проснулся Божій людъ. Пора!
И людъ проснулся. Вотъ на рынокъ
Мальчишка-лавочникъ бѣжитъ,
Картузъ надвинувъ на затылокъ,
А мать въ окно ему кричитъ,
На ней колпакъ, глаза — съ просонокъ:
«Ты незѣвай тамъ, пострѣленокъ!
Не то отецъ твой...» — Ка-ла-чи!
Съ жа-ро-чку, легки, горячи!.. —
Калачникъ тянетъ. «Дядя, дядя!
Постой! вернися!..» изъ воротъ
Дѣвчонка продавца зоветъ.
— А деньги гдѣ?.. Вотъ я тѣ, Надя!
Старушка позади грозитъ
И Надѣ въ домъ итти велитъ...
Купецъ, сапожникъ бородатый,
Чиновникъ, съ ружьями солдаты,
Спѣшатъ, встрѣчаются, снуютъ...
Неутомимъ ты, Божій людъ!

---

25) Вотъ у плетня березы бѣлой
Стоитъ знакомый, ровный стволъ.
Какъ незамѣтно годъ прошелъ!
Тамъ въ первый разъ рукой несмѣлой
Столяръ сосѣдкѣ руку жалъ...
Никто про встрѣчу ихъ не зналъ: —
Шла тучка мимо — не видала,
Береза знала, да молчала...
И Саша, стоя подъ плетнемъ,
Глядѣла на сосѣдній домъ.
Не видно въ домѣ перемѣны:
Все тѣжъ бревенчатыя стѣны,
И въ освѣщенной мастерской
Столяръ стоитъ къ окну спиной
И пилитъ доску.

---

26) «Блаженъ разумѣваяй на нища и убога, въ день лютъ избавитъ его Господь: Господь да сохранитъ его, и живитъ его..,

— Оно прекрасно...
Шепталъ лукавый. Но гляди, —
Въ развратъ лѣнтяя не введи:
И помогать не безопасно!
Прокинь строкъ десять... Ну, читай!

«Ибо человѣкъ міра моего, на него же уповахъ, ядый хлѣбы моя, возвеличи на мя запинаніе...»

—Ну, вотъ награда!.. Раздавай!
Тутъ не добро: тутъ оскорбленье!
«Мутитъ меня лукавый духъ,
Пучковъ подумалъ: наважденье...»
И далѣе читалъ онъ вслухъ.

---

27) Минула тревога:
Лукичъ нашелъ ростовщика.
Онъ былъ чиновникъ; сѣдъ немного,
Лицо въ веснушкахъ, грудь — плоска,
Глаза прищурены. На службѣ
Присягу помнилъ: если бралъ,
Бралъ съ одного, — границу зналъ,
За то со всѣми былъ онъ въ дружбѣ:
Вальковъ — съ душой и голова.—
О немъ носилася молва.
Копилъ деньжонки благородно.
Давалъ взаемъ кому угодно.
Но безъ заклада никому,
И въ поясъ кланялись ему.
Домъ Лукича, въ часы обѣда,
Вальковъ два раза посѣтилъ,
Спросилъ объ имени сосѣда,
Богъ вѣсть зачѣмъ. Полы и стѣны,
Чердакъ и печи осмотрѣлъ;
«Вонъ рамы просятъ перемѣны»,
Замѣтилъ. Долго не хотѣлъ
Давать взаемъ. Все дрянь, молъ! время
Все строить вновь... и уступилъ!
—Возьми, крапивное ты сѣмя!
Лукичъ подумалъ: эхъ, нужда!
На дворъ бы не пустилъ жида!

---

28) Печально Саша покидала
Свой домъ. Одѣтая къ вѣнцу,
Въ цвѣтахъ, безъ слезъ она рыдала
И въ ноги бросилась къ отцу:

«Простите! Может я грубила!..»
—Прости меня! —отецъ сказалъ,
И крѣпко дочь поцѣловалъ.
Старушка Сашу обнимала:
«Дитя мое! Господь съ тобой!
Будь счастлива въ семьѣ чужой!»
Роняя слезы. поправляла
Повязку и цвѣты на ней, —
И пара вороныхъ коней
Невѣсту со двора умчала.

Примѣчаніе къ поэмѣ «Тарасъ». Въ автографѣ, по свидѣтельству г. Курбатова, есть нѣсколько значительныхъ варіантовъ, и слѣдующій пропускъ въ концѣ III-й главы:

Старушка-мать все плачетъ да горюетъ:
Испорченъ сынъ... куда вѣдь плохъ!
О чемъ онъ только, соколъ мой, тоскуетъ,
Меня сушитъ — самъ изсохъ?

И ходитъ баба по селу съ кручиной.
«Бѣда, матушки, пришла!
Разсталась съ послѣднею холстиной,
Коли бъ я знахаря нашла!»

ОПЕЧАТКИ.

Томъ I. Біографія:

Стран.		Строка.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
4	съ верху	1	дѣттких	дѣтскихъ
5	–	4	весноминанія	носпоминанія
8	–	2	универсптета	университета
34	–	1	нослать	послать
14	–	6	чѣловѣкомъ	человѣкомъ
15	–	9 и 10	муковъ	мужчковъ
21	–	10	чмтатель	читатель
—	–	33	Русс. Арх. 1878 кн. 1-я	Русс. Арх. 1877 г .кн. 6-я
26	–	1	Думый	Думы
31	–	33	акъ	какъ
—	–	34	кполны	полны
38	–	21	своими	свои
40	–	11	по.	но
41	–	21 и 22	здѣсь на на	здѣсь на
53	–	9 и 10	удидите	увидите
62	–	18	намять	на память
64	–	28	мос	мое
75	–	17	И. И. Никитина	И. С. Никитина
76	–	12	здоровья	здоровье
81	–	1	назалъ	назадъ
83	–	7	моги	мои
88	–	16	магазйна	магазина
94	–	3	Вторава	Второва
98	–	11	бюдамъ	блюдамъ
117	–	29	ужсные!	ужасные!
119	–	15	на стеклахь	на стеклахъ
—	–	20	litterature	littérature
—	–	21	litterature	littérature
127	–	25	Mais voila assez!	Mais voilà assez!
141	–	9	вижу вашъ	вижу вашу
149	–	2	1361	1861
150	–	28	выѣзжаю на полчаса	выѣзжаю на полчаса
154	–	14	въ Ворожской	въ Воронежской
156	–	21 и 22	распожались	распоряжались

Стихотворенія:

14	–	26	Ко бѣдняку	Но бѣдняку
22	–	17	миръ	міръ
52	–	2	тіръ	міръ
54	–	20	Утреннею	Утренней
55	–	7	Языческихъ	Язычеськихъ
56	–	14	У ужасъ	И ужасъ
67	–	30	Искущеніе	Искушеніе
75	–	25	выручки	выручку
86	–	14	Показалася	Показалась
102	–	6	Вса	Все
104	–	3	Въ жилитѣ	Въ жилетѣ
104	–	30 и 31	погулять на на	погулять на
108	–	19	мадуваютъ	надуваютъ
112	–	5	молоденки	молодецки
115	–	19	шататяся	шататься
127	–	18	дымы	думы!
133	–	18	дожда	дождя
159	–	18	лебежокъ	лежебокъ
185	–	18	Нкиитина	Никитина
211	–	25	Съ него всзьмешь	Съ него возьмешь
249	–	13	было	былъ
287	–	18	вспомнимъ	вспомнитъ

Томъ II.

61	–	8	акъ	Такъ
62	–	22	давной	давно
99	–	32	тоаяри	торная
143	–	5	Нисутся	Несутся
144	–	20	Сотѣдъ	Сосѣдъ
209	–	21	глазалъ	глазахъ
257	–	17	не видалъ	невидалъ
296	–	5	и слоса два	и слова два
320	–	32	стоятъ онъ него.	стоятъ отъ него
327	–	8	тебя номнить	тебя помнить

